

**Негосударственное образовательное учреждение
организация высшего образования
«Российская академия адвокатуры и нотариата»**

На правах рукописи

Давиденко Марина Александровна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА,
ОСНОВАННЫЕ НА ПСЕВДОИСЛАМСКОЙ ИДЕОЛОГИИ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА**

Специальность 5.1.4. уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Муркштис Марюс Йокубо

Москва — 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА, ОСНОВАННОГО НА ПСЕВДОИСЛАМСКОЙ ИДЕОЛОГИИ	
1.1. Понятие и признаки терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии	19
1.2. Псевдоисламизм как основа детерминационного комплекса терроризма	40
1.3. Характеристика личности псевдоисламиста – представителя террористической организации	58
1.4. Основные направления и особенности предупреждения современного терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии	77
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА	
2.1. Классификация преступлений, сопряженных с осуществлением террористической деятельности	100
2.2. Уголовно-правовая характеристика основных составов преступлений террористического характера, в том числе основанных на псевдоисламской идеологии	120
2.3. Содержание квалифицирующих признаков составов преступлений террористического характера	147
2.4. Противодействие терроризму, основанному на псевдоисламской идеологии, в процессе исполнения уголовного наказания	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	198
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	230
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	233
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы. Террористическая угроза в той или иной степени распространяется на большинство стран мирового сообщества. Объявляя о начале специальной военной операции в Донбассе, президент Российской Федерации В.В. Путин указал, что в результате регулярного нарушения норм международного права и военно-агрессивной внешней политики ряда стран Запада на территории Ливии и отдельных стран Ближнего Востока «возник огромный очаг международного терроризма»¹.

Около 85% людей в мире отождествляют себя с религией, христианами себя признают 2,38 миллиарда человек, ислам исповедуют более 1,91 миллиарда человек, при этом ислам включает в себя две основные конфессии: суннитов (75–90%) и шиитов (10–13%), а также ряд более мелких ответвлений². Натовские войны в Афганистане, Ираке, боевые действия в Ливии и Сирии не только не нанесли смертельного удара наиболее уродливым формам политического ислама, но, наоборот, усилили его радикализм. Победы привлекли еще больше бойцов в его ряды, к тому же предоставив террористам возможность получить боевой опыт, который сейчас успешно применяется в Ираке. Успехи в Ливии, легализация дочерних организаций в Катаре, Турции и Египте при Мурси облегчили боевикам логистическую работу.

Важно понимать, что, когда говорят о «псевдоисламской угрозе», это, прежде всего, угроза самому исламу, а не угроза со стороны ислама, нельзя называть всех исламских радикалов ваххабитами или салафитами, потому что существуют различные радикальные течения, зачастую враждебные

¹ Полный текст обращения Владимира Путина о начале спецоперации в Донбассе / Москва. 24 февраля 2022 года / INTERFAX.RU [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/824020> (дата обращения: 20.04.2022).

² См.: Религия по странам 2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country> (дата обращения: 01.03.2023).

ваххабизму, но не менее опасные¹. Понятие «радикальный ислам», «исламский радикализм», «псевдоисламизм» объединяет разные силы, в том числе и взаимоисключающие. Международные террористические организации: «Аль-Каида», «Исламское государство» – готовы осуществлять крупномасштабные террористические операции на территориях многих стран мира, равно как и вести боевые действия с целью захвата суверенных территорий². В отличие от других учений, претендующих на роль панацеи, политизированный ислам, исламский глобализм, т.е. современная разновидность панисламизма, является воинственной идеологией, по-видимому, способной противостоять глобализации и глобализму, которые мусульманский мир ассоциирует с западным и, прежде всего, американским господством³.

Например, 13 ноября 2022 года в Стамбуле произошел теракт в результате которого шестеро погибли и 81 человек был ранен, были повреждены здания, в социальных сетях появились кадры с истекающими кровью людьми. Гражданка Сирии А. Альбашир, оставившая сумку со взрывным устройством, была связана с террористической РПК и прошла обучение в разведывательной школе «Рабочей партии Курдистана», а инструкции по проведению теракта она получила от Ферхата Абди Шахина (кодовое имя Мазлум Кобани), главаря террористической организации РКК/YPG/SDG в Айн-аль-Арабе⁴.

Статистика преступлений террористического характера на территории России сводится к следующим показателям: в течение 2013–2022 гг.

¹ См.: Радикальный псевдоислам рвется в бой [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sb.by/articles/radikalnyy-psevdoislam-rvetsya-v-boy.html?ysclid=lfjgfg644xt251841829> (дата обращения: 01.03.2023).

² См.: Доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике с 8 июля 2017 года по 15 января 2018 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/CoISyria/A-HRC-37-72_RU.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

³ См.: Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2017. С. 81.

⁴ См.: Теракты 2022 года, список и краткое описание [Электронный ресурс] // URL: <https://posredi.ru/terakty-2022-goda-spisok-i-kratkoe-opisanie.html> (дата обращения: 01.03.2023).

количество указанных преступлений варьировалось от 661 (2013 г.) до 2342 (2020 г.)¹, причем их существенный рост — на 70,5% — пришелся на 2014 год в преддверии начала операции с участием Вооруженных сил РФ на территории Сирийской Республики против представителей ИГ. С этого же периода времени наблюдается рост числа осужденных за преступления террористического характера, отбывающих наказание в местах лишения свободы: с 955 чел. в 2013 г. до 2203 чел. в 2021 г.² Все эти факты свидетельствуют об объективном наличии угрозы государственной и общественной безопасности, источником которой является деятельность террористических и экстремистских организаций, в т.ч. пропагандирующих исламизм — радикальное религиозное течение современности³.

Террористические организации и объединения, представляющие в настоящее время наибольшую угрозу для мирового сообщества, формируются на основе псевдорелигиозных учений, основу которых якобы составляет ислам. В настоящее время терроризм, основанный на псевдоисламской идеологии, признан одним из наиболее опасных видов радикального экстремизма XXI века. Исследование его этиологии и закономерностей трансформации создает необходимые научные предпосылки для прогнозирования и предупреждения криминогенных изменений в сознании граждан, вовлекаемых в деятельность религиозных террористических организаций. Недостаточность изученности современного детерминационного комплекса терроризма, формируемого на основе исламизма, личности лидеров и рядовых участников религиозных террористических организаций и объединений, а равно уголовно-правовых и

¹ См.: Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

² См.: Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2013–2021 гг. Тверь, 2022.

³ См.: п. 44, 47 Указа Президента РФ от 2.07.2021. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

иных средств предупреждения терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, предопределили выбор темы настоящего исследования.

Степень разработанности темы исследования. В юриспруденции террористическая деятельность, оправдываемая якобы имеющимися в исламе правилами поведения, еще не стала предметом системного научного познания во всех своих проявлениях. Вместе с тем имеется достаточно большое количество исследований, посвященных различным аспектам экстремизма и его наиболее опасной разновидности — терроризма, которые использовались в процессе изучения данного явления.

Общие вопросы определения сущности, детерминации и предупреждения псевдоисламизма, терроризма и экстремизма были предметом исследований Ю.М. Антоняна, В.А. Бурковской, В.Н. Гурбы, А.Л. Гуриной, С.У. Дикаева, С.А. Дьячковского, В.В. Меркурьева, Д.В. Ольшанского, Л.М. Прокументова, В.В. Устинова, С.Н. Фридинского, А.В. Шеслера и др.

Предупреждение насильственной преступности, включающей в себя совершение преступлений террористического характера, уголовно-правовые вопросы формирования составов преступлений террористического характера и их квалификации изучали П.В. Агапов, А.Э. Жалинский, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, Б.П. Кондрашов, С.М. Кочои, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Кулыгин, С.Ф. Милюков, Г.В. Назаренко, А.В. Петрянин, Н.А. Чернядьева и др. Уголовно-правовые и криминологические аспекты финансирования терроризма, которые были в дальнейшем положены в основу разработки частной криминалистической методики расследования, были рассмотрены в трудах П.В. Агапова, Ю.М. Антоняна, А.А. Арямова, С.Ю. Богомолова, В.Ф. Вечслера, Л.С. Волоски, Л.Д. Гаухмана, Н.В. Генрих, М.Р. Гринберга, В.О. Давыдова, А.И. Долговой, Н.Х. Джаббари, В.А. Казаковой, А.Г. Кибальника, В.С. Комиссарова, С.М. Кочои, А.В. Петрянина, Д.А. Пчелкина, Е.П. Сергуна, А.А. Толкаченко, В. Лапирэ, В.В. Ульяновой, А.Г. Хлебушкина и ряда других.

Научный интерес к данной проблеме проявлялся специалистами в области социально-политических наук, такими как Д.Ю. Базаркин, Е.В. Бурдина, Е.Г. Быченко, Л. Даниэль, Е.В. Золоторев, С.В. Изутина, Е.Г. Колотова, Ю.В. Латов, Т.В. Лебедева, С.В. Марудян, Т.В. Мельник, К.С. Мелкумян, С.Ю. Никольский, Д.А. Пчелкин, В.О. Саруханян, М.И. Филимонов, В.В. Харченко, Н.А. Чернядьева и др.

Из специализированных уголовно-правовых и криминологических исследований проблематики противодействия международному терроризму, идеология которого формируется на основе ультраправых радикальных религиозных вероучений, следует выделить коллективное монографическое исследование под ред. Ю.М. Антоняна «Этнорелигиозный терроризм» (М., 2006 г.), а также кандидатские диссертации Р.Ю. Казакова «Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение» (М., 2006 г.), И.В. Лебедева «Личность осужденного террориста: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты» (Рязань, 2006 г.), Р.Х. Дашаева «Религиозные аспекты современного исламского терроризма (криминологическое исследование)» (М., 2007 г.), В.А. Стекольников «Раскрытие и расследование террористических актов, совершаемых с применением оружия и взрывных устройств». (Волгоград, 2008 г.), Ж.В. Вассалатий «Методика расследования преступлений террористического характера» (Челябинск, 2010 г.); А.Г. Марутина «Расследование террористического акта» (Краснодар, 2011 г.); Е.В. Алехина «Расследование организации экстремистских сообществ» (Краснодар, 2015 г.), М.М. Намазбекова «Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта (по материалам Кыргызской Республики)» (М., 2015 г.), А.К. Шарипова «Предупреждение преступлений, обусловленных исламистским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан)» (М., 2017 г.), Д.А. Нечитайло «Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика» (М., 2017 г.), В.О. Давыдова «Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера» (Ростов н/Д., 2018 г.), А.Ю. Круглова

«Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия» (Ростов н/Д., 2019 г.) и др.

Работы всех перечисленных авторов вносят весомый вклад в современную правовую доктрину. Однако на сегодняшний день отсутствует научное исследование, посвященное решению проблем содержания терроризма, обоснованного псевдоисламистской идеологией, его криминологических характеристик, а также уголовно-правовых средств предупреждения указанного социально-негативного явления. Поэтому степень научной разработанности заявленной проблематики не может удовлетворить современные социальные потребности.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в области предупреждения терроризма, обоснованного псевдоисламской идеологией.

Предметом исследования являются криминологические проблемы определения особенностей терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии; статистические данные о количестве регистрируемых в России преступлений террористического характера и лицах, отбывающих наказание за совершение преступлений террористического характера; нормы уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства РФ, которыми определяются преступления террористического характера и регламентируется процесс исполнения уголовного наказания за их совершение.

Цель работы состоит в получении нового научного знания о терроризме, основанном на псевдоисламской идеологии, для представления комплекса криминологически обоснованных мер предупреждения и профилактики, а также предложений по совершенствованию отечественного законодательства об ответственности за преступления террористического характера.

Для достижения указанной цели в процессе исследования были последовательно решены следующие **задачи**:

- сформулировано понятие и установлены признаки терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии;
- дана оценка псевдоисламу как основе детерминационного комплекса терроризма;
- определены основные характеристики личности исламиста — представителя террористической организации;
- установлены основные направления и особенности предупреждения современного терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии;
- классифицированы преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности;
- дана уголовно-правовая характеристика основных составов преступлений террористического характера, в том числе основанных на псевдоисламской идеологии;
- раскрыто содержание квалифицирующих признаков составов преступлений террористического характера;
- исследованы особенности противодействия терроризму, основанному на псевдоисламской идеологии, в процессе исполнения уголовного наказания.

Методология и методы исследования. Методологическая основа диссертации представлена диалектическим методом научного познания. В процессе исследования комплексно применялись общенаучные и частнонаучные методы изучения социально-правовой действительности. Системное исследование социально-негативного явления — терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, позволило выявить его криминологические особенности, специфические характеристики личности преступника и определить наиболее перспективные направления по предупреждению соответствующих уголовно-наказуемых деяний.

Исследование содержания различных нормативных актов сопровождалось применением анализа, синтеза, индукции и дедукции, формально-логического, сравнительно-правового методов, что обеспечило

возможность формулирования предложений по совершенствованию отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части противодействия терроризму, в т. ч. обоснованного исламистской идеологией.

Теоретической основой исследования являются фундаментальные труды в области различных гуманитарных наук по противодействию терроризму, основанному на псевдоисламской идеологии, религиозному экстремизму и преступлениям террористического характера, в т.ч. совершаемым по религиозным мотивам.

Нормативную базу исследования составляют: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ), Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее — УИК РФ), Устав Организации Объединенных Наций, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.10.2009, иные нормативно-правовые акты о предупреждении терроризма, в т.ч. основанного на псевдоисламской идеологии.

Эмпирическая база исследования включает в себя 1) выборочные статистические данные МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и ФСИН России о состоянии преступности в России и количестве осужденных, отбывающих уголовное наказание за преступления террористического характера за 2013–2022 гг.; 2) результаты анализа постановлений Пленума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам квалификации преступлений против общественной безопасности, конституционного строя и безопасности государства; 3) итоги изучения и обобщения судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористического характера: материалы 180 приговоров по уголовным делам

о преступлениях террористического характера и иных судебных решений, вынесенных судами, функционирующими на территории Центрального, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов РФ; 4) результаты анкетирования адвокатов, судей и помощников судей, следователей Управлений СК и МВД России гор. Москвы и Московской области, а также представителей профессорско-преподавательского состава и научных работников российских юридических вузов (160 чел.).

В ходе исследования проводились устные опросы 23 исламских религиозных деятелей Централизованной религиозной организации «Духовное собрание мусульман России» (гор. Москва).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в получении научных знаний о феномене терроризма, обоснованного псевдоисламской идеологией, на основании чего подготовлены и разъяснены научные предложения криминологического, уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера, направленные на предупреждение данного социально-опасного явления. В частности:

- впервые в науке обоснованы криминологические характеристики, определяющие и раскрывающие содержание псевдоисламистского терроризма;

- предложены перспективные направления противодействия псевдоисламистскому терроризму в современных условиях российской действительности;

- определены виды преступлений террористического характера, совершаемых в том числе на основе псевдоисламизма, и уточнено их место в системе уголовно-наказуемых посягательств на общественную безопасность;

- обоснована необходимость создания специализированного пенитенциарного учреждения для осужденных за преступления террористического характера и лиц, являющихся приверженцами псевдоисламизма как тоталитарной религиозно-политической идеологии.

По результатам диссертационного исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Предложено определение терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, — вид терроризма, идеологическую основу которого составляет псевдоисламское учение о социальных ценностях, поощряющее совершение насильственных и иных уголовно-наказуемых действий с целью формирования среди населения в целом или в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие решений органами власти в интересах ультраправых фундаменталистских организаций.

2. Для выработки комплексных мер предупреждения и профилактики псевдоисламистского терроризма обоснована необходимость учета в качестве его детерминант следующих групп факторов:

– псевдорелигиозных (чрезмерно широкое толкование, явно искажающее истинный смысл постулатов из священных книг об основах ислама, в результате чего насилие становится одобряемым средством разрешения социальных конфликтов, приоритетным способом осуществления политической деятельности и выстраивания тоталитарного государственного объединения);

– социально-экономических (существенные различия в экономическом развитии разных регионов и стран, критические показатели социального расслоения, диспропорции благосостояния незначительной части общества и чрезвычайной бедности большей части населения, высокий уровень безработицы, рост маргинализации населения);

– политико-правовых (столкновение интересов многих государств мирового сообщества на территории стран Ближнего Востока: Ирак, Сирия и др. Это приводит к ослаблению легитимных органов власти и активизации деятельности псевдоисламистских преступных объединений по созданию государствовподобного образования — халифата);

– идеологических (кризис западноевропейских гуманитарных идеологий, гарантия социальных благ всем представителям мусульманского мира, защита от экспансии западноевропейской и североамериканской культуры, объединение всех мусульман под защитой единого государства – халифата, достижение политических и иных целей сугубо насильственными методами, пропаганда превосходства приверженцев псевдоисламистской идеологии).

3. Личность псевдоисламиста, осуществляющего террористическую деятельность, дифференцирована по нескольким типам. Для обеспечения эффективности групповой и индивидуальной воспитательно-профилактической деятельности предлагается выделять следующие типы личности в зависимости от:

– целей осуществления террористической деятельности: 1) идейный тип — осуществляет террористическую деятельность, руководствуясь неверными представлениями о справедливости и истинных общественных ценностях; 2) меркантильный (корыстный) тип — стремится получить материальную выгоду, что является доминирующим мотивом при осуществлении террористической деятельности.

– морально-волевых качеств: 1) лидерский — формирует террористическую организацию, руководит всей организацией или отдельным ее подразделением; 2) утверждающийся — испытывает потребность в признании собственных заслуг и значимости в террористической организации; 3) зависимый — принимает участие в осуществлении террористической деятельности ввиду прямой или опосредованной зависимости от иных участников террористической организации.

Наиболее распространенными типами участников террористических организаций являются меркантильный (корыстный) и зависимый. Для всех типов личности псевдоисламистов, осуществляющих террористическую деятельность, характерно использование религиозных постулатов в качестве средства оправдания вреда, который они причиняют обществу (идейный,

меркантильный, утверждающийся и зависимый типы), а также в качестве средства вербовки кандидатов для вступления в террористические организации (лидерский тип).

4. Все меры, направленные на борьбу с терроризмом, основу которого составляет псевдоисламская идеология, условно классифицируются на две большие группы:

1. Силовые меры;
2. Меры социально-правового характера.

Силовые меры предупреждения эффективны только в краткосрочной перспективе и при условии их индивидуальной направленности на конкретных представителей псевдоисламистских террористических организаций.

Меры социально-правового характера обеспечивают достижение эффективных результатов предупреждения и профилактики данного вида терроризма в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Они многочисленны, носят комплексный характер и, формируясь на основании данных о детерминантах и личности представителя терроризма, являющегося приверженцем псевдоисламской идеологии, подразделяются на две подгруппы:

- 2.1. Общие меры: экономические, политические, социально-культурные;
- 2.2. Специальные: уголовно-правовые, пенитенциарные и др.

5. Для определения круга уголовно-правовых средств борьбы с терроризмом, основу которого составляет псевдоисламская идеология, представлено теоретическое обоснование выделения группы преступлений террористического характера, совершаемых в том числе псевдоисламистами. К ним относятся те виды общественно опасных деяний, которые непосредственно нарушают общественную безопасность и содержат в себе признаки террористической деятельности, т.е. характеризуются совершением насильственных действий с целью формирования среди населения в целом или в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, что в итоге

будет способствовать принятию органами власти соответствующих решений в интересах террористов. Таковыми преступлениями является террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Иные общественно опасные деяния, перечисленные в п. 2 примечания к ст. 205² УК РФ, по своей сути создают условия для осуществления преступлений террористического характера или могут быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности.

6. Предложена классификация предусмотренных в УК РФ видов преступлений, в том числе совершаемых на основе псевдоисламистской идеологии, которые в той или иной степени представляют собой проявления террористической деятельности или создают предпосылки для ее осуществления:

- 1). Преступления террористического характера: ст. 205, 206 и 361 УК РФ;
- 2). Преступления террористической направленности: ст. 205¹ – 205⁶ УК РФ;
- 3). Преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности: ст. 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ.
- 4). Преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности: ст. с 222 по 223.1, 226 и 226.1 УК РФ.

7. Доказана нецелесообразность дополнения российского уголовного закона нормами, устанавливающими ответственность за террористические акты, которые являются проявлениями специфических видов терроризма: международного, экологического, религиозного (в т.ч. псевдоисламистского) и др. Подобные решения приведут к возникновению неоправданной конкуренции между общими (ст. 205, 206 УК РФ) и специальными нормами-новеллами, но не обеспечат эффективность уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений. На этом основании предлагается

исключить статью 361 «Акт международного терроризма» из Уголовного кодекса РФ.

8. Сформулировано предложение об унифицированном использовании в составах преступлений террористического характера связки квалифицирующего и особо квалифицирующего обстоятельств: группа лиц по предварительному сговору и организованная группа. Также представлено обоснование для включения в составы террористического акта и захвата заложника квалифицирующего признака, характеризующего мотивацию совершения преступного деяния: политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

9. Для значительного повышения эффективности применения пенитенциарных мер противодействия терроризму обосновано предложение о создании в структуре уголовно-исполнительной системы России специализированного вида исправительного учреждения для лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, а также исповедующих и пропагандирующих псевдорелигиозные идеологии, включая идеи псевдоисламизма. С учетом особенностей личности псевдоисламиста — представителя террористической организации доказана необходимость привлечения профессиональных преподавателей исламских вузов для воспитательной работы с представителями данной категории осужденных в целях разъяснения истинных ценностей ислама как вероучения и этнокультуры. Создание такого специализированного исправительного учреждения приведет к существенному сокращению числа совершаемых преступлений террористического характера, а также количества приверженцев псевдорелигиозных идеологий, оправдывающих и поощряющих насилие и иные формы противоправных действий в отношении неопределенного круга граждан.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы заключается в формулировании криминологического

термина терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, определении его основных характеристик, детерминационного комплекса данного негативного социального явления и специфических свойств личности террориста-псевдоисламиста, а также в уточнении категориального аппарата относительно группы преступлений террористического характера.

Практическая значимость работы заключается в возможности реализации предложенных мер, направленных на противодействие терроризму, устранения причин и условий его существования, а также в использовании результатов исследования в законотворческой деятельности по совершенствованию отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства о преступлениях террористического характера и об особенностях исполнения наказания за их совершение. Результаты работы могут использоваться и в процессе преподавания дисциплин «Криминология», «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право» по специальности «Юриспруденция».

Степень достоверности и апробации результатов исследования. Основные результаты диссертации были предметом обсуждения и дискуссии на различных научных конференциях международного и всероссийского значения: во II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по теме: межведомственной научно-практической конференции «Актуальные вопросы подготовки кадров в сфере противодействия терроризму» (02.12.2022, Москва); X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (10 ноября 2022 г., РГУП), в XIX Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (20–21 января 2022 года, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва), во II Международной конференции по проблеме распространения идеологии экстремизма (17–18 мая, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва), во Всероссийском

научно-практическом форуме «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде» (19–20 октября 2022 г., Москва), «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе. Взгляд молодежи» (17.02.2023 г., Новосибирск). На основании проведенного исследования опубликовано 11 статей (4,5 п.л.), из которых 6 статей (2,1 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования России, и 1 статья (0,6 п.л.) в издании, индексируемом в международной базе Web of Science.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА, ОСНОВАННОГО НА ПСЕВДОИСЛАМСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

1.1. Понятие и признаки терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии

Изучение любых социальных явлений как в гуманитарных, так и в иных науках предполагает выделение специфических черт предмета исследования, осуществление сопоставления со смежными однородными явлениями, а равно определение системных связей с более общими социальными явлениями и категориями. Феномен терроризма, основу которого формирует псевдоисламское вероучение, исключением из данного правила не является, вследствие чего полноценность исследования его криминологической и правовой составляющей может быть обеспечена только изучением социальных особенностей терроризма и экстремизма, которые представлены в действующем законодательстве и в источниках современных гуманитарных наук.

Существует мнение, что вопросы определения дефиниций и терминов в первую очередь представляют научный (теоретический) интерес. Но, как показывает практика, при противодействии различным проявлениям насильственной преступности, возникает потребность выбора совокупности мер и средств, которые применимы и эффективны только в отношении конкретных видов преступной деятельности. Акт терроризма, захват заложника, формирование террористической организации и руководство ею – противодействие данным преступлениям будет эффективно только в случаях, когда будут правильно определены специфические средства превентивной деятельности. Поэтому использование специальной терминологии при осуществлении планирования предупредительной деятельности уже приобретает существенное практическое значение. В этой

связи трудно оспаривать высказанное А.В. Шободоевой мнение о том, что доскональная проработка категориального аппарата способствует результативности как теоретического исследования, так и правоприменительной деятельности. В иных же случаях пробелы и несогласованность содержания отдельных категорий создает препятствия для эффективной антитеррористической деятельности¹. Значимую роль в эффективности противодействия любым формам криминального поведения, основанным на радикальных, в т.ч. исламистских, учениях, в которых производится намеренная подмена истинных религиозных ценностей, играет качественное определение соответствующих криминологических положений. Именно по этой причине мы видим объективную потребность в определении содержания терроризма как одного из наиболее общественно-опасных явлений, имеющих место в международном сообществе, обозначении совокупности его существенных признаков, осуществлении отграничения от смежных социально-правовых явлений, а также рассмотрении отличительных особенностей терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, в сравнении с иными формами (видами) терроризма и экстремизма.

Терроризм имеет достаточно продолжительную историю существования. Терракт как способ воздействия на власть и общество был уже известен в государствах Древнего мира². Однако, юридическое закрепление в международном праве он получил только в первой половине XX века. По результатам деятельности Мадридской конференции 1934 года было сформулировано понятие «терроризм» — это применение того или иного средства в целях запугивания населения и уничтожения социальной организации. Спустя три года принимается Женевская конвенция 1937 года о предупреждении терроризма и наказания за него. Данный документ содержал более развернутое определение указанного явления, признавая в качестве

¹ См.: Шободоева А.В. Террор и терроризм: проблема понятийного аппарата // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 22.

² См.: Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография. М., 2008. С. 26.

такогого любые преступные действия, которые совершаются против государства, населения или отдельных социальных групп с целью их «терроризирования» (запугивания)¹.

Изучая современную трактовку термина «терроризм», следует отметить, что его общеэнциклопедическое значение сводится к следующим содержательным вариациям: «Терроризм (*terror* (*лат.*) — ужас, страх):

- политика и практика террора, вид насильственной преступности²;
- насилие в отношении физических лиц или организаций, или угроза его применения, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей либо значительного имущественного ущерба, а также наступления иных общественно-опасных последствий, если перечисленные действия осуществляются с целью нарушить общественную безопасность, устрашить население, или оказать воздействие на принятие органами власти решений, выгодных террориста, или удовлетворить их неправомерные имущественные и (или) иные интересы; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное с целью прекратить его деятельность либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений³;
- в уголовном праве РФ — преступления против общественной безопасности, предусмотренные ст. 205 УК РФ»⁴.

¹ См.: Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М., 2004. С. 216–217.

² См.: Маршакова Н.Н. Дефиниция терроризма в доктринальных и законодательных источниках // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 234.

³ Здесь имеет место цитирование соответствующих положений Федерального закона от 25.07.1998 г. «О борьбе с терроризмом», который утратил силу с 1 января 2007 года.

⁴ Все представленные определения представлены в справочно-юридической литературе. Более подробно см.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2006. С. 621.

Авторы Нового энциклопедического словаря не разделяют как таковые понятия террора и терроризма, определяя их как «насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывание определенной линии поведения»¹.

Подобные варианты понимания терроризма отчасти нашли отражение в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации — ст. 205 УК РФ, в которой террористическим актом признается «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Российским законодательством терроризм определяется в качестве идеологии (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. №ФЗ-35). Данная идеология предполагает осуществление насилия или практики воздействия на государственные и муниципальные органы власти, а равно на международные организации. Деятельность, осуществляемая в рамках реализации идеологии терроризма, во всех случаях связывается с устрашением населения насильственным или иным противоправным путем².

Таким образом, исходя из представленных определений, разумно выделить три существенных признака терроризма, позволяющих отграничить его от иных социально-негативных явлений:

– совершение насильственных действий и (или) угроза применения насилия;

¹ Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 1206.

² См.: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта.

- устрашение общества в целом или какой-либо его части;
- предъявление беспелляционных требований к представителям органов власти и управления, общественным деятелям, представителям международных организаций¹.

Между тем в источниках научной литературы по вопросам противодействия терроризму и предупреждения различных форм осуществления террористической деятельности авторы не демонстрируют единодушия не только в определении совокупности признаков терроризма, но и в части отграничения данного понятия от категории «террор».

Предлагая обоснование идеи о желательности разграничения сущности терроризма и террора как обособленных криминологических категорий, сторонники такого подхода пытаются обратить внимание на имеющиеся по их представлению политические, социальные, правовые и некоторые иные различия между ними. Например, Я.И. Гилинский предполагает, что террор и терроризм отличаются друг от друга в первую очередь по субъекту осуществления указанной социально опасной деятельности. Террор выражается в действиях представителей официальной власти по отношению ко всему населению страны или отдельной ее части. Поэтому террор может являться ярким атрибутом тоталитарного государственного режима. Терроризм же, напротив, характеризуется в качестве деятельности «слабых» по отношению к «сильным», иными словами, выражается в протестах населения по отношению к представителям государственной власти, и сопровождается насилием в отношении неопределенного круга лиц².

Обосновывая необходимость разграничения террора и терроризма, С.Ф. Милюков указывает на следующую отличительную особенность террора: в

¹ См.: Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе «Город — территория безопасности»: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Розенко. Ханты-Мансийск, 2018. С. 158.

² См.: Гилинский, Я. И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2005. № 1. С. 18. Аналогичное мнение ранее высказывал К.В. Жаринов. Более подробно см.: Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 1999. С. 23.

некоторых случаях он может содержать в себе и социально полезные элементы, тогда как терроризм во всех случаях и в любых проявлениях социально опасен. Возможную социальную пользу террора автор приравнивает к тем результатам, потребность в которых испытывается обществом на определенном этапе его поступательного развития. Эти же результаты террора отвечают интересам народа в целом либо большей его части. Но данная деятельность должна содержать в себе меры, обеспечивающие, главным образом, интересы трудящихся и иметь духовно-нравственное оправдание¹.

Согласиться с данным мнением, несмотря даже на его вариативный характер и указание на стремление обеспечения социальных благ для народа, довольно сложно. Мы не допускаем оправдания или какого-либо одобрения насилия (уничтожения) в отношении лиц, невиновных в совершении социально опасных и противоправных действий. В свою же очередь, преступление, совершаемое по благородным мотивам и для удовлетворения общественных потребностей, не может на этом основании утратить свою общественную опасность и перестать быть уголовно-наказуемым.

Обстоятельную классификацию разграничительных признаков террора и терроризма представила А.В. Шободоева, указав, что различия между этими явлениями основываются на историческом и правовом основании, а именно:

– террор представляет собой социально-политический феномен, включающий в себя значительное количество представителей различных слоев населения и неограниченный строгими временными рамками; терроризм, напротив, представляет собой отдельное законченное действие (совокупность действий), совершаемое строго определенным количеством граждан, преследуемых в соответствии с уголовным законодательством;

– «право на террор» принадлежит исключительно должностным лицам — официальным представителям органов власти, тогда как терроризм

¹ См.: Милуков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 114.

осуществляется неуправомоченными на осуществление государственной деятельности лицами;

– потерпевшим (пострадавшим) от террора может быть неограниченный круг лиц, а в случае терроризма его вредные и социально опасные последствия испытывают на себе определенные граждане: государственные и муниципальные служащие, представители международных организаций, потерпевшие от террористических актов и иных преступлений террористического характера, и др.¹

Современная юридическая литература содержит и иные мнения относительно вариантов разграничения террора и терроризма. Например, высказывается точка зрения, что терроризм может представлять собой различные уголовно-наказуемые действия, а террор выступать способом их совершения. Данный способ (террор), сводится к наведению страха и ужаса на население, представляет собой лишь средство для осуществления террористической деятельности, которому сопутствует влияние и подавление воли людей созданием всеобщей опасности².

Д.И. Васильев и В.И. Колесниченко полагают, что террор может включать в себя любое насилие, которое применяется к жертве преступниками-одиночками, представителями преступных организаций, а равно должностными лицами и иными лицами, состоящими на государственной службе. В свою очередь терроризм рассматривается ими как родовое понятие тех преступлений, которые совершаются по идеологическим и политическим мотивам³. Б.У. Таджиханов под террором понимает специфическую социально политическую категорию, характеризующую

¹ См.: Шободоева А.В. Указ. соч. С. 25.

² См.: Чаликов И. Терроризм. Террористические преступления / История и политика. 23.11.2014 [Электронный ресурс] // URL: <https://proza.ru/2014/11/23/209> (дата обращения: 31.03.2022).

³ См.: Васильев Д.И., Колесниченко В.И. Терроризм и его общая стратегия // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Ч. 2 / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск, 2017. С. 223.

исторически изменчивое негативное явление транснационального масштаба, основывающееся на философии насилия, в то время как терроризм сводится к публично совершаемому акту в виде деяния или угрозы его осуществления, создающему опасность для личности или собственности, понуждающему физических или юридических лиц к совершению каких-либо действий или, напротив, к отказу от их совершения для нарушения отношений с представителями международного сообщества, нарушения основополагающих принципов международного права: недопустимость агрессивной войны, невмешательство во внутренние дела, нерушимость границ, мирное разрешение споров, уважение государственного суверенитета и др. Также обязательным атрибутом терроризма по мнению указанного автора является устрашение населения¹.

Анализ приведенных мнений указывает на чрезмерно широкий подход к определению терроризма, под которое в данном случае подпадает почти любое преступление против общественной безопасности, равно как и некоторые виды преступлений экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя. Думается, что предложения авторов об определении содержания и террора, и терроризма нуждаются в конкретизации.

Несколько спорной видится позиция М.Ф. Мусаеляна, который указывает на необходимость разграничения понятий терроризма и террора по причине того, что у последнего отсутствует один из трех выделяемых им существенных признаков терроризма – применение насилия или угрозы насилием в отношении одних лиц ради оказания психологического воздействия, понуждения других лиц². Полагаем, что данное мнение нуждается в дополнительном обосновании, поскольку суть террора предполагает именно распространение на неопределенный круг лиц «страха» и «ужаса» от

¹ См.: Таджиханов Б.У. Терроризм: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2004. С. 16.

² См.: Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 63.

осознания своей незащитности перед реально существующей угрозой насилия, уничтожения или повреждения имущества. В то же время автор соглашается с приведенными мнениями о терроре как о деятельности государственных органов с целью удержания власти, а в терроризме – действия, направленные на захват государственной власти¹.

Критикуя авторов, которые не видят принципиальной разницы в сущности «террора» и «терроризма», А.В. Шободоева указывает на три ключевых признака, по которым, по ее мнению, необходимо произвести разграничение названных категорий:

– террор представляет собой социально-политический феномен, непрерывно или долговременно распространяющийся на значительное количество людей (массы); терроризм – одно или несколько преступных действий, которые совершаются в течение относительно короткого промежутка времени;

– террор осуществляется представителями легитимных, как правило, властных структур, тогда как терроризм осуществляется только представителями криминального мира;

– террор неконкретизирован в части адресата, которым могут являться политические партии, общественные движения, слои общества и т.п., тогда как терроризм, как правило, направлен на конкретных государственных деятелей, а реже – на неперсонифицированные объекты, но для осуществления неправового давления на действующую власть².

Но отдельные исследователи не считают необходимым разграничивать понятия «террора» и «терроризма» и приводят в пользу данного утверждения не менее убедительные доводы. Например, Ю.С. Горбунов в итоге проведенного глубокого лингвистического исследования приходит к выводу о том, что террор и терроризм имеют одно и то же смысловое значение. Понятие «террор» охватывало как идеологию устрашения, так и деятельность по ее

¹ Там же. С. 57.

² См.: Шободоева А.В. Указ. соч. С. 25.

реализации. Террор мог быть осуществлен официальными представителями государства, оппозиционными силами, внешним агрессором и др. Общность же указанных явлений заключается в их политическом характере: с момента появления данного общественно опасного явления оно имело политическую мотивацию насилия, которое прямо или косвенно осуществлялось против представителей органов власти и управления. Без политической мотивации признание общественно опасных действий террором или терроризмом исключается¹.

Схожую позицию по данному вопросу занимает Д.А. Шестаков, указывая на то, что осуществить действительно качественное содержательное разграничение понятий террора и терроризма не представляется возможным. Правда, автор все же делает оговорку, что по уже сложившимся научным представлениям террор и терроризм отличаются друг от друга субъектом осуществления соответствующей агрессивной деятельности как по отношению к гражданам собственной страны, так и по отношению к иностранцам: представители государственной или иной официальной власти и лица, осуществляющие неправоую (преступную) деятельность. Здесь же он делает справедливое замечание, что изменение выработанного к настоящему времени подхода научного определения указанных категорий нежелательно².

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной гуманитарной науке сложилось мнение о том, что «террор» и «терроризм» принципиально отличаются друг от друга, преимущественно, по субъекту осуществления: первый реализуется на формально легитимных началах представителями органов государственной власти и управления, тогда как второй – представителями преступного мира, чьи действия изначально признаются противоправными и уголовно-наказуемыми. Следует также признать, что такого основания явно недостаточно для разграничения исследуемых

¹ См.: Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 32, 40.

² См.: Шестаков Д.А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии (политико-криминологическое эссе) // Следователь. 2003. № 2. С. 43–45.

категорий. Качественное научное отграничение их друг от друга можно осуществить только при учете комплекса различных характеристик.

С правовой точки зрения терроризм представляет собой дефиницию, сущность которой раскрывается через совокупность обособленных признаков, каждый из которых имеет юридическое значение. На момент принятия действующего УК РФ терроризм официально определялся именно как одно из преступлений против общественной безопасности (ст. 205 УК РФ по сост. на 13.06.1996). Но спустя десять лет, данное преступление стало именоваться «террористический акт», хотя содержание диспозиции указанной уголовно-правовой нормы принципиально не изменилось. Поэтому понятие и сущность терроризма в настоящее время правильнее раскрывать через анализ источников криминологической литературы, в которых терроризм рассматривается как составная часть российской или международной преступности.

Осуществив глубокое теоретико-практическое исследование терроризма, В.В. Устинов заключил, что терроризм – это форма насильственной, циничной политической борьбы, участники которой демонстрируют полное игнорирование норм права и морали. Автор обращает дополнительное внимание и на то, что терроризм может рассматриваться в качестве противоправного деяния, которое причиняет значительный вред и совершается по политическим мотивам с целью запугивания представителей органов государственной власти и (или) населения. Требования же, которые предъявляются преступником-террористом, имеют не прямую, а косвенную связь с совершаемым им преступлением.

Единое социально-правовое понимание терроризма, по мнению автора, обеспечивает выделение следующих признаков:

- невиновность как характерная черта террористической виктимологии;
- объявленная легитимность действий, которые направлены на достижение конкретных политических целей;

– полное игнорирование общепринятых норм морали, а также нормативных предписаний национального и международного уголовного права о недопустимости применения определенных средств и методов ведения боевых действий;

– особая жестокость лиц, осуществляющих террористическую деятельность, которая выступает неременным свойством сущности терроризма¹.

О значимости проблемы определения социально-правовых признаков, которые присущи терроризму свидетельствует и то, что все ведущие современные криминологи обозначают в своих исследованиях данную проблему, но решают ее по-разному. Мнение, которое устраивало бы подавляющее большинство исследователей, в современной криминологической литературе пока не сформулировано. Так, Ю.М. Антонян отмечает, что терроризм по своему содержанию представляет собой устрашение различных групп населения: граждан, субъектов экономической деятельности, представителей органов государственной власти и др., для стимулирования последних на совершение политически значимых действий в интересах террористов. По мнению автора, устрашение, наведение ужаса на различных представителей общественности являются основным средством терроризма, обеспечивающее побудительное воздействие на выполнение требований террористических организаций. По этой причине Ю.М. Антонян рассматривает терроризм как насилие, осуществляемое в отношении неопределенного круга лиц для достижения политических целей².

И.Я. Гишинский указывает, что терроризм может проявляться в нескольких формах осуществления общественно опасной деятельности. К таковым формам он относит:

¹ См.: Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 7, 13, 14.

² См.: Этнорелигиозный терроризм: монография / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006. С. 11.

- систематическое насилие как средство устрашения и общественной дестабилизации;
- политические угрозы или реальное применение насилия с целью достижения политических целей;
- систематическое совершение общеуголовных преступлений: убийства, телесные повреждения и др., с целью достижения политических целей;
- устрашение конкурентов в политической борьбе путем неограниченного применения физического принуждения или угроз его применения¹.

Аналогичного мнения придерживается и В.В. Лунеев, отмечая, что терроризм предполагает наведение страха и ужаса на представителей власти и (или) различных представителей общества. Террористическая деятельность имеет своей единственной целью запугать и подавить должностных лиц, представляющих органы власти управления, политических конкурентов и иных лиц для навязывания им выгодной террористу линии поведения. Как и предыдущие авторы, В.В. Лунеев рассматривает насилие или угрозу его применения в качестве средства осуществления террористической деятельности².

Мы полагаем, что наиболее полно содержание терроризма раскрывается в дефиниции, закрепленной в п. 1 ст. 3 действующего Федерального закона «О противодействии терроризму». Законодатель определил его в качестве «идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Таким образом,

¹ См.: Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 17–18.

² Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 620–629.

все приведенные выше мнения ученых нашли свое отражение в официальном определении терроризма.

Из приведенной дефиниции выделяется совокупность признаков терроризма, имеющих юридическое значение. Установление всех перечисленных ниже признаков позволяет рассматривать соответствующий вид противозаконной деятельности в качестве терроризма. К таким признакам относятся следующие характеристики:

– терроризм одновременно представлен и в качестве идеологии насилия, и в качестве практики ее реализации. Как идеология терроризм представляет собой совокупность идей, идеалов и целей, которые разделяют и пропагандируют террористические организации и объединения. Ввиду явной асоциальной (преступной) направленности данная идеология не может быть единой, поскольку различные криминальные структуры преследуют различные политические цели: от создания единого государства до освобождения из мест лишения свободы отдельных осужденных членов террористического объединения. Но террористической эта идеология становится только при условии специфической практики ее реализации;

– конечный адресат террористической деятельности представлен в лице легитимного представителя власти. Им могут являться международные организации, государственные органы власти, органы местного самоуправления. Должностные лица указанных органов, учреждений и организаций непосредственно могут и не подвергаться террористическим угрозам или атакам, но именно они по замыслу террористов должны принять решение о выполнении желаемых политических и иных действий;

– насилие или различные формы противоправных насильственных действий являются основным средством воздействия террористов. Насилие может применяться к неограниченному количеству представителей общества и (или) государства;

– устрашение населения является следствием применения насилия и одновременно выступает средством опосредованного террористического

воздействия на представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления. Наивысшей формой устрашения населения является состояние паники, которая характеризуется неспособностью принимать логически обоснованные решения вследствие существенного снижения самоконтроля. При этом такое состояние может носить затяжной характер и воспроизводиться по причине существования как реально существующей, так и мнимой угрозы¹.

Итак, терроризм официально признается идеологией, но единой «террористической идеологии» или «террористического учения» в современном мире не существует. Представители различных нелегитимных организаций могут пропагандировать самые разные идеи, которые будут признаваться террористическими только в случае соблюдения перечисленных юридически значимых признаков. В современных криминологических исследованиях авторы, осуществляя поиск наиболее эффективных мер противодействия терроризму, предпринимают попытки выделить его разновидности², выделяя в указанном социально-негативном явлении его виды, преимущественно, по средствам, месту, способам совершения террористических актов и иных террористических действий:

¹ См.: Лобанов К.Н. Феномен паники как объект научного анализа политико-социальной теории // Среднерусский вестник общественных наук. 2006. № 1. С. 87.

² См.: Соколов Р.В. К вопросу о видах современного терроризма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: «Общественные науки». 2008. № 4. С. 106; Шихов А.Л. Классификация видов терроризма // Отечественная юриспруденция. 2019. № 4. С. 45.

информационный¹, международный², транспортный³, экологический⁴ и др., а также нормативно закрепляемые виды – бомбовый⁵, ядерный⁶ и др.

Не умаляя степень социальной угрозы, которая исходит от каждого вида терроризма, мы полагаем, что наивысшую общественную опасность как для отдельного государства, так и для всего мирового сообщества, представляет современный терроризм, основанный на псевдорелигиозных постулатах. Именно данная идеология лежит в основе объединения многочисленных террористических организаций по всему миру и создания прообраза государства – ИГ, вооруженные силы которого способны осуществлять преступную деятельность во всем мире и оказывать адекватное сопротивление силам международной военной коалиции.

В научной литературе подобный вид терроризма получил наименование «этнорелигиозный», хотя данный термин еще во многом остается не определенным и не устоявшимся, поскольку даже в самом названии в действительности заложены два разнородных основания: 1) национальная (этническая) общность представителей террористического объединения и 2)

¹ См.: Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 12.

² См.: Хассимиу Б. Международный терроризм и проблема региональной безопасности в Западной Африке и начале XXI века (на примере Мали и Нигерии): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 15.

³ См.: Капитонова Е.А. Новые подходы к определению транспортного терроризма и борьбе с ним // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: сборник материалов международной научно-практической конференции (Иркутск, 27 апреля 2018 г.) / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск, 2018. С. 90.

⁴ См.: Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. 2018. № 9. С. 75–76.

⁵ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1997 г. № 52/164 о принятии Международной конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 31.03.2022).

⁶ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13.04.2005 г. № 59/290 о принятии Международной конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций — URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/290> (дата обращения: 31.03.2022).

единая религия, которую исповедуют указанные лица. Одними из первых явление этнорелигиозного терроризма обозначили и исследовали Ю.М. Антонян, В.А. Бурковская А.К. Боковиков и др. Они под этнорелигиозным терроризмом предложили понимать уголовно-наказуемое деяние, которое «стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или (и) религии, реализации национальных и религиозных идей, в т.ч. сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп (причем в рамках одной религии)»¹.

В этой связи характерными признаками этнорелигиозного терроризма, на основании которых он выделяется в самостоятельный вид, являются:

– осуществление террористической деятельности представителями одной этнонациональной и (или) конфессиональной группы;

– насилие и иные противоправные действия осуществляются для провозглашения своих политических идей и требований, которые основываются на утверждении превосходства представителей одной национальной или религиозной группы над представителями иных национальностей или религиозных объединений.

Думается, что в целях выработки наиболее эффективных мер по противодействию рассматриваемому социально-негативному явлению следует определить именно то псевдорелигиозное учение, которое позволяет оправдывать осуществление террористической деятельности. В настоящее время таковыми являются различные псевдоисламистские течения и догмы², которые в действительности не имеют ничего общего с исламом — мировой религией³, осуждающей любые формы насилия, в т.ч. и по отношению к лицам, не являющихся мусульманами.

¹ Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2008. С. 13.

² См.: Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы: учебное пособие. Казань, 2015. С. 6.

³ См.: Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. В 2-х томах. Т. II. М., 2016. С. 10.

В научной литературе обоснованно заявляется, что «ислам» и «экстремизм» (крайняя форма — «терроризм») взаимоисключают друг друга, т.к. ислам не приемлет насилия в любом его проявлении¹. Не подвергая сомнению данное заявление, следует задаться вопросом о происхождении исламистского терроризма как наиболее радикальной идеологии насилия в современном мире. Особенностью ислама как религиозного учения является значительное разнообразие «направлений», «движений» и «течений»: суннитское, шиитское, хариджитское, му'тилзилитское и др.², каждое из которых может пропагандировать схожие религиозные идеалы, но абсолютно различные средства их достижения. Феномен современного ислама заключается в том, что в ряде стран Ближнего Востока он официально признан не только религиозной, но и государственной идеологией: Саудовская Аравия, Иран и др. Во многих странах данного региона действуют оппозиционные светским властям религиозные общественно-политические движения, наивысшей целью которых в области политической борьбы является приход к власти и установление исламской идеологии как основы для общегосударственной политики. Отдельные представители этих религиозно-политических движений оправдывают достижение поставленной цели любыми средствами, включая террористическую деятельность³. Отсюда в современной политологии, а затем и в криминологии XX–XXI вв. появился термин «исламистский терроризм», представляющий собой наиболее радикальную ультраправую экстремистскую деятельность, предполагающую претворение в жизнь политической идеологии насилия, которое и мотивируется, и оправдывается религиозными псевдоценностями, в действительности не имеющими ничего общего с традиционной исламской религией и культурой.

¹ См.: Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный, 2004. С. 60.

² Шагавиев Д.А. Указ. соч. С. 2–7 и далее.

³ См.: Пролетенкова С.Е. Исламский фундаментализм: сущность, тенденции, особенности // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 52.

Многим государствам мирового сообщества уже известна проблема стремительного распространения ультраправых псевдоисламистских идей, к которым особенно восприимчивы представители мусульманской молодежи. Жертвами радикально настроенных исламистов становятся даже лица, исповедующие ислам, религиозные деятели, осуждающие радикальные идеи политической борьбы и изменения конституционного строя¹. Россия во в конце XX века также столкнулась с угрозой международного исламистского терроризма, в связи с чем на протяжении многих лет терроризм и экстремизм официально признаются угрозами безопасности в масштабах общества и государства². К сожалению, эта проблема остается актуальной и в настоящее время. Новейшими исследованиями установлено, что на территории России продолжают действовать три крупных центра распространения террористической угрозы: Северный Кавказ, Москва, Татарстан³. Все они имеют под собой радикальную исламистскую основу.

В действительности «псевдоисламизм» как духовная идеология рассматриваемого вида терроризма имеет только формальные «точки соприкосновения» с исламом как религиозным учением. Основной идеей псевдоисламизма является ведение «Священной войны» (джихад) с «неверными», т.е. лицами, не разделяющими радикальные взгляды исламистов и не заинтересованных в создании единого мусульманского государства, органы власти в котором осуществляют свою деятельность исключительно на религиозных законах – шариате⁴.

Стремления к священной войне продиктованы страхом отдельных представителей мусульманского мира перед возможностью утраты духовных

¹ Там же.

² См.: п. 44 Указа Президента РФ от 2.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ См.: Меркурьев В.В., Ульянов М.В., Горшечникова Е.П. Уровень террористической угрозы в контексте моделирования влияния макроэкономических показателей // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 678–679.

⁴ См.: Пфаннер Т. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // Военно-юридический журнал. 2014. № 5. С. 20–21.

ценностей и традиций в связи с их вытеснением ценностями европейской культуры. Но по оценкам исследователей, в т.ч. и представителей исламских университетов, религиозность в деятельности современных террористических организаций является лишь оправданием противоправных действий, истинной целью которых является получение политической власти и незаконное обогащение, сопровождаемое запугиванием населения¹.

У исследователей нет общераспространенного мнения относительно степени организованности современных исламистских организаций и существования единых целей осуществляемой преступной деятельности. Некоторые полагают, что в настоящее время исламистские террористические и экстремистские организации действуют разрозненно и по факту не стремятся к каким-либо общим результатам. Это указывает на действительную преступную сущность их деятельности². Иные авторы, напротив, отмечают сверхорганизованность деятельности исламистских террористических объединений, конечной целью которых является захват территорий государств для создания единого халифата³.

Мы в этой части не можем ни разделить, ни опровергнуть приведенные выше мнения, поскольку данный вопрос не входит в заявленный предмет научного исследования. В то же время проведенное анкетирование показало, что 65% респондентов считают, что современный псевдоисламистский терроризм является более опасным социально-негативным явлением в сравнении с традиционным терроризмом, не предполагающим наличие у преступника религиозной мотивации, и только 29% опрошенных не видят

¹ Более подробно см.: Шагавиев Д.А. Указ. соч. С. 180–181; Рамаданов Т. Салафия: взгляд изнутри. М., 2017. С. 24–25.

² См.: Тенгизова Ж.А. Межконфессиональное взаимодействие в противодействии экстремизму и терроризму // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-2. С. 144; Касьяненко М.А., Роцин А.С. О некоторых криминологических особенностях личности преступника, совершившего преступление на почве ксенофобии // Российский следователь. 2013. № 15. С. 38; Емельянцева А.Г. Терроризм как один из видов деятельности организованной преступности // Российский следователь. 2009. № 24. С. 16.

³ См.: Куликов А.С. Исламизм и национальная безопасность Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт социальных и политических исследований РАН — URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

между данными разновидностями терроризма принципиальной разницы (приложение 1).

Уже невозможно отрицать многочисленность участников псевдоисламистской деятельности не только в России, но и в большинстве стран мира, что придает ей международный характер. Это обстоятельство подтверждает объективную необходимость криминологического изучения особенностей терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, во всех его проявлениях.

Выводы:

1. Изучая современную трактовку термина «терроризм», следует отметить, что его общеэнциклопедическое значение сводится к следующим содержательным вариациям: «Терроризм (terror (лат.) — ужас, страх):

- политика и практика террора, вид насильственной преступности;
- насилие в отношении физических лиц или организаций, или угроза его применения, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей либо значительного имущественного ущерба, а также наступления иных общественно-опасных последствий, если перечисленные действия осуществляются с целью нарушить общественную безопасность, устрашить население, или оказать воздействие на принятие органами власти решений, выгодных террориста, или удовлетворить их неправомерные имущественные и (или) иные интересы; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное с целью прекратить его деятельность либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений ;
- в уголовном праве РФ — преступления против общественной безопасности, предусмотренные ст. 205 УК РФ».

2. Характерными признаками этнорелигиозного терроризма, на основании которых он выделяется в самостоятельный вид, являются:

– осуществление террористической деятельности представителями одной этнонациональной и (или) конфессиональной группы;

– насилие и иные противоправные действия осуществляются для провозглашения своих политических идей и требований, которые основываются на утверждении превосходства представителей одной национальной или религиозной группы над представителями иных национальностей или религиозных объединений.

3. Терроризм, основанный на псевдоисламской идеологии, — вид терроризма, идеологическую основу которого составляет псевдоисламское учение о социальных ценностях, поощряющее совершение насильственных и иных уголовно-наказуемых действий с целью формирования среди населения в целом или в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие решений органами власти в интересах ультраправых фундаменталистских организаций.

1.2. Псевдосланизм как основа детерминационного комплекса терроризма

Процесс выявления причин и условий исламистского терроризма осложняется отсутствием ведения официального статистического учета преступлений террористического характера, которые совершаются по псевдорелигиозным (исламистским) мотивам. Поэтому объективная трудность в обособлении изучаемого нами явления от иных социально-негативных явлений, именуемых видами преступности, требует дополнительных исследований в области установления детерминант исламистского терроризма. В соответствии с межведомственными ежегодными указаниями Генеральной прокуратуры и МВД России о перечне статей УК РФ, которые группируются для формирования статистической

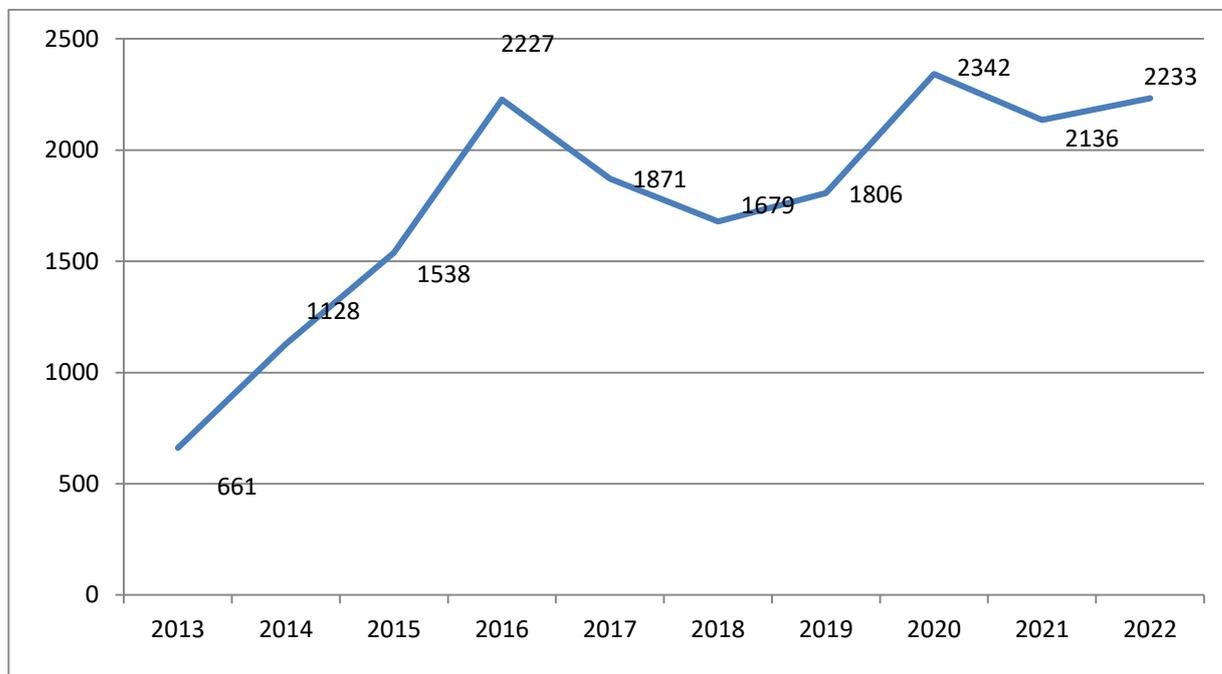
отчетности о состоянии преступности в стране, официально выделяется группа преступлений «террористического характера» (Перечень № 22, Указания от 25.12.2020 № 738/11; № 3). Мотивация совершения указанных преступлений не находит своего отражения в официальных статистических сведениях.

Обращает на себя внимание, что исламисты в процессе осуществления преступной деятельности против общественной безопасности преследуют цель разрушения сложившегося мироустройства, системы общечеловеческих гуманитарных ценностей посредством устрашения населения. Характерное для «классического» терроризма выдвижение требований, адресованных государственным органам, отдельным должностным лицам, или агрессивнo-ненавистное отношение к представителям иных социальных групп и религиозных конфессий довольно часто не имеют предопределяющего значения при совершении преступлений террористического характера¹.

Показатели регистрации данных преступлений в Российской Федерации за период с 2013 по 2021 года, в принципе, указывают на проблемы реализации государственной стратегии противодействия терроризму. Как свидетельствуют официальные статистические данные, обобщенные Главным информационно-аналитическим центром МВД России, преступления террористического характера имеют хотя и не постоянную, но, в целом, положительную динамику.

¹ См.: Миронова О.А. Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 29–31; Соснин В.А., Ковалева Ю.В. Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Политическая психология. 2017. Том 2. № 2. С. 121.

Зарегистрированные преступления террористического характера в
Российской Федерации за 2013-2022 гг.

Представленные МВД России данные свидетельствуют, что в исследуемом периоде, начиная 2014 года, произошел резкий рост рассматриваемых преступлений, составивший +70,5% по сравнению с аналогичным показателем 2013 года, и имевший место до 2016 года включительно: в 2015 г. – +35,8%, в 2016 г. – +44,8%, в 2020 г. – +29,7%. К настоящему времени наблюдается достижение самых высоких показателей в абсолютных значениях: 2021 г. – 2136; 2016 г. – 2227; 2020 г. – 2342¹. С учетом современного международного положения можно предположить, что активизация деятельности международных террористических объединений связана с активными военными действиями на территории Украины, а также некоторого отвлечения миротворческих вооруженных сил с территорий Ближнего Востока.

¹ См.: Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

Н.А. Чернядьева указывает, что современный терроризм во всем мире стал носить ярко выраженный религиозный характер. Из известных по состоянию на 2015 год 58 террористических организаций 50 имеют происламистский характер, и действуют ради достижения целей «священной войны с неверными». Некоторые же из них ставят более амбициозные цели, направленные на установление исламского миропорядка¹.

Положительная динамика распространения идей псевдоислама как основы терроризма не только в современной России, но и во всем мире, может быть объяснима активизацией деятельности международной террористической организации ИГ, особенно на территории Сирийской Арабской Республики. Угроза государственной безопасности, исходящая от ИГ, представители которой пропагандируют радикальные религиозные идеи о едином исламистском правлении на Ближнем Востоке, послужила причиной обращения властей Сирии с просьбой об оказании военной помощи Российской Федерацией². На этом основании Вооруженные Силы РФ приняли участие в военной операции по уничтожению террористов на сирийской территории, начиная с 2015 года. Ранее Верховный Суд РФ признал деятельность международных организаций ИГ и Джебхат ан-Нусра террористической и представляющей угрозу для безопасности России, поскольку объекты террористических атак находятся, в т.ч. и на территории РФ, а потенциальными жертвами объявлены граждане России и Украины, находящиеся в Сирии. На этом основании деятельность перечисленных организаций была запрещена на территории России³.

¹ См.: Чернядьева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 45.

² См.: Асад в письме попросил Путина о военной поддержке / Газета.ru. 2015. 30 сент. [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2015/09/30/n_7651301.shtml (дата обращения: 28.01.2022).

³ См.: Решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. №АКПИ14-1424С [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2015/09/30/n_7651301.shtml (дата обращения: 28.01.2022).

В свою очередь некоторое снижение регистрируемых преступлений террористического характера с 2017 г. может объясняться успешным ведением боевых действий против вооруженных формирований ИГ¹, вследствие чего резко снижаются возможности осуществления террористической деятельности ввиду отсутствия достаточных финансовых и людских ресурсов.

Следует понимать, что источником данного вида терроризма является не только ИГ, вследствие чего военные успехи против представителей данной террористической организации, претендующей на положение государственного образования, полностью не устраняют террористическую угрозу как для России, так и для международного сообщества. Многие исследователи не без оснований указывают, что современное состояние общества, характеризующееся высоким уровнем ксенофобии, во многом обуславливает совершение деяний против общественной безопасности, в т.ч. по мотивам социальной ненависти и вражды, где на первый план выступает устрашение неугодных социально-демографических групп. Такая противоправная деятельность носит, как правило, организованный характер. Подтверждением этому является то, что по состоянию на 21 февраля 2023 года вступившими в силу судебными решениями признаны в качестве террористических 47 организаций, а их деятельность запрещена на территории России по причине угрозы национальной безопасности² (приложение 2).

Несмотря на спад экстремисткой и террористической активности, на территории России продолжают действовать незаконные организации и объединения, целью которых является распространение псевдоисламского радикализма в российском обществе. Установлено, что большинство

¹ См.: Российский Генеральный штаб заявил о полном освобождении Сирии от террористов ИГИЛ / Официальный сайт Минобороны России [Электронный ресурс] // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12153928@egNews (дата обращения: 28.01.2022).

² См.: Официальный сайт ФСБ России [Электронный ресурс] // Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 21 февраля 2023 г.) — URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 01.03.2023).

подобных объединений являются структурными подразделениями международных террористических исламистских организаций¹.

По мнению В.А. Бурковской религиозный терроризм и экстремизм в России имеет ряд специфических особенностей, а именно:

- объединение преступников в организованные экстремистские группы;
- навязывание обществу идеи о допустимости применения насилия ради достижения полезных результатов и социальных благ для большинства;
- формирование криминальных групп и объединений, участники которых отбираются по принципу единого вероисповедания, но совершают насильственные и корыстно-насильственные преступления;
- наличие иерархичности в структуре преступных экстремистских групп и противоправной преемственности между опытными участниками и недавно прибывшими членами;
- попытки легализации незаконных экстремистских групп путем получения статуса общественных и политических объединений, иных некоммерческих организаций, включая введение в органы власти различных уровней своих представителей;
- злоупотребление конституционными свободами слова и вероисповедания для осуществления пропаганды экстремизма и религиозного насилия².

Нами уже отмечалось, что в настоящее время на территории России осуществляют нелегальную деятельность представители нескольких национальных (российских и зарубежных) и международных организаций, основу формирования которых составляет радикальная религиозная и (или)

¹ См.: РИА Новости [Электронный ресурс] // ФСБ ликвидировала в Волгоградской области ячейку исламистов — URL: <https://ria.ru/20200731/1575199779.html> (дата обращения: 31.07.2021).

² См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 20.

националистическая идеология. Основные постулаты данной идеологии, оправдывающей (поощряющей) террористическую деятельность, сводятся к следующим безапелляционным заявлениям:

- провозглашение борьбы с «захватчиками» — представителями иной национальности;
- требование отделения определенной территории (Чечня, Дагестан) по причине доминирования на территории данных республик ислама (религия, вероучение);
- создание всемирного халифата – единого исламского государства, функционирующего на основе шариата¹.

Выявление криминогенных детерминант, знание механизма совершения подобных преступлений, а также особенности личности террориста-исламиста позволяет разработать комплекс эффективных мер предупредительного характера. Анализируя причинный комплекс современного терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, мы полагаем, что его формируют, преимущественно, четыре группы факторов:

1. Религиозные;
2. Социально-экономические;
3. Политические;
4. Идеологические.

Именно существование перечисленных факторов порождают причины и условия для распространения экстремизма, основанного на псевдорелигиозных ценностях, который, в свою очередь, стимулирует совершение различных преступлений террористического характера.

1. Любое религиозное учение включает в себя свод непререкаемых правил, которым должен следовать (неукоснительно выполнять) верующий,

¹ См.: Давиденко М.А. Криминологические характеристики современного исламистского терроризма / Современное состояние и пути развития уголовной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.Ю. Скрипченко, Я.А. Корнеевой. Архангельск, 2019. С. 21.

не ставя под сомнение их истинность. В научной литературе предлагаются три группы основных факторов, детерминирующих укрепление и распространение псевдоисламистского терроризма, а именно:

– в текстах религиозной литературы (Коран и др.) имеются указания на возможность применения насилия, если оно осуществляется ради обеспечения справедливости и защиты нуждающихся. Идеологи псевдоисламистских организаций намеренно извращают истинный смысл данного постулата, трактуя его как оправдание и поощрение любого насилия, если оно осуществляется в отношении представителей власти и лиц, не поддерживающих деятельность террористических объединений;

– религия крайне чувствительна к любым посягательствам на свою исключительность и истинность. Отсюда, верующие относительно легко усваивают возможность и оправдание агрессивного поведения в отношении лиц, которых представители (псевдопредставители) культа объявили «чужими», источником зла, опасности и др.;

– истинные религиозные вероучения обращают внимание на необходимость проявления милосердия и прощения, что активно используется в отношении лиц, совершивших преступления, но заслуживающих прощения в соответствии с религиозными догмами, потому что «так должно быть»¹.

Одной из причин распространения псевдоисламистской идеологии поощрения насилия в отношении «чужих» и стремления к объединению единоверцев по всему миру в политико-социальную государствоподобную общность является особенность менталитета лиц, исповедующих то или иное вероучение, основанное на исламе. Некоторые исследователи указывают на повышенную степень религиозной самоидентификации представителей мусульманского мира и нетерпимости, не исключаящей и открытой враждебности, к представителям иных религиозных конфессий. Так, О.А. Миронова пишет, что в современном мусульманском обществе, не

¹ См.: Казаков Р.Ю. Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17–18.

ограниченном рамках одного государства, особо пропагандируются идеи о национально-религиозном превосходстве представителей псевдоисламского вероучения над иноверцами, осуществляется абсолютизация исламских религиозных канонов и иных идей, которые нередко являются трактатами и комментариями религиозных просветителей и др. На этом фоне достаточно легко преодолевается грань общественного поведения, за которой имеет место поощрение нетерпимости к иноэтническим и инорелигиозным проявлениям, насилие и социально-религиозная вражда¹.

В.А. Соснин и Ю.В. Ковалева отмечают, что многовековая история исламской религии свидетельствует о ее уникальности: в настоящее время эта религия объединяет в себе многочисленные духовные течения, включая и те, которые поощряют экстремизм и насилие по религиозным мотивам. Но представители всех направлений исламского вероучения признаются единой социально-религиозной общностью ввиду отсутствия каких-либо механизмов и средств внутриконфессиональной корректировки подобных опасных идей. Поэтому авторы видят в отдельных радикальных исламистских течениях: ваххабизм и джихадизм, ни что иное как «глобальные радикальные технологии», используемые в политических целях².

В настоящее время одной из псевдоисламских доктрин предписывается мусульманам всего мира «вводить в заблуждение неверных», что может выражаться в симуляции к ним лояльного или дружелюбного отношения, подчинения, и даже объявления об отступлении от исламских религиозных идеалов в пользу иноверного учения. Но в действительности любой мусульманин должен оставаться верным своей религии и в нужный момент доказать свою преданность активными действиями³.

2. При рассмотрении особенностей совершения преступлений террористического характера стоит анализировать сведения о социально-

¹ См.: Миронова О.А. Указ. соч. С. 31.

² См.: Соснин В.А., Ковалева Ю.В. Указ. соч. С. 127.

³ См.: Ibrahim R. The Al Queda Reader. NY, 2007. P. 64.

экономическом состоянии территории, наличии крупных этнических общин проживающих в регионе, историю их формирования, наличие этнических и национальных преступных групп, уровень рабочей миграции, наличие незаконных мигрантов, появление групп националистической или религиозной направленности и т.д.

В современных условиях развития всего мирового сообщества псевдоисламизм как идеология оказался весьма востребованным. Интенсивные интеграционные процессы в экономике повлекли за собой аналогичные явления и в иных областях общественной жизни, включая культуру и быт. Поэтому существенное экономическое отставание стран Ближнего Востока и Африки от государств Западной Европы и Северной Америки изначально повлекло за собой экономическое доминирование, а затем и привитие ментальных западноевропейских ценностей населению государств Ближнего Востока. Эти, в общем, естественные социокультурные явления стали использоваться в качестве доказательства угрозы уничтожения истинных ценностей общественного уклада, священность которых отстаивалась исламским вероучением. Неслучайно Ближний Восток стал местом возникновения исламизма¹.

Феномен распространения данных радикальных идей далеко за пределы исконно мусульманских стран кроется в той же неравномерности экономического развития регионов, включающих в себя территории многих государств. Это признается одной из главных причин восприятия псевдоисламского радикализма представителями многих государств, в т.ч. и России – прежде всего в республиках Северного Кавказа. Это обусловлено рядом факторов, связанных с изменением социально-политической реальности: формирование органов региональной и местной власти, распределение материальных благ, пересмотр полномочий федерального центра и др. «Квинтэссенция идеологии и политических устремлений

¹ См.: Шумилина И.В. Современный исламизм: что это значит для Ближнего Востока и остального мира // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5. С. 87, 89.

ваххабитов — это объединение политэтнического мусульманского Северного Кавказа на «основе чистого ислама», т.е. ислама внационального, избавленного от влияния горского обычного права (адатов), национальных границ, пережитков политеизма и этнопатриархального менталитета»¹.

На отсутствие должного экономического развития, критическое материальное обеспечение большей части населения северокавказских республик России, коррупцию, региональные проблемы политического характера и т.д. указывали многие исследователи причин распространения исламизма (религиозного экстремизма и терроризма) на Северном Кавказе. Например, К.К. Демиров, обозначая роль экономических условий в формировании религиозного экстремизма на Северном Кавказе и, в частности, в Дагестане, указывает на существенное снижение доходов и республиканского, и местных бюджетов муниципальных образований Дагестана: в 2003 году дотации из федерального центра составляли 90% бюджетных поступлений республики. Это негативно отразилось и на экономическом потенциале региона. По сравнению с аналогичными показателями 1990 года уровень промышленного производства в Дагестане уменьшился в 4 раза, строительства — в 10 раз, производства сельскохозяйственной продукции — на 25%. Реальные доходы населения в 4 раза ниже среднероссийских. Критичность приведенных показателей подтверждается тем, что до 1990 года Дагестан не являлся дотационным регионом ввиду высокой степени экономического развития².

Аналогичные причины экономического характера в обострении социальных противоречий на Северном Кавказе видят и другие исследователи. Так, одной из действительных причин чеченского политического кризиса 90-х гг. XX века называются масштабные хищения в

¹ Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе «Город — территория безопасности»: коллективная монография. С. 175–176; Соснин В.А., Ковалева Ю.В. Указ. соч. С. 129.

² См.: Демиров К.К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма (По материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С. 14.

нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях республиканской экономики. Вследствие этого к 1993 году значительно сократились доходы бюджета, что пагубно отразилось на материальном благополучии населения¹. В совокупности с иными социально-политическими проблемами это привело к затяжному вооруженному конфликту на территории Чеченской Республики, а также к совершению серии террористических актов в крупных российских городах, ответственность за совершение которых брали на себя руководители различных исламистских вооруженных формирований или их объединений².

3. В современном геополитическом отношении Ближний Восток является одним из регионов Земного шара, где сталкиваются политические интересы многих стран мирового сообщества. Довольно активные внешнеполитические действия в этом регионе проводят США при поддержке ряда иных государств, как правило, входящих в состав участников Североатлантического оборонительного договора – НАТО. Многие исследователи небезосновательно видят эти интересы в получении доступа на рынки углеводородов Ближнего Востока и увеличении товарооборота со странами данного региона, а также Северной Африки. Увеличение потребления нефти и заинтересованность в ее бесперебойной поставке — это истинные причины стремления Вашингтона обеспечить свое военно-политическое влияние на Ближнем Востоке, в т. ч. Сирии, географическое положение которой определяется как перекресток важнейших торговых путей и межконтинентального нефте- и газоснабжения³.

¹ См.: Тульский М. Истинные причины войны в Чечне [Электронный ресурс] // ГолосИслама.ru — URL: <https://golosislama.com/news.php?id=3587> (дата обращения: 31.03.2022).

² См.: Паненков А.А. Проблемы оптимизации реагирования на организованную преступность, в том числе на преступления террористического и экстремистского характера в Южном федеральном округе в 2011 году // Военно-юридический журнал. 2012. № 5. С. 4–5.

³ См.: Гааль Е.А. Цели и интересы США в сирийском конфликте в 2011–2018 // Вестник современных исследований. 2018. № 9.3. С. 122; Хлопов О.А. Внешняя политика США на Ближнем Востоке: традиции и возможные изменения // Наука без границ. 2019. № 10. С. 59.

Долгосрочное направление внешней политики США было официально определено в 2003 году план администрации Дж. Буша «Большой Ближний Восток». Этот же проект в 2004 году был представлен на саммите стран Большой восьмерки и предполагал совместное участие США и иных государств в обеспечении на территории государств указанного региона: Ирак, Иран, Сирия и др., экономического развития, сокращение безработицы, укрепления демократических начал формирования органов государственной власти, верховенства права, повышения уровня образования населения, защита права и свобод человека¹. Данные направления с незначительными корректировками и уточнениями поддерживались администрациями всех последующих президентов США: Б. Обамы и Д. Трампа.

В действительности же в борьбе за укрепление своего влияния США применительно к той или иной стране Ближнего Востока и Северной Африки использует военное присутствие, политические технологии – «цветные революции» – по свержению неудобных глав государств с целью прихода к власти иных лояльных к внешнеполитическим запросам США национальных общественно-политических деятелей, проведение агрессивной санкционной политики в отношении государств, отстаивающих свои интересы в вопросах международного экономического сотрудничества². Подобные действия существенно ослабляют влияние официальных властей, что в свою очередь стимулирует активизацию псевдоисламистских сил, пытающихся взять под контроль территории соответствующих государств с целью создания халифата. Именно по такому сценарию развивались события на территории Ирака и Ливии в начале XXI века, а в настоящее время власти Сирии столкнулись с угрозой военного захвата суверенной территории

¹ Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 99.

² См.: Бiryukov E. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2016. № 11. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765> (дата обращения: 31.03.2022).

террористической псевдоисламистской группировкой, созданной в начале XXI века на территории Ирака и приступившей к активной общественно опасной деятельности как на Ближнем Востоке, так и во всем мире¹.

В этой части необходимо указать, что подобные результаты внешней политики США и их союзников на Ближнем Востоке не соответствуют заявляемым международному сообществу целям плана «Большой Ближний Восток», а даже вступают в противоречие с общепризнанными международными правовыми ценностями, закрепленными в ст. 2 Устава ООН в качестве основополагающих начал международного сосуществования и сотрудничества: суверенное равенство всех стран мирового сообщества, мирное разрешение споров, воздержание от применения силы против политической независимости любого государства, невмешательство во внутренние дела и др.²

Усиление псевдоисламистских сил на Ближнем Востоке привело к необходимости осуществления крупномасштабной военной операции против вооруженных сил ИГ, что объективно умаляет интересы всех жителей стран Ближнего Востока и, в первую очередь, Сирии. Но действия коалиционных сил не отличаются согласованностью, поскольку имеют место случаи намеренного нанесения авиаударов, осуществления артобстрелов позиций вооруженных сил различных государств входящих в антитеррористическую коалицию, а также осуществление взаимных блокирований действий военных – представителей единой военной коалиции³. Это затягивает процесс военно-политической стабилизации в регионе, что отвечает интересам лидеров ИГ.

¹ См.: Федорченко, Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Международные отношения и мировая политика // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 175.

² См.: Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 15.

³ См.: Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О. Три года удару в спину. Обстоятельства и последствия турецкой атаки на российский Су-24 [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 24 нояб. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3811096> (дата обращения: 31.03.2022).

Поэтому в новейшей научной литературе уже приводятся доказательства о необходимости признания США страной-агрессором¹.

4. Современный псевдоислам уже претендует на выход за пределы религиозного вероучения и распространяется на многие сферы светской жизни населения отдельных промусульманских стран. И.А. Селезнев указывает на многочисленные условия, которые способствуют становлению радикального исламизма, лояльного к осуществлению террористической деятельности по религиозным и политическим мотивам, именно в качестве идеологии, в т.ч. государственной. Свое мнение он обосновывает указанием на упадок всех идеологий западноевропейского происхождения: консерватизм, морализм, традиционализм, коммунизм и др., который был констатирован к началу XXI века, в связи с чем исламизм воспринимается в качестве предпочтительной идеологической альтернативы мусульманского Востока не только в традиционных исламских странах, но и в Западной Европе и Северной Америке².

Общепризнано, что идеология представляет собой систему взглядов и идей, политических программ и философских концепций, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также отражаются интересы различных социальных групп³. Идеология современного псевдоисламистского терроризма в полной мере отвечает приведенному определению, поскольку она уже представляет собой комплекс псевдорелигиозных, политических, социальных и даже философских воззрений, обосновывающих и поощряющих насилие в отношении третьих лиц в политических целях.

¹ См.: Дамаскин О.В. Россия в XXI веке: цивилизационный подход к укреплению суверенитета и национальной безопасности современного государства // Военное право. 2019. № 6. С. 13–14.

² См.: Селезнев И.А. Идеология исламского экстремизма в делинквентной среде России, СНГ и Западной Европы: причины распространения, вызовы и риски // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 2. С. 95.

³ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М., 2020. С. 364.

Этому можно найти подтверждение, осуществив анализ основных идей псевдоисламского радикализма, в соответствии с которыми население мирового сообщества не делится по национальному признаку, т.к. каждый, принявший ислам, может быть принят в мусульманское сообщество и пользоваться его защитой. Здесь можно наблюдать социально-ориентированную политику псевдоисламистов, стремящихся вовлечь в свое движение максимальное количество лиц, проживающих на территории различных государств. Особая активность в этом направлении ведется в отношении молодежи, социально незащищенных лиц, в т.ч. отбывающих уголовные наказания в пенитенциарных учреждениях по всему миру. Вследствие этого количество осужденных, принимающих ислам во время отбытия наказания, стремительно возрастает даже в немусульманских странах¹.

Псевдоисламизм указывает на несправедливость современных идеологий, якобы навязываемых со стороны более развитых западноевропейских и североамериканских государств. Их частные постулаты, вызывающие обоснованные сомнения и в некоторых случаях отвергаемые носителями самой западноевропейской культуры, активно используются псевдоисламистами для доказательства неверности и опасности названных идеологий для всего мусульманского мира. Именно так формируется образ «врага» или «неверных», с которыми необходимо вести священную справедливую войну².

Идея о необходимости консолидации мусульман всего мира и обеспечения собственной защиты от экспансии «неверных» широко используется в сугубо политических целях при аргументации создания собственного государства, которое обеспечит гарантированную защиту своим

¹ См.: Селезнев И.А. Указ. соч. С. 96–97.

² См.: Горбунов К.Г. Терроризм: социально-психологическое исследование: монография. Омск, 2010. С. 180; Литвинова Т.Н. Новый поворот идеологии «джихада» на Северном Кавказе: информационное противодействие угрозам // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 126–127; и др.

подданным. Как уже отмечалось, такая идея стала основой для создания ИГ¹. Непререкаемость и абсолютная справедливость решений представителей этого мусульманского квазигосударства обеспечивается указанием на то, что все они принимаются исключительно на основе исламских священных писаний, хотя, по сути, носят сугубо светский характер, не связанный с религией².

Специфической чертой идеологии псевдоисламизма является одобрение стремления доказать свою индивидуальность и превосходство, если это распространяется за пределы мусульманского общества, т.е. на «неверных», путем игнорирования принятых в обществе правил поведения и отношения к общесоциальным ценностям. В действительности наблюдается политика «двойных стандартов», при которой одни и те же действия: спор и возвращение старшим, хищение, насилие, убийство и т.д., совершенные в отношении единоверцев-единомышленников рассматривается как тягчайший грех (преступление), но поощряются, если потерпевшим выступает «неверный» или единоведец-мусульманин, не разделяющий радикальных взглядов³.

Поэтому в ситуации, когда основные гуманитарные идеологии оказались в кризисном состоянии отвержения, наблюдается становление псевдоисламистской идеологии оправдания радикальной политической борьбы, основным средством которой является насилие. Подобное учение уже доказало свою жизнеспособность и эффективность воздействия на представителей населения различных стран.

Вывод:

¹ См.: Федорченко, Крылов А.В. Указ. соч. С. 178.

² См.: Крупнов А. «Исламское государство». Пропаганда группировки и механизмы ее распространения: Аналитический доклад. М., 2017. С. 18–19.

³ См.: Шведов Г. «Сафари по-сирийски». Рассказ бывшего боевика, сбежавшего из ИГИЛ [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. 2017. 26 июля. — URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/Safari_Siria_rasskaz_boevika (дата обращения: 31.03.2022).

Обоснована необходимость учета в качестве детерминант терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, следующих групп факторов:

– псевдорелигиозных (чрезмерно широкое толкование, явно искажающее истинный смысл постулатов из священных книг об основах ислама, в результате чего насилие становится одобряемым средством разрешения социальных конфликтов, приоритетным способом осуществления политической деятельности и выстраивания тоталитарного государственного объединения);

– социально-экономических (существенные различия в экономическом развитии различных регионов и стран, критические показатели социального расслоения, диспропорции благосостояния незначительной части общества и чрезвычайной бедности большей части населения, высокий уровень безработицы, рост маргинализации населения);

– политико-правовых (столкновение интересов многих государств мирового сообщества на территории стран Ближнего Востока: Ирак, Сирия и др. Стремление обеспечить политическое преимущество в регионе сопровождается отступлением от норм международного права о недопустимости вмешательства во внутренние дела любого государства и уважении его суверенитета, о мирном разрешении споров. Ослабление влияния легитимных органов государственной власти или физическое уничтожение государственных лидеров приводит к активизации деятельности исламистских преступных объединений по созданию государствовподобного образования – халифата);

– идеологических (кризис западноевропейский гуманитарных идеологий, гарантия социальных благ всем представителям мусульманского мира, защита от экспансии западноевропейской и североамериканской культуры, объединение всех мусульман под защитой единого государства – халифата, достижение политических и иных целей сугубо насильственными методами, пропаганда превосходства приверженцев исламистской идеологии).

1.3. Характеристика личности псевдоисламиста — представителя террористической организации

Современные гуманитарные исследования, а особенно посвященные изучению проблем Особенной части криминологической науки, традиционно включают в себя материалы об особенностях личности преступника применительно к соответствующему виду преступности. Данное правило далеко не случайно, поскольку изучение особенностей формирования характера человека, влияния на него третьих лиц, закономерности психологического и социального развития ничуть не меньше воздействуют на принятие решения о совершении преступления на определенном этапе жизненного развития. Отсюда, определение специфических особенностей и характеристик личности преступника в совокупности с изучением причин и условий возникновения и распространения преступности обеспечат научно-обоснованные предложения по противодействию и нейтрализации преступности. Все это относится и к такому негативному явлению в современном обществе как псевдоисламистский терроризм.

Личность преступника представляет собой сложный многогранный предмет исследования, поскольку до настоящего времени ни одна из гуманитарных наук не предложила универсального набора характеристик (свойств, качеств), совокупность которых определялась бы как «личность». Но современная криминология обозначила основные сферы жизнедеятельности, в которых проявляется человек и в зависимости от их особенностей формируется комплексное представление о личности преступника.

В зависимости от приоритетности соответствующих характеристик в истории развития криминологического учения выделялись следующие подходы к изучению личности преступника (личности лица, совершившего преступление): биосоциальный (Ч. Ломброзо, Н.А. Неклюдов, П.Н. Тарновская и др.), социологический (Ч. Беккариа, К.Е. Игошев, В.Д.

Филимонов и др.), психологический (А.И. Долгова, Ю.М. Антонян, В.С. Эминов и др.)¹. В этой части мы разделяем справедливость утверждения тех авторов, которые указывают на обязательность изучения всех особенностей личности преступника, не отдавая приоритет какой-либо из сфер жизнедеятельности человека. Например, изучая структуру личности осужденного преступника-террориста, И.В. Лебедев предлагает включать в ее состав следующие компоненты: пол, возраст, род занятий, образование, особенности характера, темперамент, ценностные ориентации, степень раскаяния в совершенном преступлении, поведение в условиях исполнения уголовного наказания, реагирование на профилактическую деятельность и др.² Дополнительно к перечисленному Р.А. Филиппов предлагает включать в обязательные для изучения личности преступника уголовно-правовые и уголовно-исполнительные особенности, включающие в себя характеристики вида совершенного преступления, назначенные меры уголовной ответственности и средства исправления, которым осужденный подвергся в процессе исполнения (отбывания) назначенного уголовного наказания³.

В гуманитарных исследованиях: криминологических (юридических), социологических и психологических, предлагается достаточно большое количество классификаций и типологий личности преступника в целом, равно как и личности – представителя отдельного вида преступности. Проанализировать все имеющиеся научные источники по данному предмету исследования не представляется возможным по причине их многочисленности. Поэтому в дальнейшем мы ограничимся только исследованиями, которые посвящены вопросам определения личности преступника-террориста и религиозного (этнорелигиозного) экстремиста.

¹ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск, 2017. 284 с. С. 98–104.

² См.: Лебедев И.В. Личность осужденного террориста: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 17.

³ См.: Филиппов Р.А. Личность осужденного и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12.

Из уточненного названия-характеристики вытекает, что специфической особенностью изучаемой личности преступника является совершение им преступления террористического характера и отнесение себя (хотя бы внешне) к представителям глубоко верующих представителей общества, исповедующих, вероучения ислама. По данному поводу Ю.М. Антонян обратил внимание на одну особенность исламских террористов и экстремистов: они рассматривают представителя любой иной нации и конфессии в качестве потенциальной угрозы, а данное отношение вызвано их страхами и переживаниями на бессознательном уровне¹.

Он же, изучая лиц, совершивших террористический акт, захват заложников и иные преступления террористического характера, отмечает, что у многих из них в психике заложено стремление к поиску внешних источников своих личных проблем. Определение этого «источника всех бед» порождает агрессию и жестокость к установленному ими объекту. На этом же основании установления общего врага происходит объединение террористов для осуществления преступной деятельности. У 88% исследуемых наблюдалось состояние типичной агрессии и постоянной оборонительной готовности, высокая степень концентрации на своих проблемах и переживаниях и пренебрежение интересами окружающих. Многим исследуемым преступникам присущи такие черты характера (психики), как: нарциссизм, эмоциональная ригидность, паранойяльность².

Т.А. Макарян обращает внимание, что в более чем 63% случаев личность террориста формировалась ввиду тяжелой психологической травмы, полученной в детстве: смерть родителей, утрата жилища или иного

¹ См.: Антонян Ю.М. Криминология и аналитическая психология // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 133.

² См.: Этнорелигиозный терроризм. С. 94–95.

имущества по причине боевых действий и др. – или ввиду родственных связей с лицами, осуществляющими террористическую деятельность¹.

Исследуя личность преступника-экстремиста (147 человек), склонного к совершению преступлений террористического характера, Р.М. Узденов выделяет особенности личности, носящие общий характер. Например, средний возраст экстремиста составляет 14–30 лет. Как правило, таковым является лицо мужского пола, каждый второй исследуемый не имеет законченного среднего образования, постоянной работы и семьи. Дополнительно выявлена психологическая особенность представителей исследуемой группы – только один из десяти в процессе опроса признавал себя экстремистом, тогда как остальные не видели в своих поступках ничего предосудительного².

Достоверность полученных данных подтверждается и иными исследованиями личности религиозных террористов и экстремистов. В частности, А.К. Шарипов пришел к выводу, что особенности личности преступника, совершающего уголовно-наказуемые деяния, руководствуясь идеями исламского радикализма, являются: жестокость, склонность к репрессивным мерам, вера в собственную исключительность, фанатизм, деформация нравственных принципов, садизм, расчетливость, склонность к риску и совершению непредсказуемых действий, мстительность и др.³

Здесь же автор указывает, что сообщество радикальных исламистов целесообразно разделить на две группы: 1) идеологи и 2) рядовые исполнители. Представители первой группы осуществляют формирование и общее руководство радикальными преступными группами. Они же

¹ См.: Макарян Т.А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 1. С. 115.

² См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 19–20.

³ См.: Шарипов А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 10, 20–24.

осуществляют идеологическую и религиозно-просветительскую работу с подчиненными, трактуя осуществляемую преступную деятельность как духовное благо. Во вторую группу включаются лица, непосредственно осуществляющие террористическую деятельность, в т.ч. террористы-смертники. Общая характеристика личности радикального исламиста сводится к следующим данным: средний возраст определяется пределами от 26 лет до 31 года, отсутствие высшего образования и семьи, наличие в прошлом или настоящем судимости, 4 из 5 преступлений на почве радикального исламизма совершаются лицами мужского пола, только 25% имели постоянную работу, значительная часть относится к маргинальным слоям населения¹.

Схожие результаты социологического исследования позднее были представлены А.Ю. Кругловой, которая отметила, что социальную базу деструктивных исламистских организаций, действующих в настоящее время, составляют лица в возрасте от 18 до 35 лет, при этом лица мужского пола в возрасте от 25 до 35 лет составляют более 50% представителей указанных исламистских структур. Движение радикального исламизма сформировано преимущественно из людей, не имеющих начального и высшего образования, постоянного источника дохода (работы). Многие исламисты родились и выросли в неполных семьях².

Полученные данные, несмотря на их безусловную ценность, все же нельзя полностью абсолютизировать. Любое социальное явление со временем изменяется под влиянием новых экономических, социальных, идеологических и иных жизненных условий. Псевдоисламизм и исламистский терроризм исключениями не являются. Поэтому можно согласиться с высказанным мнением о том, что личность участника террористической деятельности достаточно быстро меняется, в связи с чем требует постоянного наблюдения и

¹ Там же. С. 20, 22.

² См.: Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2019. С. 31–32.

анализа. К примеру, если в начале прошлого столетия террорист преимущественно характеризовался в качестве бездумного религиозного фанатика, то к настоящему времени в мотивации на осуществление террористической деятельности преобладают корыстные побуждения, личная выгода или политические амбиции, нежели исламистская идеология¹.

Однако, и в конце XIX века, и в начале XXI века представители террористических организаций стремились найти обоснование своим преступным действиям в высоких социальных идеалах и миссиях, включая религиозное оправдание. Так, в судебном процессе обвиняемый в совершении террористического акта — убийстве Великого князя, московского генерал-губернатора С.А. Романова — заявил, что законы светской власти изначально несправедливы и обеспечивают вседозволенность и безнаказанность. Себя же он представлял в качестве евангельского мученика, деяние которого одобряется религиозным вероучением о добре и справедливости, но вынужденного принять смерть от представителей официальной, а потому несправедливой, власти². Этот пример служит одним из подтверждения того, что террорист истинное религиозное учение (Христианство, Ислам, Буддизм и др.) трактует в свою пользу, существенно искажая его действительный смысл.

Как уже указывалось, современная гуманитарная наука располагает значительным количеством предложенных классификаций и типологий личности преступника, включая и типы (виды) личности преступника-террориста. Поэтому в настоящем исследовании мы ограничимся описанием и последующим анализом только тех новейших классификаций, которые

¹ См.: Дашаев Р.Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2007. № 6. С. 228; Дьячковский С.А. Теоретические основы противодействия преступности в условиях новых тенденций криминальной ситуации в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 27, 29; Митрофанова А.В. Политическая религия и фундаментализм // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2004. № 1. С. 56.

² См.: Речь Каляева // Революционная Россия. 1905. № 66. 5 мая. С. 1–2.

посвящены личности религиозного террориста (экстремиста), в т.ч. исламиста. Так, характеризуя типаж участников исламистских террористических организаций, Р.Х. Дашаев приводит следующую их классификацию, за основу которой принимает роль соответствующего участника в деятельности преступной организации. Исходя из этого, им выделяются следующие типы террориста-исламиста:

- - сочувствующий — не является непосредственным участником исламистской террористической организации, но активно одобряет цели и методы ее деятельности. По этой причине представители сочувствующего типа являются кандидатами на вступление в террористическую организацию в обозримом будущем;

- агитатор — лицо, призванное обеспечить постоянный приток новых участников в террористическую организацию путем пропаганды идеологии терроризма и ее оправдания исламистским вероучением;

- вербовщик — как и агитатор обеспечивает пополнение рядов террористической организации, но его деятельность более конкретизирована, поскольку обеспечивает подбор кадров для конкретного вида террористической деятельности на ее подготовительном этапе;

- наемник — лицо, принимающее непосредственное участие в вооруженных конфликтах и террористических актах исключительно ради получения материальной выгоды. Религиозная идеология для представителей этой группы не имеет существенного значения;

- фанатик — лицо, которое в отличие от наемника, как правило не преследует извлечения материальных выгод от результатов террористической деятельности. Полная уверенность в «высоких идеях и целях» обеспечивает им решимость на совершение самых тяжких преступлений, а также готовность принести себя в жертву;

- смертник — лицо, занимающее самое низшее положение в иерархии террористической организации, и представляющее собой «живое оружие» для

совершение террористического акта. Ценность представителей данной группы для террористической организации минимальна;

– инструктор — лицо, осуществляющее преступную деятельность, в основном руководствуясь корыстными побуждениями. Представители данной группы обладают значительным опытом в проведении террористических операций, партизанских войн и диверсионной деятельности. Поэтому инструктор осуществляет подготовку менее опытных участников для последующего осуществления террористической деятельности;

– боевой лидер — лица, возглавляющие террористические организации или их структурные подразделения. Являются хорошими организаторами, стратегами, которые в отношениях с окружающими предпочтение всегда отдают силе и борьбе;

– идеолог — лицо, обеспечивающее религиозно-идейное просвещение участников террористической организации. Он обеспечивает оправдание осуществляемой террористической деятельности, опираясь на религиозные нормы;

– заказчик — не является членом террористической организации, но в действительности определяет цели ее деятельности и осуществляет материальное обеспечение как отдельных участников, так и готовящихся террористических операций в целом. В зависимости от своего уровня, заказчик может непосредственно не вступать в общение с боевыми лидерами и идеологами террористических организаций, а действовать через своих посредников (эmissаров).

Подводя итоги исследования, автор отмечает, что всем без исключения типам личности террориста присущи общие черты насильственного преступника, который характеризуется высокой степенью эгоизма, уверенностью в своей незаурядности и значимости. Мотивация осуществления преступной деятельности определяется стремлением к

обогащению, мести, религиозными неверно понятыми ценностями и установками¹.

Предложенная классификация является, на наш взгляд, чрезмерно сложной и многозвенной, что неизбежно приводит к невозможности строгого разделения предложенных типов личности друг с другом. К примеру, трудно разграничить типы «вербовщик» и «агитатор», поскольку их функции совпадают, а различие производится исключительно по условиям осуществления преступной деятельности. Сложности могут возникнуть и при анализе типов «боевой лидер» и «инструктор», особенно в случаях, когда члены террористической организации проходят обучение. Лица, отнесенные к этим типам, вполне могут выполнять роли и «фанатика», и «идеолога». Наконец, несколько нелогично включать в предлагаемую классификацию личности религиозного террориста лиц, которые не входят в состав террористической организации и, вполне возможно, не разделяют идеи радикального исламизма: «сочувствующий» и «заказчик».

Принципиально иной подход в построении классификации личности исследуемого преступника демонстрирует Р.М. Узденов, подразделяя представителей радикального экстремизма только на две группы в зависимости от причин, побудивших их к осуществлению преступной деятельности:

– 1 тип — идейно-самостоятельный: лицо, экстремизм для которого является личным свободным выбором в качестве средства для достижения «высшей цели»;

– 2 тип — зависимый: лицо, осуществляющее экстремистскую деятельность в результате воздействия внешних раздражителей: окружение, СМИ и др.²

¹ См.: Дашаев Р.Х. Религиозные аспекты современного исламистского терроризма (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 20–22.

² См.: Узденов Р.М. Указ. соч. С. 20.

Думается, что предложенная Р.М. Узденовым классификация, напротив, страдает значительной абстрактностью, вследствие чего обеспечить построение качественной системы предупредительных адресных мер на ее основе будет крайне затруднительно.

Осуществляя криминологическую характеристику личности террориста, З.Ш. Матчанова выделяет следующие десять типов личности, основанных, преимущественно, на психолого-мотивационных установках конкретного преступника:

- идейно-политический — личность, стремящаяся изменить существующий политический строй, режим, а равно добиться изменения своего политического статуса;

- идейно-религиозный — радикально настроенная личность, движимая идеей распространения и утверждения религиозного вероучения, которое, по ее убеждению, является единственно верным в сравнении с любыми другими вероучениями;

- деструктивный — личность, предопределяющим мотивом поведения которой является стремление к уничтожению объектов материального мира;

- корыстный — личность, осуществляющая террористическую деятельность исключительно ради получения материальной выгоды;

- мстительный — личность, принявшая решение об осуществлении террористической деятельности по мотиву мести за совершение акта насилия или иных принудительных действий в отношении себя или близких ей людей;

- ведомый (внушаемый) — личность, не обладающая устойчивой мотивацией к совершению тех или иных действий, не ставящая перед собой конкретных целей, а потому вовлеченная в непосредственную террористическую деятельность третьими лицами;

- искатель смысла — личность, стремящаяся к преобразованию существующего мира или отдельных его сфер, но лишенная строгих

нравственных установок, что позволяет найти смысл своей жизни в реализации идеологии терроризма;

– демонстративный — личность, которая стремится к самоутверждению, к подавлению иных людей через насилие, реализация которого осуществляется в процессе осуществления террористической деятельности;

– авантюрный — личность, у которой доминирующим побуждением на осуществление террористической деятельности, является получение сильного эмоционального возбуждения от риска и конспирации, имеющих место в процессе подготовки и совершения преступлений террористического характера;

– ситуативный — личность, которая включилась в террористическую деятельность под влиянием форс-мажорных жизненных обстоятельств и (или) трудностей, разрешение которых она видит исключительно в совершении преступлений террористического характера¹.

Несомненным достоинством представленной классификации является развернутое представление комплекса мотивов, которые побуждают различных индивидов принять террористическую идеологию и впоследствии совершать преступления против общественной безопасности. Следует согласиться с авторским суждением, что любая классификация типов личности преступника в некоторой степени условна. Нет таких свойств личности, которые были бы присущи исключительно личности преступника (преступника-террориста), равно как нет и таких качеств, которыми обладали бы только законопослушные граждане².

На некоторые особенности личности преступника-экстремиста, который осуществляет преступную деятельность с использованием СМИ или

¹ См.: Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. С. 15–16.

² Там же. С. 15.

информационно-телекоммуникационных сетей, обратила внимание Г.И. Узембаева. Она не предлагает классификацию типов личности преступника, но указывает на ряд социально-психологических и правовых особенностей данных лиц. По ее мнению личность преступника-экстремиста характеризуется резко отрицательным отношением к существующим основам конституционного строя, непринятием территориальной целостности России и игнорированию запретов на разжигание национальной, расовой, религиозной и иной ненависти и вражды в обществе¹.

Здесь мы считаем необходимым обратить внимание на то, что все перечисленные автором признаки характерны для любого лица, совершающего преступление экстремистского характера, поскольку они и составляют юридическое содержание общественно опасных деяний указанного рода. Полагаем, что средства совершения преступления: СМИ, информационно-телекоммуникационные сети, оружие, взрывные устройства и др., не имеют особой важности для изменения типа личности преступника, а потому не могут рассматриваться в качестве ее криминологически значимых признаков.

Достаточно неординарную классификацию «моделей террористической личности» предложил А.И. Гизизулин, выделяя следующие категории:

– фанат идеи — лицо, которое свою жизнь посвящает служению высокой идеи, а в своих поступках руководствуется религиозными, идеологическими, политическими убеждениями, которые по его мнению оправдывают любые противоправные, в т.ч. и насильственные действия в отношении граждан, не разделяющих или препятствующих реализации «высокой идеи»;

¹ См.: Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 18.

– сценарист — лицо, которое обеспечивает последовательную подготовку и проведение террористических актов и иных преступлений террористического характера. Принадлежащие к данному типу отличаются рациональным мышлением и хладнокровием;

– человек из ущербной семьи — лицо, которое с детства подвергалось жестокому обращению, унижениям со стороны окружающих, включая близких родственников. Под воздействием указанных негативных факторов может сформироваться личность с деформированным восприятием действительных социальных ценностей, отличающаяся крайней жестокостью к третьим лицам. Представители данного типа наиболее часто становятся «инструментами террористической организации»;

– террористы-смертники — лица, которые жертвуют своей жизнью для выполнения террористического акта или иного преступления террористического характера. Для представителей данного типа характерны суицидальные наклонности и панический страх перед законным судом и исполнением уголовного наказания;

– террористы-женщины — лица женского пола, участвующие в совершении уголовно-наказуемых деяний террористического характера. Как правило, они выполняют роли пособниц или исполнительниц преступлений террористического характера, в т.ч. террористов-смертников¹.

Данную классификацию также нельзя признать безупречной, поскольку автор не предлагает единого основания для ее построения, а фрагментарно описывает совершенно различные по своему содержанию социально-психологические категории, используемые впоследствии для описания особенностей личности террориста: религиозные убеждения, прагматизм, отклонения в психике и неуравновешенность, половая принадлежность и т.п.

Завершая анализ предложенных в современной научной литературе классификаций личности преступника-террориста, в т.ч. исповедующего

¹ См.: Газизулин А.И. Криминологическая характеристика личности террориста нашего времени // NOVAINFO.RU. 2018. Т. 1. № 84. С. 162.

радикальные исламистские вероучения, следует отметить, что наиболее точная классификация типов личности может быть построена по двум основаниям: 1) цели преступной деятельности и 2) морально-волевые качества личности. Данное разграничение, по нашему мнению, повысит степень уяснения специфических качеств личности, что обеспечит выработку эффективных профилактических мер индивидуальной и коллективной работы с религиозным террористом.

В первой группе мы склонны выделить два типа личности преступника: 1) идейный тип — осуществляет террористическую деятельность, руководствуясь неверными представлениями о справедливости и истинных общественных ценностях; 2) меркантильный (корыстный) тип — стремится получить материальную выгоду, что является доминирующим мотивом при осуществлении террористической деятельности.

Занимаемое место в террористической исламистской организации принципиально не влияет на отнесение конкретной личности к первому или второму типу. Однако, на основании изученных приговоров по уголовным делам о преступлениях террористического характера можно сделать вывод, что идейный тип более характерен для представителей руководящего звена, тогда как меркантильный — для рядовых исполнителей. *Типичным примером идейного типа является осужденный Х., который в соответствии с вынесенным в отношении его приговором характеризуется как организатор отделения международной террористической организации «Партия исламского освобождения», действовавшей в г. Казани. В результате его деятельности в состав отделения были вовлечены несколько граждан России, проживавших в республике Татарстан. При вовлечении граждан в преступную деятельность исламистской организации Х. использовал силу убеждения и воздействовал на религиозные чувства вовлекаемых, подменяя традиционные в исламе идеи учением, оправдывающим подстрекательство мусульман к насильственной антиконституционной деятельности с целью создания теократического государства — Всемирный Халифат. В приговоре*

также отмечается, что Х. обладает теоретическими познаниями и практическими навыками в организации и осуществлении противоправной деятельности. Идеологическая работа осуществлялась Х. путем проведения бесед в мечетях г. Казани, чтения лекций учащимся исламских учебных заведений, распространением исламистской литературы и др. В результате деятельности Х. лица, впоследствии вступившие в состав казанского отделения Партии исламского освобождения, оказались в идеолого-религиозной зависимости¹.

Следует учесть, что отнесение лица к идейному типу не исключает планирование и совершение им преступлений из корыстных побуждений. Но в таких случаях корыстная мотивация и стремление к получению материальных благ от преступной деятельности имеет второстепенное значение².

Распространенным примером меркантильного (корыстного) типа личности можно привести описание мотивации и характеристики обвиняемых в совершении преступлений террористического характера. В процессе судебного разбирательства данные лица, как правило, отрицают свою принадлежность к незаконному вооруженному формированию, осуществлявшему террористическую деятельность, и не настаивают на справедливости исламистских вероучений³. Все это указывает, что единственной или одной из главных причин их участия в террористической деятельности является стремление к обогащению. Здесь же можно указать и на крайне низкий уровень нравственных ценностей представителей данного

¹ См.: Приговор от 28.10.2009 г. по уголовному делу № 2-13/2009, вынесенный Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

² См.: Приговор от 12.12.2014 г. по уголовному делу № 2-8/2014, вынесенный Верховным Судом Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

³ См.: Приговор от 24.07.2015 г. по уголовному делу № 1-20/2015, вынесенный Северо-Кавказским окружным военным судом [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

типа, поскольку материальные ценности и личный достаток ими ставятся выше жизни и здоровья третьих лиц.

Во второй группе мы выделяем три типа личности преступника: 1) лидерский — формирует террористическую организацию, руководит всей организацией или отдельным ее подразделением; 2) утверждающийся — испытывает потребность в признании собственных заслуг и значимости в террористической организации; 3) зависимый — принимает участие в осуществлении террористической деятельности ввиду прямой или опосредованной зависимости от иных участников террористической организации.

Примером лидерского типа личности является лицо, описанное обвинительном приговоре под названием: «лицо № 1». *Согласно представленным данным оно организовало на территории Дагестана банду приверженцев радикального направления в исламе, целью деятельности которой являлось создание самостоятельного исламского государства. В процессе осуществления преступной деятельности «лицо № 1» демонстрировал решимость добиться желаемого результата любыми средствами. В банде была установлена жесткая дисциплина, которая проявлялась в безусловном подчинении всех членов «лицу № 1», строгая иерархия в составе участников-исламистов. В качестве методов «лицо № 1» избрало вооруженные нападения на граждан, организации, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, иных представителей государственной власти, а также общественных, в т.ч. религиозных деятелей в процессе совершения диверсий, терактов, захвата заложников и других преступлений¹. Здесь мы можем наблюдать ярко выраженные качества*

¹ См.: Приговор от 21.04.2015 г. по уголовному делу № 2-8/2015, вынесенный Верховным Судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022). Также см.: Приговор от 24.05.2018 г. по уголовному делу № 2-6/2018, вынесенный Верховным Судом Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

лидера, способного подчинить себе многих людей и добиться беспрекословного исполнения отдаваемых им поручений.

В качестве примера утверждающегося типа личности можно привести характеристики обвиняемого П., который в июне 1999 года добровольно вступил в террористическую исламистскую организацию «Карачаевский джамаат», действующую на территории Северного Кавказа, и впоследствии был осужден за совершение четырех террористических актов, бандитизм, участие в незаконном вооруженном формировании и иных тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, общественной безопасности и порядка управления. Обвиняемый П. до момента начала осуществления преступной деятельности имел неполное среднее образование, не работал, содержал на иждивении одного малолетнего ребенка. В ходе судебного заседания установлено, что П. желал участвовать в «освободительной войне», ложно понимая суть борьбы за религиозные идеи. Он осознавал общественно опасный характер осуществляемой им террористической деятельности в составе «Карачаевского джамаата», желал наступления общественно опасных последствий от совершения посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих для воспрепятствования осуществляемой ими законной деятельности по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка¹. Как следует из материалов приговора, П. по месту жительства до вступления в террористическую организацию характеризовался посредственно и особым уважением не пользовался. Но, будучи в составе террористической организации, принимал активное участие в террористических операциях, совершив значительное количество преступлений террористического характера. На момент вынесения приговора П. уже был осужден за

¹ См.: Приговор от 20.02.2017 г. по уголовному делу № 1-19/2017, вынесенный Шатойским районным судом Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

совершение указанных преступлений и отбывал пожизненное лишение свободы в одной из колоний особого режима.

Пример зависимого типа на основании приговоров и иных судебных актов привести достаточно сложно, поскольку суд, как правило, описывает факт осознания лицом своих противоправных действий и желание их совершить, но упускает факты, предшествующие принятию решения подсудимым о вступлении в террористическую организацию. Это является верным решением, т.к. не входит в предмет доказывания и не имеет значения для квалификации¹. В этой связи личность преступника, относимого к выделенному зависимому типу, можно описать на примерах материалов психологических и иных исследований.

Отдельные авторы отмечают, что лица, участвующие в террористической деятельности, находясь в зависимости от иных лиц или жизненных обстоятельств, как правило характеризуются слабым типом нервной системы. Они плохо сопротивляются внешнему (как положительному, так и отрицательному) воздействию, пассивны и заторможены. Особой активности представители данного типа не проявляют и в процессе осуществления террористической деятельности, не стремясь добиться значительных ее результатов, как текущих, так и глобальных².

Наиболее распространенными типами участников террористических организаций являются меркантильный (корыстный) и зависимый. Для всех

¹ См.: Приговор от 23.04.2012 г., вынесенный Дербентским районным судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: [http://sudrf.kodeks.ru](http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/491089936?text=исламский+терроризм&type=669300003&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number=(дата обращения: 15.04.2020); Приговор от 25.04.2012 г. по уголовному делу № 1-34/2012, вынесенный Кизлярским районным судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: <a href=) (дата обращения: 15.04.2020); Приговор от 13.06.2019 г. по уголовному делу № 1-59/2019, вынесенный Заводским районным судом г. Грозного Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

² См.: Вершинин М.В. Психологические особенности членов деструктивных и террористических (радикальных) групп. [Электронный ресурс] // URL: <https://bookap.info/sociopsy/verhinin/> (дата обращения: 15.04.2020); Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 93–94; и др.

типов личности псевдоисламистов, осуществляющих террористическую деятельность, характерно использование религиозных постулатов в качестве средства оправдания вреда, который они причиняют обществу (идейный, меркантильный, утверждающийся и зависимый типы), а также в качестве средства вербовки кандидатов для вступления в террористические организации (лидерский тип).

Следует учесть, что предлагаемая нами классификация объективно не может охватывать все существующие типы личности псевдоисламиста — представителя террористической организации, но будет вполне достойной для определения направлений по разработке мер эффективного предупреждения исламистского терроризма.

Вывод:

В современной криминологии представлено достаточно большое количество видов классификаций типов личности преступника, включая личность террориста и экстремиста. Приведенные классификации строятся на различных основаниях, характеризуя социальные, психологические, экономические, правовые и иные качества личности. Общность характерных черт, присущих одной из обозначенных выше групп, позволяет определять авторам соответствующие типы личности преступника.

Предложенная нами классификация сформирована на основании предшествующих научных исследований типов личности этнорелигиозного террориста, а также на основании приговоров, вынесенных в отношении лиц, которые были признаны виновными в совершении различных преступлений террористического характера. Так, предлагается выделять следующие типы личности псевдоисламиста в зависимости от:

– целей осуществления террористической деятельности: 1) идейный тип — осуществляет террористическую деятельность, руководствуясь неверными представлениями о справедливости и истинных общественных ценностях; 2) меркантильный (корыстный) тип — стремится получить

материальную выгоду, что является доминирующим мотивом при осуществлении террористической деятельности.

– морально-волевых качеств: 1) лидерский — формирует террористическую организацию, руководит всей организацией или отдельным ее подразделением; 2) утверждающийся — испытывает потребность в признании собственных заслуг и значимости в террористической организации; 3) зависимый — принимает участие в осуществлении террористической деятельности ввиду прямой или опосредованной зависимости от иных участников террористической организации.

Наиболее распространенными типами участников террористических организаций являются меркантильный (корыстный) и зависимый. Для всех типов личности псевдоисламистов, осуществляющих террористическую деятельность, характерно использование религиозных постулатов в качестве средства оправдания вреда, который они причиняют обществу (идейный, меркантильный, утверждающийся и зависимый типы), а также в качестве средства вербовки кандидатов для вступления в террористические организации (лидерский тип).

Учет причин и условий исламистского терроризма, а также особенностей типов личности исламиста, осуществляющего террористическую деятельность, служит гарантией для выработки наиболее эффективных мер предупреждения исламистского терроризма.

1.4. Особенности предупреждения современного терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии

Эффективность противодействия тому или иному социально-негативному явлению зависит не только и не столько от количества выработанных и реализованных мер предупредительного характера, сколько от качества их видов, последовательности и методики реализации. Поэтому в предыдущих параграфах настоящей главы было уделено пристальное

внимание вопросам детерминант псевдоисламистского терроризма и особенностям личности радикального ультраправого псевдоисламиста. Уяснение причин и условий распространения общественно опасного явления, мотивации, которая присутствует у людей, вовлеченных в осуществление противоправной деятельности, является неременным условием для разработки действенной программы противодействия указанному явлению.

Современной криминологией выработан универсальный подход к формированию комплекса мер противодействия преступности. Подавляющее большинство авторов указывают на необходимость определения различных мер, которые в зависимости от своего целевого назначения, объема и направленности подразделяются, преимущественно, на общие и специальные. Некоторые исследователи дополнительно выделяют, например, индивидуальные, организационные и иные меры превентивного воздействия на преступность¹. По нашему же мнению, эти меры также можно отнести к разновидностям общих и специальных мер предупреждения. Общие меры обеспечивают решение общесоциальных, экономических и иных задач, не предполагающих выполнение правоохранительных функций. Специальные меры представляют собой деятельность, которая заключается в непосредственном воздействии на преступность и реализуется на основании норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства².

В современных научных исследованиях, посвященных противодействию террористической и экстремистской деятельности, осуществляемой по различным, в т.ч. и религиозным, мотивам, авторами предлагаются достаточно разнообразные общие и специальные меры, направленные на ликвидацию данного социально опасного явления. Так, А.К. Шарипов формирует комплекс специальных мер в отношении участников террористических объединений,

¹ См.: Варзина Т.А. О некоторых аспектах предупреждения преступности // Закон. Право. Государство. 2018. № 2. С. 243–246.

² См.: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 197–198.

потенциально готовых прекратить свое участие в террористической деятельности и выйти из-под влияния идеологов псевдоисламского радикализма. Он указывает на необходимость обеспечить подрыв социально-экономической базы террористических объединений, путем выявления и перекрытия каналов финансирования их деятельности из внутригосударственных и зарубежных (международных) источников¹. Важность реализации комплексных экономических мер, направленных на пресечение финансирования терроризма, подчеркивают и многие иные исследователи².

Д.А. Шерникова, напротив, полагает, что приоритетное значение в вопросах противодействия терроризму и экстремизму имеют общепрофилактические меры. Она небезосновательно указывает, что современная антитеррористическая деятельность органов власти в основном направлена на борьбу с последствиями терроризма, тогда как профилактике распространения данного социально опасного явления уделяется незначительное внимание. В связи с этим она предлагает систему общепрофилактических антитеррористических и антиэкстремистских мер, воспитательного и пропагандистского характера, реализация которых способна обеспечить устранение ксенофобии и национальной нетерпимости, предупреждение террористических актов, незаконной миграции, формирование в молодежной среде межэтнического согласия и др.³

¹ См.: Шарипов А.К. Указ. соч. С. 11, 29.

² См.: Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. Проблемные вопросы противодействия механизмам финансирования терроризма // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 160; Иванов П.И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 49–50; Юрьева А.Д. Роль и место Российской Федерации в международной системе противодействия отмыванию нелегальных доходов и финансированию терроризма // Финансовые исследования. 2019. № 3. С. 46–51; и др.

³ См.: Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. С. 111; Шерникова Д.А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 30.

Схожую позицию демонстрируют М.И. Лавицкая, С.В. Тимофеев и Л.А. Абашина, указывая, что ключевые меры, направленные на противодействие терроризму, носят общий характер и направлены на широкие слои населения. Гарантия возможностей здоровой самореализации каждому человеку гораздо эффективнее обеспечит достижение желаемых результатов антитеррористической деятельности в сравнении с предпринимаемыми мерами, направленными на ликвидацию уже сформировавшихся террористических организаций и объединений¹.

Являясь сторонником реализации общепредупредительных мер противодействия терроризму и экстремизму, В.Н. Гурба обосновывает мнение о том, что именно они являются достаточно актуальными для российского общества ввиду возникшей гуманитарной трагедии на территории Северного Кавказа XX–XXI вв. и преодоления ее негативных последствий. Автор указывает, что народности республик данного региона, прежде всего Чечня, находятся в состоянии «анклавизации» с представителями иных территорий России. Подобное положение позволяет сохранять в российском обществе чувства инстинктивной ксенофобии и угрозы личной безопасности.

Экономическая, политическая и культурная изоляция народов Северного Кавказа может аккумулировать в себе новую угрозу распространения идеологии терроризма, в связи с чем необходимо преодолеть указанную замкнутость через реализацию мер по «деконструкции антагонических мифов, деконструкции образа этнического врага, ... формирования позитивных референтных объектов за пределами этнических групп ... на основе консенсуса, плюрализма и толерантности»².

¹ См.: Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Абашина Л.А. Система мер предупредительного воздействия на преступность террористической направленности // Российский следователь. 2019. № 8. С. 69.

² См.: Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Новочеркасск, 2011. С. 52–53.

С.М. Мальков действующую в России систему предупреждения терроризма и экстремизма именуем моделью противодействия и предлагает в целях ее совершенствования на основе принципа приоритета предупредительных антитеррористических мер и экономического принципа материального обеспечения антитеррористической деятельности осуществление указанной деятельности по следующим выделенным им направлениям:

- международный контроль за обращением предметов, полностью или частично изъятых из гражданского оборота и представляющих угрозу для общественной безопасности;
- контртеррористические меры, реализация которых обеспечит ликвидацию террористических организаций;
- целенаправленная борьба с транснациональной организованной преступностью;
- идеологическое обеспечение антитеррористической деятельности;
- ранняя профилактика терроризма¹.

Изучая проблемы противодействия терроризму в пограничной сфере, Р.С. Иванов не формирует авторскую систему мер общего и (или) специального предупреждения, но указывает на необходимость сочетания мер общесоциального и специального-криминологического уровней предупреждения. При этом меры первой группы по его утверждению должны иметь место в плоскости миграционной, религиозной, национальной и пограничной политики. Специальные меры должны реализовываться при осуществлении пограничного контроля, что обеспечит недопущение представителей террористических организаций на территорию России, а

¹ См.: Мальков С.М. Модель противодействия терроризму в Российской Федерации: современное состояние, недостатки, пути совершенствования // Современное право. 2018. № 9. С. 113–114.

также средств осуществления террористической деятельности¹. Дополнительное внимание обращается и на необходимость координации действий и правовой взаимопомощи правоохранительных структур сопредельных и иных государств², что уже относится к административно-управленческим мерам, обеспечивающим противодействие транснациональной преступности в целом.

Отдельные исследователи не предлагают конкретных антитеррористических мер, но справедливо указывают, что на сегодняшний день можно наблюдать активизацию деятельности террористических и экстремистских организаций на территории России. Это обстоятельство порождает необходимость осуществления новых мер, направленных на противодействие терроризму как транснациональному социально-опасному явлению, обеспечению защиты общественной безопасности и конституционного строя³.

Общее мнение о необходимости разработки мер, направленных на профилактику (предупреждение) терроризма и экстремизма, нашло поддержку и на законодательном уровне. К примеру, уже в 2009 году принимается Концепция противодействия терроризму в РФ, которая определила «Общегосударственную систему противодействия терроризму» и общие направления ее деятельности (п. 12):

- предупреждение (профилактика) терроризма;
- борьба с терроризмом;
- минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма⁴.

¹ См.: Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 23–24.

² Там же. С. 11–12.

³ См.: Авдеев В.А., Авдеева О.А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 22.

⁴ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.10.2009 г. // Российская газета. 2009. 20 окт.

Также в качестве одной из задач по предупреждению терроризма обозначено обеспечение скоординированной работы органов государственной власти с общественными и религиозными организациями. Специальное обращение внимания на необходимость взаимодействия с религиозными организациями не случайно, поскольку в пп. «в» п. 4 указанного документа указывается на наличие в зарубежных государствах лагерей подготовки террористов, теологических учебных заведений, в результате деятельности которых обеспечивается распространение идеологии религиозного экстремизма¹.

В действующей Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года предусматривается обязательность разработки региональных и муниципальных целевых программ, реализация которых обеспечила бы создание системы профилактики экстремизма и терроризма². Позднее в п. 44, 47 Стратегии национальной безопасности также было обращено внимание на предупреждение терроризма как на одно из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности, что предполагает развитие системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма, проявлений религиозного радикализма и др.³ Также в действующем антитеррористическом законодательстве указывается на недопустимость любых компромиссных действий по отношению к лицам, осуществляющим или готовящимся к осуществлению террористической деятельности. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ содержит правила о неотвратимости наказания за совершение преступлений террористического характера, исключении любой возможности предоставления уступок лицам, осуществляющим террористическую деятельность, полном или частичном

¹ Там же.

² См.: Указ Президента РФ от 28.11.2014 г. №Пр-2753 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

³ См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

удовлетворение их политических и иных требований при ведении переговоров.

Обобщив высказанные в научной литературе мнения относительно особенности построения системы антитеррористических мер, а также учитывая положения действующего законодательства о противодействии террористической деятельности, мы соглашаемся с мнением тех авторов, которые полагают, что высокоэффективное предупреждение терроризма возможно при сочетании общих и специальных мер предупреждения, при этом псевдоисламистский терроризм исключением не является. Однако, сочетание данных мер зависит от складывающейся обстановки распространения терроризма и активности осуществления террористической деятельности. Учитывая данные обстоятельства, и на основании п. 12 Концепции противодействия терроризму в РФ, нами выделяются два направления противодействия псевдоисламистскому терроризму:

1. Борьба, предполагающая силовые меры и методы пресечения;
2. Предупреждение (профилактика), включающая в себя меры социально-правового характера.

Следует отметить, что в п. 12 указанной Концепции 2009 года в качестве самостоятельного направления указывается еще «минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма». Мы полагаем, что меры, реализуемые в рамках данного направления, носят не превентивный, а восстановительный характер. Поэтому включение их в состав комплекса рассматриваемых мер противодействия псевдоисламистскому терроризму было бы ошибочным.

1. Силовое предупреждение представляет собой комплекс мер, реализуемых представителями военных и правоохранительных структур, и направленных на пресечение преступной деятельности, изоляцию представителей псевдоисламистских организаций вплоть до их физического уничтожения. Это необходимо в условиях активизации деятельности представителей террористических организаций, осуществляющих подготовку

и совершающих преступления террористического характера. Субъектами пресечения могут быть исключительно представители милитаризованных органов государственной исполнительной власти. Меры, реализуемые в рамках силового пресечения, сводятся к решению, преимущественно, двух задач: физическое уничтожение террористов или их задержание с последующей долгосрочной изоляцией от общества.

Необходимо иметь в виду, что силовое пресечение является эффективным средством предупреждения псевдоисламистского терроризма только в краткосрочной перспективе и в отношении точного установленных лиц, которые причастны к преступлениям террористического характера. В долгосрочной и даже в среднесрочной перспективах силовое противодействие не обеспечит эффективного предупреждения псевдоисламистского терроризма и его распространения. Данный вывод подтверждается практикой противодействия терроризму, в т.ч. на территории Северного Кавказа, а также результатами криминологических исследований последних лет.

Так, ведение боевых действий, регулярное проведение «зачисток», блокирование населенных пунктов и т.п. причиняют вред не только лицам, виновным в совершении преступлений террористического характера, но и мирным правопослушным гражданам. Продолжительные во времени контртеррористические операции в какой-то степени могут свидетельствовать об отсутствии возможностей у органов государственной власти эффективно бороться с террористическими объединениями. Подобная затяжная борьба косвенно будет служить целям террористической деятельности – запугивание населения и формирование в общественном сознании мнения о неспособности власти защитить должным образом население от террористической угрозы.

Также затяжное вооруженное противостояние выгодно представителям террористических организаций, поскольку это уравнивает статусы противоборствующих сторон. Подтверждением этому является «восторженное отношение» в 2014 году лидеров ИГ по отношению к перспективе прямой конфронтации с международной антитеррористической

коалицией, возглавляемой США¹, представители которой приняли решение о проведении крупномасштабных боевых действий на территории Сирии, не прекратившихся до настоящего времени.

Современная криминологическая англо-саксонская доктрина указывает на предпочтительность применения именно тех средств, которые сводятся, преимущественно, к реализации превентивных принудительных мер в отношении преступников. Наиболее популярным превентивным средством признается уголовное наказание, связанное с изоляцией осужденного от общества на длительные сроки. Особенностью уголовной политики США и Великобритании, в части обеспечения предупреждения преступности, является поощрение применения превентивных мер на ранних стадиях осуществления преступной деятельности, в т.ч. в отношении лиц, которые представляют потенциальную опасность для общества, хотя еще не уличены в совершении запрещенного уголовным законом деяния. Такие лица в рамках реализации института «превентивной юстиции» могут подвергаться «на этапах предпреступного поведения» мерам пресечения, которые по своему содержанию сравнимы с тюремным заключением и иными видами уголовного наказания².

Проведя исследование англо-американского феномена превентивной юстиции, А.Л. Гуринская предложила систематизацию всех известных в настоящее время превентивных мер, применяемых на пред-криминальной стадии, а именно:

– меры в отношении потенциальных террористов и лиц, которые располагают сведениями о готовящихся террористических актах и иных преступлениях террористического характера: заключение под стражу без

¹ См.: Как устроено «Исламское государство»: истоки, цели, финансы [Электронный ресурс] // URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion (дата обращения: 20.03.2022).

² См.: Daskal J. Pre-Crime Restarints: The Explosion of Targeted, Non-Custodial Prevention // Cornell Law Review. 2014. Vol. 99. № 2. P. 327–386; Ogg J. Preventive Justice and the Power of Policy Transfer. Springer, 2015. 253 p.

предъявления обвинения; ограничение вплоть до полного запрета пользования услугами авиаперевозчиков; блокирование операций по расчетным счетам указанных лиц и др.;

– судебный приказ в отношении лиц, ведущих асоциальный образ жизни или находившихся в составе преступного объединения: предписание покинуть территорию населенного пункта или местности, конфискация имущества и др.;

– уголовные наказания за преступления террористической и экстремистской направленности, даже если они окончены на стадиях обнаружения умысла или совершения формально легитимных действий по созданию различных условий для совершения преступления в будущем – «преступления с двойной предупредительной санкцией»;

– меры полицейского реагирования: осмотр, опрос, арест и др., которые аналогичны мерам административного принуждения, предусмотренным российским административным законодательством¹.

Учитывая данные обстоятельства, в настоящее время отмечается существенный рост количества лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях США и Великобритании, значительная часть которых исповедует религиозные идеи исламизма и представляет собой добротную социальную почву для воспроизведения религиозного терроризма и экстремизма². По итогам проведенного исследования в данной области И.А. Селезнев обозначает следующие факты, имеющие место в пенитенциарных системах указанных стран: в Великобритании с начала XXI века численность осужденных-мусульман увеличилась в четыре раза. В Англии и Уэльсе на 84

¹ См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 11-12; Она же. Принудительные превентивные меры в системе предупреждения преступлений в США и Великобритании: понятие и классификация // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2018. № 1. С. 15–17.

² См.: В британских тюрьмах испугались доминирования исламистов [Электронный ресурс] // URL: https://lenta.ru/news/2019/06/07/muslim_gangs/ (дата обращения: 20.03.2020); Количество заключенных по странам: ICPR [Электронный ресурс] // URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/prison-population> (дата обращения: 20.03.2022).

тысячи заключенных приходится 12 тысяч мусульман. По официальным данным в 1997 году количество мусульман, содержащихся в местах лишения свободы, равнялось 3 681 чел., то уже в 2012 году данный показатель составил 11 248 чел., демонстрируя положительную динамику увеличения более чем на 200%. И это в условиях, когда лишь пять процентов от общей численности жителей страны исповедуют ислам¹.

В отечественной научной литературе, напротив, отстаивается мнение о том, что решение социальных конфликтов насильственными средствами содержит потенциальную опасность для всего общества, поскольку приводит к утверждению в общественном сознании приоритета их разрешения с позиции силы. Это может привести к формированию у граждан чувства незащищенности и доминирования одной социальной группы над другими². Поэтому противодействие преступности должно распространяться на наиболее широкие слои населения, а наилучшей профилактикой терроризма в обществе является создание значительных возможностей в области социально-экономического развития индивида, нежели запоздалые попытки борьбы с уже сформированными террористическими и иными преступными объединениями³.

Примером, подтверждающим данный факт, является фактически незавершенная контртеррористическая операция на Северном Кавказе. Непрерывающиеся в данном регионе посягательства на общественную безопасность и правопорядок сформировали в современном российском обществе предвзятое отношение ко всем лицам, исповедующим ислам, особенно мусульманам – выходцам с Северного Кавказа⁴. По этим причинам

¹ См.: Селезнев И.А. Указ. соч. С. 96.

² См.: Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. М., 2007. С. 174–175.

³ См.: Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Абашина Л.А. Указ. соч. С. 69; Давиденко М.А. Определение детерминационного комплекса террористической деятельности в современном российском обществе // Современный юрист. 2018. № 4. С. 127–128.

⁴ См.: Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе. С. 195–196; Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А-Н. З. Дибирова. М., 2015. С. 538.

отдельные исследователи ввели в научный оборот термин «исламофобия», что также свидетельствует о существовании высокой степени социальной напряженности в российском обществе по отношению к мусульманам¹, хотя, как уже отмечалось, представители исламистских террористических организаций используют псевдорелигиозное вероучение для оправдания совершения насилия в отношении населения, и эти пропагандируемые догмы не имеют ничего общего с истинными ценностями ислама.

Все вышеперечисленное свидетельствует о справедливости вывода о неэффективности силового пресечения псевдоисламистского терроризма как общественно опасной идеологии и необходимости реализации данного направления борьбы с терроризмом и экстремизмом только в условиях пресечения преступной деятельности. В среднесрочной перспективе политика силового противодействия псевдоисламистскому терроризму становится малоэффективной, а в долгосрочной – социально опасной.

2. Социально-правовое предупреждение представляет собой комплекс мер, реализация которых позволит обеспечить достижение эффективных результатов противодействия псевдоисламистскому терроризму в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Меры предупреждения исламистского терроризма, формируясь на основании данных о детерминационном комплексе и личности представителя псевдоисламистского терроризма, можно подразделить на две группы:

- 2.1. Общие;
- 2.2. Специальные.

Общие меры не предполагают непосредственного предупредительного воздействия на псевдоисламистский терроризм как социально опасное явление, но с их помощью сокращаются и устраняются причины и условия, способствующие его возникновению и распространению. Также отдельные

¹ См.: Захаров К.П. Идея исламского халифата как постоянный фактор исламофобии в современных условиях // Философия права. 2018. № 3. С. 116; Малахов Ю.И. Исламофобия и другие факторы радикализации образа мусульманина в российском обществе // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. С. 43.

меры общего характера направлены на формирование правопослушной и социально зрелой личности, что также исключает возможность участия конкретного человека в деятельности исламистских, в т.ч. террористических, организациях. Исходя из этого, общие меры предупреждения псевдоисламистского терроризма могут быть представлены следующими основными видами:

- экономические: развитие национальной экономики, повышение уровня благосостояния населения, обеспечение рабочими местами и борьба с безработицей;

- политические: формирование органов государственной власти на демократических началах, подконтрольность и подотчетность органов государственной власти и местного самоуправления общественности, открытость в принятии решений финансового, кадрового и иного управленческого характера;

- социально-культурные: повышение общего уровня образованности населения, религиозно-просветительская работа, и в первую очередь, с молодежью.

Экономические меры противодействия псевдоисламистскому терроризму мало чем отличаются от аналогичных мер, направленных на предупреждение преступности в целом. Удовлетворение материальных потребностей человека, гарантированность должного уровня его социальной защищенности являются достаточно эффективным средством (мерой) противодействия преступности. Обеспечить данное состояние возможно только в условиях нормального развития экономики государства, обеспечением высокого уровня доходов населения, поддержкой малого и среднего бизнеса и проч.

Политические меры также носят общепреентивный характер по отношению к преступности в целом. Общеизвестно, что тоталитарный режим и отсутствие реальной и легитимной возможности общества влиять на деятельность должностных лиц органов государственной власти неминуемо

приводит к возникновению таких социально-негативных явлений, как: узурпация власти, коррупция, систематические нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Для обеспечения эффективности предупреждения террористической деятельности псевдоисламистских организаций следует обеспечить взаимодействие органов исполнительной власти с общественными организациями и объединениями, а также представителями средств массовой информации для обеспечения доведения до всех представителей общества достоверной информации о реализации мер, направленных на предупреждение, пресечение и профилактику псевдоисламистского терроризма. Реализация данной меры обеспечит повышение доверия населения к органам власти.

Мы полагаем, что особое значение для предупреждения псевдоисламистского терроризма имеют социально-культурные меры, поскольку именно в результате их реализации в обществе будет сформирована идея всеобщего равенства и уважения к представителям различных религиозных конфессий, не исповедующих (исключающих) радикальные идеи оправдания насилия к представителям различных социальных и этнических групп. На этих основаниях вероятность осуществления экстремистской деятельности и, тем более религиозного терроризма, будет сведена к минимуму, поскольку различия между людьми в вопросах вероисповедания в обществе будут восприниматься как само собой разумеющееся явление, не порождающее агрессию, страх либо иную негативную реакцию. Наши предположения полностью подтвердились результатами проведенного анкетирования: 69% опрошенных уверены в наибольшей эффективности общих мер социально-правового характера, а 16% – мер уголовно-процессуального пресечения, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных. Только 14% от общего числа респондентов уверены, что силовые меры, вплоть до физического уничтожения, являются наиболее

эффективным средством предупреждения псевдоисламистского терроризма (приложение 1).

Для решения этой задачи необходимо обеспечить повышение доступности качественного образования¹ и, как следствие, повышение общего уровня образованности населения. Это обеспечит понимание деструктивности любого проявления религиозной ненависти, равно как и беспочвенности терроризма и экстремизма, их бесполезности для защиты религиозных и иных интересов.

В сфере образования следует обратить особое внимание на необходимость изучения культуры различных народов России. Будучи многонациональным государством, Россия способна ликвидировать угрозу псевдоисламистского терроризма путем активной просветительской деятельности, направленной на воспитание в обществе уважительного отношения к социокультурным особенностям представителей каждой национальности и этнической группы, составляющих российское общество. Особенности религиозных вероучений, включая ислам, также необходимо доводить до населения в процессе реализации образовательных программ. В этой сфере нельзя переоценить значение получивших государственную аккредитацию духовных образовательных организаций², представители которых могут осуществлять как преподавательскую, так и общую просветительскую деятельность в средних и высших учебных заведениях.

Особое значение имеют все общепрофилактические мероприятия, проводимые в молодежной среде. В предыдущих параграфах диссертационного исследования указывалось на особую подверженность и восприимчивость молодежи к экстремистской идеологии, включая

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (в ред. от 28.09.2018 № 4) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; <http://www.pravo.gov.ru> – 21.04.2022).

² См.: ст. 87 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

псевдоисламистский терроризм, по причине отсутствия должного понимания истинных общественных ценностей и психологического стремления к подражанию. Формирование асоциальных установок в несовершеннолетнем возрасте содержит в себе дополнительную опасность в виде возможного продолжения преступной (террористической) деятельности в совершеннолетнем возрасте и вовлечении в нее иных граждан.

Некоторые исследователи указывают, что к непосредственному исполнению преступлений экстремистской направленности склонны представители молодежи и несовершеннолетние. Именно данные лица наиболее часто совершают запрещенные уголовным законом деяния по мотивам религиозной, национальной и иной ненависти и вражды¹.

Поэтому профилактические социально-культурные мероприятия, направленные на недопущение распространения идей псевдоисламистского терроризма и экстремизма, должны учитывать специфику указанной социальной группы риска и проводится в рамках деятельности различных учреждений и образований, направленных на развитие творческих начал у несовершеннолетних и молодежи: кружки, секции, клубы, сообщества; реализующих программы физической культуры и спорта: спортивные секции, школы; осуществляющих религиозно-просветительскую деятельность: воскресные школы, духовные семинарии и др.² Реализуемые таким образом меры объективно будут способствовать формированию толерантного отношения к представителям всех религиозных учений, что существенно сократит возможности распространения в обществе псевдоисламистской идеологии.

¹ См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 32.

² См.: Леготин М.П., Голубых Н.В., Алимпиев С.А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 164-166; Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 38.

Специальные меры предупреждения псевдоисламистского терроризма в основном сводятся к уголовно-правовым и пенитенциарным мерам воздействия. Первые из них заключаются в определении видов преступлений — преступлений террористического характера, посягающих на общественную безопасность, и мер уголовной ответственности, которые применяются к виновным в совершении указанных преступлений. Пенитенциарные меры реализуются в рамках применения норм российского уголовно-исполнительного законодательства и представляют собой те лишения и правоограничения, которым подвергается осужденный за преступления террористического характера в процессе исполнения уголовного наказания. Подробному исследованию содержания специальных мер предупреждения псевдоисламистского терроризма посвящена вторая глава настоящей диссертации.

Выводы:

Все меры, направленные на борьбу с псевдоисламистским терроризмом, условно классифицируются на две большие группы:

1. Силовые меры;
2. Меры социально-правового характера.

Силовые меры реализуются в условиях активизации деятельности террористических организаций, осуществляющих подготовку и совершение преступлений террористического характера. Субъектами пресечения могут быть исключительно милитаризованные органы государственной власти. Меры, реализуемые в рамках силового пресечения, сводятся к решению, преимущественно, двух задач: физическое уничтожение террористов или их задержание для долгосрочной изоляции от общества.

Силовые меры и методы предупреждения псевдоисламистского терроризма эффективны только в краткосрочной перспективе и при условии их индивидуальной направленности на конкретных представителей псевдоисламистских террористических организаций. В среднесрочной

перспективе политика силового противодействия псевдоисламистскому терроризму становится малоэффективной, а в долгосрочной – социально опасной, поскольку укрепляет в общественном сознании идею о приоритете применения силовых насильственных методов для разрешения социальных конфликтов и противоречий. Пропаганда силовых методов воздействия на представителей псевдоисламистских террористических организаций влечет за собой восприятие в обществе всех мусульман в качестве источника террористической опасности, что впоследствии может привести к очередным крупномасштабным социальным конфликтам.

Меры социально-правового характера обеспечивают достижение эффективных результатов предупреждения и профилактики псевдоисламистского терроризма в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Они многочисленны, носят комплексный характер и, формируясь на основании данных о детерминантах и личности представителя псевдоисламистского терроризма, подразделяются на две подгруппы:

2.3. Общие;

Общие меры не предполагают непосредственного предупредительного воздействия на псевдоисламистский терроризм как социально опасное явление, но с их помощью сокращаются и устраняются причины и условия, способствующие его возникновению и распространению. Также отдельные меры общего характера направлены на формирование правопослушной и социально зрелой личности, что также исключает возможность участия конкретного человека в деятельности псевдоисламистских, в т.ч. террористических, организациях. Исходя из этого, общие меры предупреждения псевдоисламистского терроризма могут быть представлены следующими основными видами:

– экономические: развитие национальной экономики, повышение уровня благосостояния населения, обеспечение рабочими местами и борьба с безработицей;

– политические: формирование органов государственной власти на демократических началах, подконтрольность и подотчетность органов государственной власти и местного самоуправления общественности, открытость в принятии решений финансового, кадрового и иного управленческого характера;

– социально-культурные: повышение общего уровня образованности населения, религиозно-просветительская работа, и в первую очередь, с молодежью.

Экономические меры противодействия псевдоисламистскому терроризму мало чем отличаются от аналогичных мер, направленных на предупреждение преступности в целом. Удовлетворение материальных потребностей человека, гарантированность должного уровня его социальной защищенности являются достаточно эффективным средством (мерой) противодействия преступности. Обеспечить данное состояние возможно только в условиях нормального развития экономики государства, обеспечением высокого уровня доходов населения, поддержкой малого и среднего бизнеса и проч.

Политические меры также носят общепреventивный характер по отношению к преступности в целом. Общеизвестно, что тоталитарный режим и отсутствие реальной и легитимной возможности общества влиять на деятельность должностных лиц органов государственной власти неминуемо приводит к возникновению таких социально-негативных явлений, как: узурпация власти, коррупция, систематические нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Для обеспечения эффективности предупреждения террористической деятельности псевдоисламистских организаций следует обеспечить взаимодействие органов исполнительной власти с общественными организациями и объединениями, а также представителями средств массовой информации для обеспечения доведения до всех представителей общества достоверной информации о реализации мер, направленных на

предупреждение, пресечение и профилактику псевдоисламистского терроризма. Реализация данной меры обеспечит повышение доверия населения к органам власти.

Мы полагаем, что особое значение для предупреждения псевдоисламистского терроризма имеют социально-культурные меры, поскольку именно в результате их реализации в обществе будет сформирована идея всеобщего равенства и уважения к представителям различных религиозных конфессий, не исповедующих (исключающих) радикальные идеи оправдания насилия к представителям различных социальных и этнических групп. На этих основаниях вероятность осуществления экстремисткой деятельности и, тем более религиозного терроризма, будет сведена к минимуму, поскольку различия между людьми в вопросах вероисповедания в обществе будут восприниматься как само собой разумеющееся явление, не порождающее агрессию, страх либо иную негативную реакцию. Наши предположения полностью подтвердились результатами проведенного анкетирования: 69% опрошенных уверены в наибольшей эффективности общих мер социально-правового характера, а 16% – мер уголовно-процессуального пресечения, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных. Только 14% от общего числа респондентов уверены, что силовые меры, вплоть до физического уничтожения, являются наиболее эффективным средством предупреждения псевдоисламистского терроризма (приложение 1).

Для решения этой задачи необходимо обеспечить повышение доступности качественного образования¹ и, как следствие, повышение общего уровня образованности населения. Это обеспечит понимание деструктивности любого проявления религиозной ненависти, равно как и беспочвенности

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (в ред. от 28.09.2018 № 4) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; <http://www.pravo.gov.ru> – 21.04.2022).

терроризма и экстремизма, их бесполезности для защиты религиозных и иных интересов.

В сфере образования следует обратить особое внимание на необходимость изучения культуры различных народов России. Будучи многонациональным государством, Россия способна ликвидировать угрозу псевдоисламистского терроризма путем активной просветительской деятельности, направленной на воспитание в обществе уважительного отношения к социокультурным особенностям представителей каждой национальности и этнической группы, составляющих российское общество. Особенности религиозных вероучений, включая ислам, также необходимо доводить до населения в процессе реализации образовательных программ. В этой сфере нельзя переоценить значение получивших государственную аккредитацию духовных образовательных организаций¹, представители которых могут осуществлять как преподавательскую, так и общую просветительскую деятельность в средних и высших учебных заведениях.

Особое значение имеют все общепрофилактические мероприятия, проводимые в молодежной среде. В предыдущих параграфах диссертационного исследования указывалось на особую подверженность и восприимчивость молодежи к экстремистской идеологии, включая псевдоисламистский терроризм, по причине отсутствия должного понимания истинных общественных ценностей и психологического стремления к подражанию. Формирование асоциальных установок в несовершеннолетнем возрасте содержит в себе дополнительную опасность в виде возможного продолжения преступной (террористической) деятельности в совершеннолетнем возрасте и вовлечении в нее иных граждан.

Некоторые исследователи указывают, что к непосредственному исполнению преступлений экстремистской направленности склонны представители молодежи и несовершеннолетние. Именно данные лица

¹ См.: ст. 87 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

наиболее часто совершают запрещенные уголовным законом деяния по мотивам религиозной, национальной и иной ненависти и вражды¹.

Поэтому профилактические социально-культурные мероприятия, направленные на недопущение распространения идей псевдоисламистского терроризма и экстремизма, должны учитывать специфику указанной социальной группы риска и проводится в рамках деятельности различных учреждений и образований, направленных на развитие творческих начал у несовершеннолетних и молодежи: кружки, секции, клубы, сообщества; реализующих программы физической культуры и спорта: спортивные секции, школы; осуществляющих религиозно-просветительскую деятельность: воскресные школы, духовные семинарии и др.² Реализуемые таким образом меры объективно будут способствовать формированию толерантного отношения к представителям всех религиозных учений, что существенно сократит возможности распространения в обществе псевдоисламистской идеологии.

2.4. Специальные.

Специальные меры предупреждения псевдоисламистского терроризма в основном сводятся к уголовно-правовым и пенитенциарным мерам воздействия. Первые из них заключаются в определении видов преступлений — преступлений террористического характера, посягающих на общественную безопасность, и мер уголовной ответственности, которые применяются к виновным в совершении указанных преступлений. Пенитенциарные меры реализуются в рамках применения норм российского уголовно-исполнительного законодательства и представляют собой те лишения и

¹ См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 32.

² См.: Леготин М.П., Голубых Н.В., Алимпиев С.А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 164-166; Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 38.

правоограничения, которым подвергается осужденный за преступления террористического характера в процессе исполнения уголовного наказания.

ГЛАВА 2

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА

2.1. Классификация преступлений, сопряженных с осуществлением террористической деятельности

Специальные меры предупреждения псевдоисламистского терроризма, как, в принципе, и иных видов преступности, преимущественно сводятся к реализации мер государственного принуждения, предусмотренных уголовно-процессуальным, уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. В современной криминологической литературе уже мало кто пытается оспорить мнение о невозможности общего решения проблемы борьбы с преступностью именно уголовно-правовыми средствами принуждения¹. Преступность как относительно распространенное массовое явление может быть сокращена до минимума только в результате проведения комплекса общепрофилактических мер, обеспечивающих решение многих социально важных задач, в результате чего снижается криминогенность всего общества².

Эффективность специальных мер, отнесенных нами к группе социально-правовых мер противодействия преступности (в т.ч. псевдоисламистского терроризма), исследователями оценивается неоднозначно. Например, А.Э. Жалинский не исключает, что применение положений уголовного законодательства может вообще заблокировать социально необходимые процессы. Уголовное наказание им определяется в качестве средства, которое является чрезмерно затратным для достижения общественного блага, но приносящим несоизмеримо малую выгоду по сравнению с ожиданиями,

¹ См.: Барановский Н.А. Социальная профилактика антиобщественных явлений в системе антидевиантной политики // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 19. № 2. С. 93.

² См.: Богатова Е.В., Кочеткова Н.В. Роль и социальная ценность предупреждения преступности в жизни общества // *Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека*. 2015. № 4. С. 229–237.

которые обозначаются в начале уголовно-исполнительного процесса. По мнению автора в некоторых случаях уголовное наказание как средство воздействия на общественные отношения может принести с собой вредные последствия для социума¹.

Безоговорочно согласиться с А.Э. Жалинским и иными учеными, которые придерживаются аналогичных научных взглядов, было бы возможно, если общество на современном этапе своего развития предложило бы какую-либо альтернативу уголовно-правовому воздействию на преступность. Возможно, что уголовная ответственность является не самым эффективным средством предупреждения совершения новых преступлений, но отказ от данного средства неизбежно повлечет еще более негативные социальные последствия в виде кратного увеличения числа преступлений и количества лиц, вовлеченных в преступную деятельность. Поэтому значимость предусмотренных действующим законодательством уголовно-правовых, пенитенциарных и иных специальных мер социально-правового характера ставить под сомнение нельзя.

Первоосновой для реализации указанных специальных мер является уголовный закон, нормы которого определяют соответствующий вид общественно опасного поведения в качестве преступления. Виды именно псевдоисламистского или иного другого религиозного терроризма в УК РФ не предусмотрены, равно как и отдельная структурная единица Особенной части УК РФ, объединяющая в себе нормы об уголовной ответственности за общую «террористическую деятельность», «терроризм» и т.п. Это в некоторой степени осложняет анализ уголовно-правовых норм, призванных обеспечить охрану общества от псевдоисламистского терроризма, однако отказаться от выделения группы норм о преступлениях, являющихся проявлениями псевдоисламистского терроризма, невозможно, поскольку только их группирование позволит обеспечить последующий качественный

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 9–18, 56–68.

юридический анализ и выработку предложений по унификации юридически значимых признаков составов соответствующих деяний.

Итак, систематизация Особенной части российского уголовного закона имеет важное практическое значение. В соответствии со структурой ее построения и места расположения нормы, устанавливающей ответственность за преступление, относительно иной нормы, закрепляющей признаки смежного состава преступления, существенно упрощается процесс определения характера и степени общественной опасности соответствующего преступления, снимаются многие вопросы квалификации совершенного преступления, появляются некие правовые ориентиры для выбора вида и размера возможного наказания и др.

В теории уголовного права многие исследователи склонны выделять в системе Особенной части УК РФ ряд подсистем, которые составляют, как правило, значительные по количеству преступления, имеющие ряд общих юридических признаков. К таковым относятся, например, преступления против правосудия¹, порядка управления², преступления против мира и безопасности человечества³ и др. С некоторыми оговорками можно предположить, что объединение уголовно-правовых норм в главы и разделы Особенной части уголовного закона осуществляется с использованием системного метода. Избираемый законодателем круг общественных отношений обеспечивается уголовно-правовой защитой путем создания некоего количества норм, предусматривающих ответственность за совершение однородных преступлений. Эти нормы, в идеале, должны обеспечить всестороннюю защиту соответствующего круга общественных отношений, в

¹ См.: Вороной В.В. Система преступлений, связанных с неисполнением судебных актов по гражданским делам // Общество и право. 2009. № 1. С. 42.

² См.: Таможник Е. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления // Законность. 2006. № 3. С. 30–32.

³ См.: Гедиев М.Ш. Незаконный оборот оружия массового поражения в системе преступлений против мира и безопасности человечества // Общество и право. 2010. № 4. С. 73.

том числе защиту прав и законных интересов личности, интересов общества и государства.

В отличие от систематизации, классификация преступлений в уголовном праве представляет собой один из технических приемов, с помощью которого изучаемое явление (совокупность, общность) делится на составляющие его элементы. То есть, процесс классификации преступлений является обратным по отношению к их систематизации – упорядочению в единой структуре Особенной части. Так же как и систематизация, классификация преступлений имеет большое практическое значение и для квалификации совершенного преступления, и для выбора наказания за его совершение. Обращает на себя внимание и тот факт, что в настоящее время ни один автор, анализируя преступления, объединенные нормами главы Особенной части УК РФ, не пренебрегает приемом классификации, что само по себе подтверждает ее важность и для науки, и для практики.

При осуществлении классификации преступлений, предусмотренных нормами УК РФ, должно быть использовано единое основание. При данном условии это будет выступать гарантом для научно-обоснованного построения групп преступлений, объединяемых в одной главе УК РФ, а также для построения единой системы норм, устанавливающих уголовную ответственность, в рамках всей Особенной части УК РФ. Но, как справедливо отмечается в научной литературе, если по поводу применения единого основания для классификации преступлений никто не возражает, то вопрос о выборе вида этого основания по сей день остается нерешенным¹.

Наука предлагает широкий спектр видов оснований для классификации преступлений, объединяемых в главы УК РФ². К таковым относятся:

¹ См.: Маршакова Н.Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Безопасность бизнеса. 2007. № 4. С. 28.

² Более подробно см.: Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Идрисов К.Р. Классификация преступлений против правосудия // Российский судья. 2007. № 1. С. 8–9.

групповой или видовой объект преступления¹; особенности построения объективной стороны состава преступления, предполагающая выделение материальных, формальных и усеченных составов²; форма выражения общественно опасного деяния: действие, действия (деятельность) и бездействие³; способ совершения преступления⁴; специфические особенности субъекта преступления⁵; и др.

Разумеется, каждая точка зрения в вопросе определения основания для классификации группы преступлений, объединяемых общими родовыми признаками, авторами обосновывается и, соответственно, должна учитываться в научно-исследовательской деятельности. Мы не ставим перед собой задачу критической оценки перечисленных предложений, но разделяем мнение А.А. Пионтковского и многочисленных его последователей в части идеи о том, что в качестве основания для классификации преступлений, содержащихся в нормах главы Особенной части УК РФ, следует признать определенные общественные отношения, т.е. объект преступления⁶.

Интересующая нас группа преступлений в юридической литературе определяется большинством исследователей как уголовно-наказуемые деяния «террористического характера». Популярность этой дефиниции нам видится в том, что именно такая формулировка используется в официальных документах

¹ См.: Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 18.

² См.: Курсаев А.В. Критерий риска в понятийно-категориальной классификации составов преступлений в уголовном праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 505–506.

³ См.: Койбаев Б.Г., Зассеева А.М. Классификация преступлений экстремистской направленности / Экстремизму – отпор: Материалы VII Международного молодежного юридического форума (Владикавказ, 22–24 ноября 2018 года) / под ред. Л.Т. Кокоевой, А.М. Цалиева. Владикавказ, 2019. С. 174–175; Маршакова Н.Н. Указ. соч. С. 28.

⁴ См.: Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 267–345.

⁵ См.: Кузьменко В.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2009. С. 98; Сыч К., Литвинов И. Классификация преступлений против правосудия по признакам субъекта // Уголовное право. 2008. № 1. С. 69–70.

⁶ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 135–136.

статистической отчетности правоохранительных и судебных органов. При этом среди исследователей не наблюдается единого подхода по решению вопроса о количестве и видах преступлений, которые входят в указанную классификационную группу.

Казалось бы, что ответ на данный вопрос должен содержаться в нормах или действующего уголовного закона, или специального закона. Но глава с соответствующим названием в Особенной части УК РФ отсутствует, равно как и строго определенный Федеральным законом «О противодействии терроризму» перечень видов преступлений террористического характера. Данный нормативный акт в п. 2 ст. 3 лишь косвенно определяет конкретные виды противоправных действий, официально признаваемыми разновидностью «террористической деятельности»:

– «организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта» – данные действия предусмотрены ст. 205 и ст. 205¹ УК РФ;

– «подстрекательство к террористическому акту» – это деяние по общему правилу также квалифицируются по ст. 205 УК РФ, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ, указывающую на подстрекательство как вид деятельности соучастника (подстрекателя) в совершении умышленного преступления;

– «организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре» – перечисленные действия охватываются составами преступлений, предусмотренных ст. 208, 210 УК РФ, а также специальных норм – ст. 205⁴, 205⁵ УК РФ. Организованная группа является одной из форм соучастия, наличие которой определяется или как квалифицирующий признак состава преступления, или как обстоятельство, отягчающее наказание;

– «вербовка, вооружение, обучение и использование террористов» – данные действия предусматриваются ст. 205¹, 205³ УК РФ;

– «информационное и иное пособничество в планировании, подготовке и реализации террористического акта» – это деяние по общему правилу также квалифицируются по ст. 205 УК РФ, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ, указывающую на интеллектуальное и (или) физическое пособничество как вид деятельности соучастника (подстрекателя) в совершении умышленного преступления, а также ч. 3 ст. ст. 205¹ УК РФ;

– «пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» – все перечисленные действия могут при прочих равных условиях квалифицироваться в соответствии со ст. 205² УК РФ,

– неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами – статья 282.4 УК РФ.

Учитывая изложенное, к преступлениям террористического характера (террористической направленности) на основании Федерального закона «О противодействии терроризму» можно отнести деяния, запрещенные перечисленными уголовно-правовыми нормами, объединенными в составе гл. 24 УК РФ. Но данное решение нельзя признать в качестве нормативно обоснованного, поскольку действующий закон о противодействии терроризму в действительности не определяет ни одного вида преступления, которое было бы отнесено к группе террористических уголовно-наказуемых посягательств. Здесь же следует указать на противоречивость, имеющую место в нормах анализируемого закона: в ст. 24 содержатся общие положения об ответственности организаций за причастность к терроризму. По смыслу ч. 1 данной статьи организация признается террористической, если ее создание преследует цель совершения преступлений, предусмотренных ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282¹-282³, 360 и 361 УК РФ. На этом основании

можно предположить, что все перечисленные нормы уголовного закона и предусматривают виды уголовно-наказуемых деяний, образующих категорию преступлений террористического характера. Таким образом, положения действующего Федерального закона «О противодействии терроризму» о видах террористической деятельности (п. 2 ст. 3) и о видах преступлений, совершение которых является целью деятельности террористической организации (ст. 24), не совпадают друг с другом. По этой причине на основании Федерального закона «О противодействии терроризму» установить точный перечень видов общественно опасных посягательств, которые образуют собой группу преступлений террористического характера, не возможно.

В качестве официального перечня видов преступлений террористического характера можно рассматривать деяния, предусмотренные теми статьями УК РФ, которые используются для формирования статистической отчетности Генеральной прокуратурой и МВД России (Перечень № 22)¹. Но и данный межведомственный нормативный акт не позволяет должным образом определить виды деяний, которые безоговорочно можно отнести к группе преступлений террористического характера. Общее количество уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления составляет 34 статьи, из которых 12 предусматривают виды уголовно-наказуемых деяний, относимых к преступлениям террористического характера без каких-либо дополнительных условий: ст. 205-205⁶, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360 и 361 УК РФ.

Дополнительно к преступлениям террористического характера могут быть отнесены деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ, но уже при соблюдении определенных условий:

¹ См.: Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» — URL: [https:// http://www.consultant.ru/](https://http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 31.03.2022).

– в случае, когда установить время совершения преступления не представляется возможным, признание наличие у преступления «террористического характера» возможно по ст. 207, 211, 220, 221, 278, 279, 282² УК РФ (даты указаны в Перечне № 22);

– если в статистической карточке имеется отметка о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью: ст. 206, 209, 210, ст. 210¹, 222, 222¹, 223, 223¹, 226, 281, 295, 317, 318, 355 УК РФ.

Подобный подход в формировании группы преступлений террористического характера является чрезмерно широким, что не позволяет выделить юридическую специфику изучаемого явления. По этой причине определить место преступлений в системе уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, а также сформировать совокупность видов указанных преступлений в настоящее время возможно только на основании проведенных научных исследований.

Но и в научной среде отсутствует единый подход к определению преступлений террористического характера. Авторские классификации могут включать в себя самые различные виды преступлений террористического характера: от широкого до чрезмерно узкого списка уголовно-наказуемых деяний, а некоторые исследователи не видят необходимости выделения указанных видов преступлений в отдельную классификационную группу. Например, некоторые авторы определяют границы объекта преступлений террористического характера в рамках родового объекта, охрана которого обеспечивается нормами гл. 24 УК РФ. Исходя из этого, они выделяют видовые и групповые объекты, являющиеся составной частью общественной безопасности, не выделяя при этом группу преступлений террористического характера¹.

¹ Более подробно см.: Энциклопедия уголовного права. Т. 21. Преступления против общественной безопасности общественного порядка — Издание профессора Манинина. СПб., 2013. С. 45–49.

В этой части неординарный подход демонстрирует С.В. Максина, которая соглашается с мнением о необходимости широкого смыслового толкования категории «терроризм» и проявлении его во множестве предусмотренных нормами УК РФ преступлений: ст. 205, 207, 360 УК РФ и др. При этом автор, осуществляя уголовно-правовую характеристику уголовной ответственности за терроризм, не определяет границы данной группы, а только ограничивается анализом признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ¹. Полагаем, что данный подход не является продуктивным для установления юридически значимых признаков составов преступлений террористического характера.

Иные авторы, напротив, доказывают необходимость обособления группы преступлений террористического характера, уголовная ответственность за которые предусмотрена нормами различных глав и разделов Особенной части, предлагая при этом различный «набор» видов преступлений, формально не посягающих на общественную безопасность, т.е. нормы, устанавливающие ответственность за их совершение, не содержатся в гл. 24 УК РФ. Например, В.А. Бурковская, Е.А. Маркина, В.В. Мельник и Н.Ю. Решетова полагают, что к преступлениям террористического характера относятся уголовно-наказуемые посягательства, предусмотренные ст. 205, 205¹, 205², 206, 207, 208, 209, 210 – гл. 24 УК РФ, а также ст. 277 УК РФ об ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля².

Д.В. Сопов считает, что к преступлениям террористической направленности следует отнести деяния, запрещенные ст. 205, 205¹, 206, 207, 211, 277 и 360 УК РФ³. Не соглашаясь с подобным подходом, А.А. Павлов отмечает, что все виды преступлений террористического характера

¹ См.: Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 13–15.

² См.: Уголовное преследование терроризма: монография / Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. и др. М., 2008. 160 с.

³ См.: Сопов Д.В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8.

необходимо отграничивать от иных преступлений, совершаемых по террористическим мотивам. Автор не предлагает упорядоченной классификации, но справедливо указывает, что преступления собственно террористического характера посягают в первую очередь на общественную безопасность, а потому ответственность за их совершение должна предусматриваться нормами гл. 24 УК РФ¹.

Анализируя все представленные классификации, следует отметить, что на сегодняшний день многие из них морально устарели по объективным причинам. Приблизительно с 2006 года в уголовный закон внесено значительное количество норм об ответственности за деяния, которые так или иначе можно признать разновидностями террористической деятельности или деятельности, сопряженной с поощрением и распространением террористической идеологии, например: ст. 205¹-205⁶, 361 УК РФ. Однако, авторы, новейших исследований о преступлениях террористического характера по тем или иным причинам отказываются от формулирования классификационных групп рассматриваемых уголовно-наказуемых деяний, игнорируя решение вопроса о месте изучаемых общественно опасных посягательств, запрещенных нормами УК РФ². В сложившейся ситуации, которая характеризуется противоречивостью нормативного и научного определения сущности преступления террористического характера, вновь

¹ См.: Павлов А.А. Преступления террористического характера: правовое содержание и место в системе посягательств на общественную безопасность // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2. С. 15–16.

² См.: Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 25 с.; Сипки М.В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 177 с.; Суворов В.А. Уголовная ответственность за акт международного терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 25 с.; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2012. 26 с.; и др.

возникает необходимость уточнения сущности основания, используемого для классификации преступлений названной группы.

Общеизвестно, что наиболее приемлемым основанием для построения классификации любой группы преступлений является соответствующий объект – совокупность общественных отношений, охрана которых обеспечивается рядом норм, содержащихся в рамках одной главы Особенной части УК РФ. Это не единственное основание для классификации, но именно оно наиболее предпочтительно для выделения самостоятельных групп преступлений, предусмотренных нормами одной главы Особенной части УК РФ¹. Мы полагаем, что использование содержания определенного круга общественных отношений для выделения группы преступлений террористического характера будет недостаточным по нескольким причинам.

Во-первых, строго обозначить те общественные отношения, которым причиняется реальный или потенциальный вред от совершения, например, террористического акта, крайне сложно. Здесь могут пострадать одновременно и отношения по охране физической неприкосновенности отдельного человека, и общественная безопасность, и общественный порядок, и безопасность конституционного строя, и интересы государственной (муниципальной) власти, и даже международные отношения. Подтверждение справедливости такого суждения можно найти в текстах вышеуказанных нормативных актов, которые определяют преступления террористического характера путем перечисления уголовно-правовых норм, содержащихся в самых различных разделах и главах Особенной части УК РФ: ст. 211, 277, 361 и др. Поэтому формирование группы преступлений именно террористического характера только на основании выделяемого в уголовно-правовой науке «группового объекта» крайне сложно.

Во-вторых, сущность рассматриваемой категории – «преступления террористического характера» – содержит указание не на виды общественных

¹ См.: Кругликов Л.Л. к вопросу о классификации объектов преступлений / Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи 1982 – 1999 гг. Ярославль, 1999. С. 11.

отношений, которые нарушаются в результате совершения названных общественно опасных деяний, а на мотивы и цели их совершения. На это обстоятельство Пленум Верховного Суда РФ рекомендует обращать особое внимание при квалификации рассматриваемых преступлений¹. И в современной научной литературе авторы справедливо указывают, что совершение в сущности одних и тех же действий может повлечь за собой различную квалификацию: в зависимости от целей совершения преступлений может быть признано террористическим, а может ни не признаваться таковым ввиду особенностей субъективной стороны в конкретно совершаемом деянии². Не случайно А.И. Рарог, А.Н. Тарбагаев и др. отметили, что деяния, признаваемые в настоящее время террористическими преступлениями, не имеют должного правового основания, поскольку используемые в нормах как российского, так и международного права определения терроризма характеризуются чрезмерной расплывчатостью, хотя и охватывают все существующие на сегодняшний день проявления терроризма³.

В-третьих, отдельные авторы, в принципе, ставят под сомнение возможность систематизации на основании родового и группового (видового) объектов как всех преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ⁴, так и отдельных их групп, например, преступлений террористического характера. В отношении последних А.И. Рарог приводит довольно убедительные доводы, указывая на «неоднородность» общих

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февр.

² См.: Максимов С.В. Цель терроризма – уголовно-правовые аспекты // Российский следователь. 2007. № 21. С. 14; Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Уголовная ответственность за захват заложника (уголовно-правовые аспекты квалификации) // Знание. 2019. № 9-1. С. 93; и др.

³ См.: Рарог А.И. Уголовный кодекс против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 158; Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 105.

⁴ См.: Векленко В.В. Значение объекта преступления / Учение об объекте преступления. Тенденции и перспективы развития: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П.Н. Путилов. Омск, 2005. С. 4.

признаков «террористических преступлений», перечисленных в п. 1 примечания к ст. 205¹ УК РФ и диспозиции ст. 205⁶ УК РФ, а также на несогласованность официальных перечней «террористических» преступлений, перечисленных в ст. 205¹, 205³ и 205⁶ УК РФ¹, что не позволяет дать однозначный ответ о закрытом перечне видов анализируемых преступлений.

В таком случае можно указать на необходимость использования нескольких юридически значимых характеристик (оснований) для определения группы преступлений террористического характера и установления их места в системе общественно опасных деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Мы полагаем, что формальным основанием можно считать главу, которая содержит большинство норм, устанавливающих ответственность за преступления террористического характера – гл. 24 УК РФ. Из этого следует, что родовым объектом рассматриваемых преступлений признается общественная безопасность, выражающаяся в состоянии защищенности всех представителей общества, обеспечения надлежащего функционирования государственных (муниципальных) и общественных институтов власти и управления², а преступления террористического характера предусматриваются только нормами гл. 24 УК РФ.

Выделяя преступления террористического характера по формальному основанию, мы руководствуемся перечнями норм, которые перечисляются в ст. 205-205⁶ гл. 24 УК РФ. Но даже в этом случае законодатель предлагает различные виды общественно опасных деяний, которые в одном случае признаются разновидностью террористической деятельности, а в другом – не признаются:

¹ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 161.

² См.: Габдрахманов Р.Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. № 4. С. 18.

– в ст. 205¹ и 205² УК РФ перечисляются нормы о преступлениях, характеризующихся как «террористическая деятельность»;

– в ст. 205³ и 205⁴ УК РФ разграничиваются категории «террористическая деятельность» и «преступления, предусмотренные ...». При этом подавляющее большинство видов преступных деяний, относящихся ко второй группе, в ст. 205¹ и 205² УК РФ значатся как разновидности террористической деятельности;

– в ст. 205⁶ УК РФ представлен перечень обезличенных преступлений, который полностью совпадает с перечнем, содержащимся в п. 2 примечания к ст. 205² УК РФ (за исключением ст. 205⁶ УК РФ) – нормы о преступлениях, характеризующихся как «террористическая деятельность» (приложение 3).

Исходя из законодательно предложенных норм о преступлениях, признаваемых разновидностями террористической деятельности, мы можем, хотя и не без оговорки, обозначить следующие виды преступлений, сопряженных с осуществлением террористической деятельности (из всех перечисленных уголовно-правовых норм наиболее полный список содержится в п. 2 примечания к ст. 205² УК РФ):

– гл. 24 УК РФ: ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶, 206, 208, 211, 220, 221;

– гл. 29 УК РФ: 277, 278, 279;

– гл. 34 УК РФ: ст. 360, 361.

Относительно несогласованности перечней норм о видах преступлений, представляющих собой варианты осуществления террористической деятельности, мы готовы согласиться с А.И. Рарогом¹ и предположить, что данный факт является примером законодательной ошибки, а не научным методом установления различных проявлений террористической деятельности в зависимости от совершения конкретного преступления против общественной безопасности.

¹ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 161.

Материальным основанием для признания преступления террористическим является существенный признак – действие должно содержать признаки терроризма. Эти признаки были выделены в первой главе исследования при формировании дефиниции псевдоисламистского терроризма: насилие с целью устрашения населения; формирование в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники; оказание воздействия на принятие решений органами власти.

Учитывая в совокупности перечисленные выше формальное и материальное основания, можно выделить следующие группы преступлений, сопряженные с осуществлением террористической деятельности:

1. Преступления террористического характера — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно связанные с применением насилия или угрозой его применения для устрашения населения, формирования в отдельных социальных группах страха и паники, оказания воздействия на принятие органами власти решений для обеспечения интересов террористических организаций и объединений;

2. Преступления террористической направленности — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно не содержащие в себе признаков терроризма, но создающие условия для осуществления террористической деятельности и (или) иным образом способствующие ее осуществлению;

3. Преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности – предусмотренные нормами различных глав Особенной части УК РФ общественно опасные деяния, которые не являются террористическими, но могут совершаться по мотивам и (или) ради достижения целей террористической деятельности.

4. Преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности.

К первой группе следует отнести те виды общественно опасных деяний, которые непосредственно нарушают общественную безопасность и содержат

в себе признаки террористической деятельности, т.е характеризуются совершением насильственных действий для обеспечения устрашения населения в целом, создания среди представителей отдельных социальных групп атмосферы страха и паники, что в итоге будет способствовать принятию органами власти соответствующих решений в интересах террористов. Таковыми преступлениями является террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Ко второй группе преступлений относятся деяния, которые непосредственно не сопряжены с применением насилия и не предполагают выдвижение каких-либо требований в адрес должностных лиц органов власти и управления. Но, будучи посягательствами на общественную безопасность, данные деяния создают условия для совершения преступлений террористического характера и (или) позволяют оправдать уже совершенные террористические посягательства, и (или) избежать ответственности за совершение виновными указанных преступлений. Эти деяния предусмотрены ст. 205¹ – 205⁶ УК РФ.

К третьей группе относятся преступления, которые в отдельных случаях могут быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности. Данный факт выявляется в процессе квалификации преимущественно при оценке мотивов и целей общественно опасного поведения. Поэтому законодательно определяемый их родовой объект для предложенной классификации не имеет существенного юридического значения. В данную группу мы предлагаем включить преступления, предусмотренные ст. 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ.

К четвертой группе можно отнести преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности. В данную группу предлагается объединить преступления, предусмотренные ст. с 222 по 223.1, 226 и 226.1 УК РФ.

В завершении следует обратить внимание на отсутствие в содержании норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления террористического характера, указания на их совершение представителями псевдоисламистских или иных религиозных террористических организаций, а также по религиозно-экстремистским (в т.ч. псевдоисламистским) мотивам.

В теории уголовного права высказываются суждения о принципиальной существенной разнице между преступлениями, которые представляют собой террористическую деятельность, и преступлениями, являющимися проявлениями экстремизма. Отчасти эти суждения вызваны разделением «террористических» и «экстремистских» преступлений по различным разделам и главам Особенной части УК РФ. На этом основании некоторые авторы указывают на необходимость более строгого разделения терроризма и экстремизма как разнородных социально-правовых негативных явлений¹.

Мы уже указывали, что разграничение терроризма и экстремизма не представляется возможным, поскольку это два взаимосвязанных явления, находящиеся в соотношении друг с другом как часть и целое: терроризм является проявлением наиболее общественно опасной формы экстремизма. Поэтому попытка уголовно-правового разграничения преступлений, характеризующих указанные явления, по справедливому мнению А.И. Рарога вызвана субъективной волей законодателя², нежели объективными причинами различий их юридического содержания. Такая же позиция обосновывается авторами фундаментальных исследований в области уголовного права³. Из этого следует, что в любом выделенном нами преступлении террористического характера могут содержаться псевдоисламистские и иные

¹ См.: Сысоев А.М. Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 128; Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82.

² См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 160.

³ См.: Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12, 57, 161.

радикально-религиозные идеи, выраженные в мотивах и целях осуществления террористической (преступной) деятельности. Вопросы о том, насколько необходимо формировать признаки составов рассматриваемых преступлений, указывающих на наличие псевдоисламистских побуждений и целей, а затем фиксировать их в диспозициях ст. 205, 206 и 361 УК РФ, будут рассмотрены в последующих параграфах настоящей главы.

Выводы:

Классификацию преступлений, представляющих собой виды осуществления террористической деятельности, следует формировать на основании формального и материального критериев, т.е на основании положений действующего уголовного законодательства (ст. 205² УК РФ) и сущностных признаков терроризма. Выделяются следующие группы преступлений, являющиеся проявлением террористической деятельности:

1. Преступления террористического характера — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно связанные с применением насилия или угрозой его применения для устрашения населения в целом, формирования в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие органами власти решений для обеспечения интересов террористических организаций и объединений;

2. Преступления террористической направленности — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно не содержащие в себе признаков терроризма, но создающие условия для осуществления террористической деятельности и (или) иным образом способствующие ее осуществлению;

3. Преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности – предусмотренные нормами различных глав Особенной части УК РФ общественно опасные деяния, которые не являются

террористическими, но могут совершаться по мотивам и (или) ради достижения целей террористической деятельности.

4. Преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности.

К первой группе следует отнести те виды общественно опасных деяний, которые непосредственно нарушают общественную безопасность и содержат в себе признаки террористической деятельности, т.е. характеризуются совершением насильственных действий для обеспечения устрашения населения в целом, создания среди представителей отдельных социальных групп атмосферы страха и паники, что в итоге будет способствовать принятию органами власти соответствующих решений в интересах террористов. Таковыми преступлениями является террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Ко второй группе преступлений относятся деяния, которые непосредственно не сопряжены с применением насилия и не предполагают выдвижение каких-либо требований в адрес должностных лиц органов власти и управления. Но, будучи посягательствами на общественную безопасность, данные деяния создают условия для совершения преступлений террористического характера и (или) позволяют оправдать уже совершенные террористические посягательства, и (или) избежать ответственности за совершение виновными указанных преступлений. Эти деяния предусмотрены ст. 205¹ – 205⁶ УК РФ.

К третьей группе относятся преступления, которые в отдельных случаях могут быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности. Данный факт выявляется в процессе квалификации преимущественно при оценке мотивов и целей общественно опасного поведения. Поэтому законодательно определяемый их родовой объект для предложенной классификации не имеет существенного юридического значения. В данную

группу мы предлагаем включить преступления, предусмотренные ст. 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ.

К четвертой группе можно отнести преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности. В данную группу предлагается объединить преступления, предусмотренные ст. с 222 по 223.1, 226 и 226.1 УК РФ.

2.2. Уголовно-правовая характеристика основных составов преступлений террористического характера, в том числе основанных на псевдоисламской идеологии

На основании специфики общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством, нами выделены виды преступлений террористического характера, которые предусмотрены нормами гл. 24 УК РФ: ст. 205, 206 и 361. Иные посягательства, которые принято относить к разновидности уголовно-наказуемых деяний террористического характера (ст. 205¹, 205⁴, 208, 211, 221, 277, 278, 360 УК РФ и др.), только создают условия для совершения преступлений, предусмотренных ст. 205, 206 и 361 УК РФ либо направлены на оправдание или иное содействие их совершению. Таким образом, они могут совершаться по мотивам, присущим террористической деятельности, но изначально не являются преступлениями террористического характера.

Преступления террористического характера представляют собой посягательства на отношения общественной безопасности. Содержанием указанных отношений признается состояние защищенности общества — как правило, неопределенного круга лиц.

Непосредственный объект конкретизируется в зависимости от вида преступного посягательства. В уголовно-правовой литературе высказывается мнение о том, что дополнительным объектом состава террористического акта выступают отношения по обеспечению нормального функционирования

органов власти¹. Мы соглашаемся с данным мнением, поскольку деятельность органов государственной власти, равно как и деятельность международных организаций не включается в содержание общественной безопасности, чего нельзя сказать об обеспечении защиты жизни, здоровья и собственности. На справедливость данного вывода указывает и то, что совершение террористического акта не может не повлиять на нормальную деятельность государственных органов власти и (или) международных организаций. Это может проявляться в различных формах: боевое усиление, объявление режима работы в условиях проведения контртеррористической операции и проч. Подобное отвлечение сил на решение специальных задач по нейтрализации террористической угрозы, минимизации ущерба, причиненного в результате совершения террористического акта, негативно влияет на решение повседневных вопросов деятельности субъекта управленческой деятельности.

Как объект обеспечения уголовно-правовой охраны, общественная безопасность подразумевает и психологическое состояние населения в целом или значительного количества представителей различных социальных групп. Данное коллективное бессознательное выражается в уяснении наличия у государства эффективных средств для обеспечения безопасности, общественного спокойствия, слаженной работы органов и учреждений, что устраняет возможность причинения вреда жизни и здоровью людей, собственности и иным социальным благам. Значимость общественного спокойствия является достаточно важной составляющей общественной безопасности, поскольку она обеспечивает устойчивое развитие всех общественных институтов и, как следствие, развитие государства².

Было бы неправильным оставить без внимания мнения ученых об объекте состава террористического акта как преступления международного характера,

¹ См.: Моисеенко А.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 67.

² См.: Сердюков Д.Е. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: разработка, реализация, общественное восприятие: 1991 – 2008 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. С. 3.

предусмотренного ст. 361 УК РФ. Еще до включения в УК РФ ст. 361 УК РФ высказывались о необходимости признания террористического акта (ст. 205 УК РФ) международным уголовно-наказуемым посягательством. Л.В. Иногамова-Хегай, В.П. Панов, И.В. Фисенко и др. отмечали, что непосредственным объектом данного преступления являются международные отношения, их стабильность и устойчивость¹. В.Ф. Антипенко уже в 2004 году сформулировал доводы о включении норм о преступлениях террористического характера в гл. 34 УК РФ, что официально определило бы их статус как международных общественно опасных деяний².

Данное предложение реализовано Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ, но общая норма об уголовной ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ) не была исключена из уголовного закона. Возникшая конкуренция между общей и специальной нормой в настоящее время активно обсуждается в научной литературе, а содержание ст. 361 УК РФ подвергается серьезной конструктивной критике, подробный анализ которой будет представлен в настоящем исследовании.

Анализ научной дискуссии относительно видов общественных отношений, нарушаемых в результате совершения террористического акта, свидетельствует об их неоднозначном понимании. Так, Н.Г. Кадников полагает, что наряду с основным объектом террористического акта – общественной безопасностью – следует выделять дополнительный объект, который сводится к общественным отношениям охраны жизни, здоровья, собственности³. С ним соглашается С.М. Кочои, предлагая выделять дополнительный объект состава названного преступления, который

¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб., 2003. С. 226; Панов В.П. Международное уголовное право. М., 1997. С. 71; Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск. 2000. С. 18.

² См.: Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 11.

³ См.: Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М., 2003. С. 73.

представляет собой «жизнь и здоровье людей, собственность, окружающая среда, государственная власть и т.д.»¹.

Некоторые авторы, напротив, полагают, что общественная безопасность уже включает в себя возможность причинения вреда отношениям охраны жизни и здоровья конкретных людей, собственности и т.п., а потому выделение дополнительного объекта в составе преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, безосновательно².

Мы полагаем, что смешение двух самостоятельных объектов, обособленных законодателем на уровне отдельных глав Особенной части УК РФ, является недопустимым решением. Но мнение о выделении дополнительного объекта также небесспорно. В соответствии с общей теорией уголовного права он включает в себя только те общественные отношения, которые обязательно нарушаются или ставятся под угрозу нарушения во всех случаях совершения отдельно взятого преступления, но охраняются уголовно-правовой нормой попутно с основным объектом преступления. Поэтому, как правильно отмечают А.В. Серебренникова и М.В. Лебедев, террористический акт, посягая на основной объект, не может исключать причинения вреда иным общественным отношениям или их постановке под угрозу реального причинения вреда³. По этой причине все перечисленные виды общественных отношений целесообразно рассматривать в качестве факультативного объекта состава террористического акта, а уже в его содержание включать отношения, сложившиеся в области охраны жизни (здоровья) личности потерпевшего, собственности и иных отношений имущественного характера в случае уничтожения или повреждения конкретных объектов недвижимости, транспорта и проч.

¹ Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. С. 45.

² Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества. М., 1997. С. 31.

³ См.: Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 134.

Непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, определяется как общественная безопасность. Но в отличие от состава террористического акта здесь однозначно следует выделить дополнительный объект, представленный общественными отношениями по обеспечению личной свободы человека. В отдельных случаях в качестве факультативного объекта целесообразно признать отношения по обеспечению безопасности жизни и здоровья личности. В сравнении с вышеперечисленными преступлениями террористического характера, захват заложника обладает меньшей общественной опасностью, если он не сопряжен с причинением вреда жизни и здоровью людей: как захватываемых в качестве заложников, так и третьих лиц, например, препятствующих совершению преступных действий и (или) участвующих в операции по освобождению взятых в заложники граждан. Однако, при наличии посягательства на данные отношения совершенное деяние подлежит юридической оценке в качестве квалифицированного состава захвата заложника.

Объективная сторона всех вышеназванных преступлений построена одинаково. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 205 УК РФ общественно опасное деяние, признаваемое террористическим актом, заключается в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятия ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Диспозиция статьи не содержит закрытого строго определенного перечня тех действий, которые характеризуются в качестве террористического акта. Действия в виде «взрыва» или «поджога» в данном случае выполняют ориентирующую функцию: в процессе квалификации совершенного или готовящегося к совершению деяния, которое не является ни взрывом, ни

поджогом, оно может быть признано разновидностью террористического акта, если:

- устрашало население и создало опасность гибели человека;
- причинило значительный имущественный ущерб;
- вызвало наступление иных тяжких последствий¹.

В данном случае законодатель указал взрыв и поджог в качестве наиболее распространенных видов (средств) совершения террористического акта. В толковом словаре С.И. Ожегова под взрывом понимается мгновенное разрушение чего-либо, сопровождающееся образованием сильно нагретых, с высоким давлением газов, а так же звук, который сопровождает такое разрушение². В этом же издании поджог определяется в качестве подношение огня для воспламенения, умышленное предание огню чего-либо³. Опасность поджога заключается в неконтролируемом распространении пламени, способном уничтожить достаточно большое количество ценностей, причинить большой ущерб имуществу и (или) вызвать гибель людей. В этой связи поджоги длительное время в источниках отечественного уголовного законодательства рассматривались в качестве самостоятельных преступных действий⁴.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что террористический акт должен представлять собою только такие действия, которые угрожают неконтролируемым или слабо контролируемым распространением какой-либо уничтожающей силы, направленной на причинение физического вреда неопределенному числу людей и (или) имущественного ущерба: уничтожение или повреждение зданий, сооружений или иного имущества⁵.

¹ См.: Давиденко М.А. Конкуренция отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 90.

² См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 132.

³ См.: Большой юридический словарь. С. 534; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Том 3. М., 1998. С. 173.

⁴ См.: Аксенов С.Г. Российское законодательство, предусматривающее наказание за поджоги в XVIII веке // История государства и права. 2007. № 4. С. 27.

⁵ См.: Давиденко М.А. Указ. соч. С. 90–91.

Правильность данного предположения подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ относительно особенностей квалификации общественно опасного деяния, определяемого в качестве террористического акта. Так, в п. 3 постановления от 09.02.2012 № 1 указывается, что «иные действия» должны быть сопоставимы по последствиям со взрывом или поджогом: аварии на объектах жизнеобеспечения, разрушение транспортных коммуникаций, заражение местности, вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы школ, больниц, мест дислокации военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов и проч. Примечательно, что Пленум дает закрытый перечень подобных «иных действий», которые рекомендует квалифицировать при прочих равных условиях в качестве террористического акта¹.

В принципе, судебная практика еще до принятия указанного постановления шла по данному пути определения «иных действий», представляющих собой террористический акт. Так, например, *Э., К., Х., Ш. и М. в селе Гехи Урус-Мартановского района Чеченской Республики по заранее разработанному и согласованному плану в составе организованной группы (банды), вооруженные автоматическим оружием и гранатометом РПГ-7В, имея единый умысел на совершение акта терроризма, создающего опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, дестабилизации обстановки в селе, оказания воздействия на принятие решений органами власти, срыва и воспрепятствования проведению Референдума по Конституции Чеченской Республики, имеющего важное политическое значение для республики, совершили обстрел из имеющегося у них оружия – автоматов Калашникова и гранатомета РПГ-7В здания администрации села*

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февр.

Гехи, средней школы № 1 и средней школы № 2, в которых располагались избирательные участки по проведению Референдума в Чеченской Республике. В результате преступных действий средней школе № 2 причинен материальный ущерб на сумму тридцать шесть тысяч четыреста рублей, средней школе № 1 на четыре тысячи рублей, зданию администрации с. Гехи на девять тысяч шестьсот восемьдесят рублей. Всего действиями нападавших администрации села Гехи был причинен материальный ущерб на общую сумму пятьдесят тысяч восемьдесят рублей. По данному эпизоду участники организованной группы (банды) Э., К., Х., Ш. и М. признаны виновными в совершении террористического акта и осуждены по ст. 205 УК РФ¹.

По конструкции состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, является формальным, в связи с чем преступление признается оконченным с момента совершения взрыва, поджога и иных действий, разновидности которых мы приводили выше. Однако, данные действия можно будет признать террористическим актом только в том случае, если их совершение приводит к наступлению или создает реальную опасность наступления следующих последствий: устрашение населения, создание опасности гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий².

Как правило, террористические акты совершаются путем взрывов. Так, С., И. и Ю., действуя в составе вооруженной преступной группы (банды), совершили акт терроризма на территории Чеченской республики. Следствием установлено, что преступники преследовали следующие цели: убийство как можно большего числа граждан, в том числе сотрудников государственных учреждений, органов власти и управления, правоохранительных органов; оказание воздействия на принятие решений

¹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.11.2007 г. № 754-ПО6 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 18.07.2019).

² См.: Давиденко М.А. Указ. соч. С. 90.

органами федеральной власти; дестабилизация обстановки на территории Республики.

Указанные лица заложили взрывные устройства в автомобили повышенной проходимости и, имитируя военную автоколонну, подъехали к правительственным зданиям Чеченской республики, после чего привели взрывные устройства в действие. В результате произведенных С., И. и Ю. взрывов на какое-то время деятельность республиканских органов власти была парализована, от взрывов погиб 71 человек и 640 человек получили ранения различной степени тяжести, материальный ущерб, причиненный государственной собственности, превысил 125 млн. руб., а частной собственности граждан – 10 млн. руб.

Впоследствии С., И. и Ю. были привлечены к уголовной ответственности с назначением наказания по совокупности преступлений, в т.ч. по ст. 205 УК РФ.¹

В то же время необходимо разграничивать совершение взрыва (поджога или иных действий), который по счастливой случайности не повлек за собой причинения вреда жизни и здоровью людей, а равно причинения имущественного ущерба, и действий, которые были направлены на совершение взрыва (террористического акта), но по независящим от преступника причинам не привели к совершению террористического акта. В первом случае преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, можно считать оконченным, поскольку реальная угроза причинения значительного физического вреда и имущественного ущерба была создана, а потому все предусмотренные диспозицией ч. 1 ст. 205 УК РФ действия были выполнены. Во втором случае преступление должно признаваться неоконченным и в зависимости от обстоятельств конкретного дела квалифицироваться по ч. 1 ст. 205 УК РФ со ссылкой на ч. 1 или ч. 3 ст. 30 УК РФ. Именно этот алгоритм квалификации используется в судебной практике: *Московским городским*

¹ См.: Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма: монография. М., 2008. С. 38.

судом М. осуждена по ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ к шести годам лишения свободы. Преступление совершено при следующих обстоятельствах: М. пыталась взорвать эскалатор в торговом комплексе «Охотный ряд» (г. Москва). Для этого она неоднократно осматривала объект готовящегося взрыва, фотографировала его с различных точек наблюдения, в что позволило ей собрать большое количество информации о месте готовящегося теракта, о возможных последствиях в виде причинения вреда жизни и здоровью многих людей, значительного имущественного ущерба.

Разместить взрывное устройство под эскалатором торгового центра и произвести взрыв М. не смогла, поскольку вызвала подозрение у сотрудников ОВД. Последние остановили ее для проверки документов и, установив нарушения миграционных правил регистрации, доставили в ближайшее ОВД, где осуществили личный досмотр задержанной. В ходе проведения личного досмотра взрывное устройство было изъято¹.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 205 УК террористический акт может выражаться не только перечисленными действиями, но и угрозами совершения данных действий. При этом угрозы должны восприниматься как реальные независимо от того, имел или не имел ли виновный умысел на их реальное претворение в жизнь. Так, в качестве разновидности террористического акта были признаны следующие действия: *неизвестный (неизвестные) по телефону дежурной части ГУВД Санкт-Петербурга сообщили о том, что в здании одного из железнодорожных вокзалов города заложено взрывное устройство. В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий в здании вокзала обнаружена банка с тротилом. Здесь же злоумышленники оставили записку с требованиями к властям о прекращении деятельности АЗС «Л» и передаче в условленном месте крупной денежной суммы. В случае невыполнения требований в записке содержалась*

¹ Там же. С. 65.

*угроза совершения террористических актов в поездах северо-западной железной дороги*¹.

Отсутствие же уверенности в реальности выдвигаемой угрозы не позволяет квалифицировать совершенное общественно опасное деяние по ст. 205 УК РФ. Например, *С. направил электронное обращение Президенту РФ с просьбой обеспечить выполнение судебного решения, принятого в его пользу – предоставление С. жилья администрацией городского округа. В подкрепление своей просьбы С. указал, что в случае невыполнения администрацией решения суда, он произведет взрыв в одном из государственных учреждений города.*

*Изначально деяние С. было квалифицировано по ч. 1 ст. 205 УК РФ, но впоследствии суд первой инстанции признал С. виновным в совершении только преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, т.к. в процессе производства по делу установлено, что С. в действительности не стремился произвести взрыв в здании государственного учреждения*².

Несмотря на конструкцию формального состава террористического акта, все же последствия совершения данного деяния неизбежны и заключаются в причинении физического и материального вреда различного масштаба, сопровождающегося наведением страха на население. Трудно сказать, имеют ли они значение для квалификации преступления, но не учитывать их в процессе производства по уголовному делу недопустимо. Нами уже отмечалось, что любые действия можно признать проявлениями терроризма только в тех случаях, когда смыслом их совершения является устрашение людей, наведение ужаса на население той или иной территории³. Без устрашения населения признать деятельность террористической не представляется возможным. Если совершается насильственное преступление, которое по юридически значимым признакам схоже с террористическим

¹ См.: Комиссаров В.С. Указ. соч. С. 67.

² См.: Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / под ред. П.В. Агапова. М., 2019. С. 16–17.

³ См.: Махлина С.Т. Семиотика терроризма // Клио. 2017. № 9. С. 27–39.

актом, но не вызывающее массовый ужас у населения в силу обыденности¹, то признание такого деяния террористическим актом исключается². Анализ приведенных выше судебных решений свидетельствуют о том, что судебные инстанции не во всех случаях детально обозначают последствия совершения террористического акта и не производят оценки того, каким образом наступившие последствия повлияли на массовую психологию населения той местности, где совершено преступление террористического характера.

Еще одним достаточно абстрактно сформулированным признаком террористического акта является причинение значительного имущественного ущерба. Данный признак получил официальную стоимостную оценку в п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ – не менее пяти тысяч рублей. Однако, данная сумма, по нашему мнению, не может учитываться при характеристике последствий террористического акта, как минимум, по двум причинам. Во-первых, в приведенном примечании указывается, то положения об определении значительного ущерба распространяются только на нормы гл. 21 УК РФ: «Преступления против собственности». Во-вторых, в соответствии с указанным примечанием значительный ущерб характеризует только тот имущественный ущерб, который причиняется исключительно гражданину. При оценке иного имущественного ущерба, причиняемого, к примеру, организации или государству, категория «значительный ущерб» не распространяется.

По этим причинам используемый в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ признак, характеризующий ущерб, причиняемый или возможный от совершения взрыва, поджога и иных схожих действий, является оценочным и устанавливается судом по каждому уголовному делу. В этой части общая сумма ущерба должна определяться десятками миллионов рублей, что подтверждается судебной практикой. Так, *«ФИО86 И.М.»*, *«ФИО69»* и *«ФИО104 И.С.»*, реализуя единый умысел, направленный на совершение

¹ См.: Ольшанский Д.В. Указ. соч. С. 61.

² См.: Моисеенко А.И. Указ соч. С. 72.

террористического акта, незаконно перевезли взрывное устройство на 2363 км. перегон ост. Инче — ст. Каякент, расположенный на территории Республики Дагестан и установили его на стыке рельс отделения Северо-Кавказской железной дороги. Указанные лица желали привести взрывное устройство в действие в момент, когда на данном участке железной дороге будет проходить железнодорожный состав. Довести начатое преступление до конца не представилось возможным, т.к. взрывное устройство было обнаружено работниками ОАО «РЖД» совместно с сотрудниками правоохранительных органов. По результатам рассмотрения уголовного дела действия указанных лиц в этой части были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ¹. Однако, в случае реализации преступного умысла на совершение террористического акта, ОАО «РЖД», его структурным подразделениям и контрагентам был бы причинен значительный имущественный ущерб в виде нарушения целостности железнодорожных путей, уничтожения или повреждения локомотива и железнодорожного подвижного состава, уничтожения или повреждения перевозимых грузов, срыва сроков доставки, затрат на осуществление восстановительных работ и др.

Исходя из этого, можно предположить, что для установления (признания) юридически значимого для квалификации признака «значительный имущественный ущерб» необходимо анализировать всю совокупность последствий: реальный имущественный ущерб, упущенная выгода, расходы, понесенные в связи с восстановлением поврежденного имущества, иными словами, все убытки, явившиеся результатом совершения террористического акта².

¹ См.: Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 27.11.2013 № 2-17/2013; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.04.2014 № 20-АПУ14-7 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 31.07.2021).

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Части Первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садигов. М., 2005. С. 73–76.

Как и в составе террористического акта, объективная сторона захвата заложника (ч. 1 ст. 206 УК РФ) включает в себя несколько альтернативных действий, а именно:

- захват лица в качестве заложника;
- удержание лица в качестве заложника.

Официального определения признаков потерпевшего в рассматриваемом преступлении УК РФ не содержит. В правовой литературе заложником признается физическое лицо, захваченное и (или) удерживаемое в целях понуждения государства, организации или отдельных лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения удерживаемого лица¹. С.И. Ожегов дает приблизительно то же определение заложника, говоря о нем как о человеке, которого насильственно задержали в обеспечения выполнения каких-нибудь требований, предъявляемых к тем, кто заинтересован в его освобождении².

Захват заложника заключается в противоправном изъятии человека из привычной ему социальной среды, в завладении им, что сопровождается лишением потерпевшего свободы перемещения в пространстве. Способы захвата, если они не связаны с причинением вреда, опасного для жизни и здоровья, не имеют юридического значения и могут выражаться, например, в тайном или открытом изъятии, насильственном или ненасильственном похищении, и проч.

Иным, по нашему мнению, менее общественно опасным действием является удержание физического лица в качестве заложника. Оно представляет собой активное воспрепятствование потерпевшему покинуть то помещение или то пространство, в котором он оказался добровольно до начала

¹ См.: Хмелевский С.В. Захват заложника: уголовно-правовой, виктимологический, частноправовой аспекты. Научное издание. М., 2008. С. 45–50; Бельский А.Е. Объект преступления «Захват заложника» (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации) // NovaUm.ru. 2018. № 14. С. 238.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 182.

совершения удержания¹. Именно это обстоятельство позволяет говорить о несколько меньшей степени общественной опасности данного действия по сравнению с захватом заложника, что, не влияя на квалификацию содеянного, как нам кажется, должно учитываться в процессе назначения наказания.

Несмотря на то, что в диспозиции ч. 1 ст. 206 УК РФ больше не содержится указаний на действия, которые представляют собой захват заложника, характеристика объективной стороны, нам представляется, будет неполной, если не указать еще одно дополнительно совершаемое деяние наряду с захватом потерпевшего и (или) его удержанием. Захват заложника предполагает не только совершение указанных действий, но и доведения каким-либо образом до общественности и (или) представителей органов власти, международных организаций и т.д. информации о состоявшемся захвате и о выдвигаемых требованиях, выполнение которых определяется в качестве обязательного условия для освобождения потерпевшего (заложника). Отсутствие данного действия либо нежелание его совершить будет свидетельствовать об отсутствии в деянии террористического характера, что предопределяет его квалификацию по ст. 126 или 127 УК РФ в зависимости от обстоятельств совершения преступления.

Принципиальных различий между субъектами террористического акта и захвата заложника уголовным законодательством не устанавливается. В обоих случаях субъект является общим, достигшим 14 лет. Отсутствие дополнительных признаков в этой части как и пониженный возраст уголовной ответственности обеспечивает широкие возможности для использования уголовно-правовых средств противодействия и пресечения террористической деятельности.

Субъективная сторона указанных составов преступлений также не имеет принципиальных отличий. Вид вины определяется безальтернативно прямым

¹ Там же.

умыслом. Обязательное значение для квалификации имеет цель совершения общественно опасного деяния террористического характера:

– дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций (ст. 205 УК РФ);

– воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями (ст. 205 УК РФ);

– понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия (ст. 206 УК РФ).

Обязательность определения в процессе квалификации целей совершения общественно опасного деяния диктуется «террористическим характером» рассматриваемых преступлений. Данное обстоятельство не вызывает сколь-нибудь принципиальных сомнений ни в научной литературе¹, ни на практике. Так, *П. по приговору Московского окружного военного суда от 7.09.2017 осужден по ч. 1 ст. 205 и п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ. В ходе судебного разбирательства установлено, что для привлечения внимания как общественности, так и высших органов государственной власти к результатам своего научного проекта П. захватил в качестве заложников нескольких граждан и, угрожая совершением взрыва, удерживал их в одном из помещений АО КБ «Ситибанк». В апелляционной жалобе П. указал, что совершенные им действия квалифицированы ошибочно, т.к. он не преследовал целей, перечисленных в ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 206 УК РФ, а произвести взрыв не имел объективной возможности, поскольку угрожал присутствующим муляжом взрывного устройства.*

Верховный Суд РФ оставил приговор Московского окружного военного суда без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения, поскольку,

¹ См.: Говоров И.Г. Похищение человека и захват заложника: проблема разграничения // Уголовное право. 2019. № 4. С. 33; Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 116; Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Указ. соч. С. 135–136; и др.

несмотря на доводы осужденного, цели совершения преступлений террористического характера были установлены судом первой инстанции. Это выразилось в том, что свидетели и потерпевшие восприняли угрозу П. о возможном взрыве как реальную, в связи с чем все заложники оставались на своих местах и подчинялись требованиям П. Также требования П. о трансляции по федеральным каналам информации о результатах его научной деятельности доведено до представителей органов государственной власти и было выполнено. Осуществляя свои действия, П. вел себя агрессивно, но поощрял присутствие в месте совершения преступления журналистов, освещавших цели его действий. Все это в совокупности позволило констатировать факт наличия целей дестабилизации деятельности органов власти, воздействия на принятие ими решений и их понуждения совершить какое-либо действие, в результате чего изложенные в апелляционной жалобе доводы П. были опровергнуты¹.

Неустановление же в процессе квалификации данных целей, которые охватывались умыслом виновного, исключает «террористический характер» совершенного деяния. Например, приговором Мосгорсуда от 20 января 1999 года А.В.Соколов осужден, в том числе, по ч. 1 ст. 205 УК РФ за совершение взрыва мемориальной памятной плиты императорской семьи на Ваганьковском кладбище. На суде он пояснил, что сделал это с целью осквернения памятной плиты царской семьи. Определением Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 24 марта 1999 года действия Соколова были переквалифицированы с ч. 1 ст. 205 на ст. 214 УК РФ и ст. 167 УК РФ².

Особенностью субъективной стороны преступлений террористического характера является то, что осознаваемые негативные последствия совершения

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12.12.2017 № 201-АПУ17-45 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12122017-n-201-aru17-45/> (дата обращения: 31.07.2021).

² Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 240.

общественно опасного деяния в виде причинения различных видов вреда являются не целью указанных деяний, а средством стимулирования представителей органов власти и (или) международных организаций на принятие решений в интересах злоумышленника. Кроме того, террористы в данном случае могут рассчитывать на удовлетворение своих требований в силу складывающейся обстановки всеобщего страха населения перед возможностью совершения очередных террористических актов в случае отказа власти выполнить предъявляемые преступниками требования. Исходя из этих условий, террорист ввиду безразличия к потерпевшим стремится причинить максимально возможный вред как физический, так и имущественный¹. Этим могут объясняться решения о выборе в качестве объекта террористической атаки тех потерпевших, те учреждения, которые характеризуются повышенной степенью социальной значимости, социальной защиты. В данном случае специфика жертвы: дети, женщины, лица престарелого возраста и т.п., – обязательно, по мнению террориста, обеспечит эффективность общего устрашения населения и лояльность властей к исполнению предъявляемых требований².

Однако, цели совершения террористических действий имеют существенное значение для разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 206 УК РФ. Так, *Б. и другие, наряду с иными преступлениями, признаны виновными в захвате и удержании лиц в качестве заложников в целях понуждения органов государственной власти совершить какое-то действие, как условие освобождения заложников, а также в терроризме. Судом первой инстанции установлено, что подсудимые совершили взяли в заложники несколько человек, после чего требовали от представителей власти предоставить оружие и самолет. В случае отказа*

¹ См.: Кобец П.Н. Противодействие терроризму в авиационной сфере: положительный опыт и проблемы // Российский следователь. 2018. № 9. С. 53; Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002. С.48–50; и др.

² См.: Никитин А.В. Терроризм как форма девиантного поведения. Криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 83–92.

от выдвинутых условий Б. и иные действующие с ним лица угрожали убийством заложников путем осуществления взрыва канистр с бензином, которые были специально установлены вблизи от заложников. Оценив собранные по делу доказательства, суд квалифицировал действия подсудимых в данной части по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 206, 205 УК РФ.

Военная коллегия Верховного Суда РФ изменила вынесенный приговор, исключив обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Как следует из материалов дела, канистры с бензином были приготовлены подсудимыми не для осуществления взрыва или поджога, а для оказания психологического воздействия на заложников и представителей органов власти, выразившегося подтверждением реальности намерения уничтожить заложников в случае невыполнения предъявляемых требований. Данный вывод подтверждался следующими фактами: после предоставления самолета канистры с бензином были перенесены в автомобиль, на котором подсудимые вместе с заложниками следовали к самолету, а затем – в салон самолета.

При таких обстоятельствах Военная коллегия пришла к выводу о том, что вышеуказанные действия Б. и других охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, а инкриминирование им по совокупности ст. 205 УК РФ является ошибочным¹. Учитывая изложенное, угроза расстрелом заложников и иные действия, совершенные в целях понуждения к выполнению какого-либо действия как условия освобождения заложника, охватываются составом захвата заложников, а потому не требуют дополнительной квалификации по ст. 205 УК РФ.

С учетом выделения в криминологических и международно-правовых исследованиях различных видов терроризма: бомбовый, экологический,

¹ См.: Определение № 2-0122/99 / Обзор кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за 2000 год [Электронный ресурс] // URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_8435.htm (дата обращения: 21.07.2018).

ядерный, международный, информационный и т.п., некоторые исследователи предлагают включить в действующий уголовный закон специальные нормы об ответственности за отдельные преступления террористического характера. Например, С.О. Допилка еще в 1993 году предложила выделить в качестве самостоятельного состава преступления морской терроризм. Данное преступление, по ее мнению, принципиально отличается от пиратства, что уже определялось нормами международного права. Принципиальные отличия морского терроризма от пиратства она видела в структуре субъективной стороны, поскольку в первом случае злоумышленник стремится «дестабилизировать политическую обстановку», тогда как при совершении пиратского захвата судна он руководствуется только «личными целями»¹.

Д.И. Тисленко на основе результатов уголовно-правовых и криминологических исследований терроризма предлагает обеспечить дифференцированный подход к установлению ответственности за террористические акты различных видов. В этой связи им предложено включить в гл. 26 УК РФ ст. 245¹, устанавливающую уголовную ответственность за совершение экологического террористического акта. Исходя из содержания предлагаемой нормы, принципиальное отличие террористического акта (ст. 205 УК РФ) заключается в предмете преступного посягательства, которым выступает окружающая среда, загрязняемая в результате совершения преступного деяния. Вследствие этого родовым объектом различных проявлений (актов) экотерроризма должна быть признана экология, а не отношения общественной безопасности².

В 2003 году Г.Ф. Байрак обосновал необходимость включения в УК РФ ст. 256¹ об уголовной ответственности за международный терроризм. Данное общественно опасное деяние принципиально отличается от террористического акта местом совершения – территория иностранного

¹ См.: Допилка С.О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. С. 8–9.

² См.: Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 11.

государства, а также конкретизированными целями – провокация международных осложнений, войны или дестабилизации внутреннего положения иностранного государства¹.

В.В. Меркурьев, оценив состояние современного международного права в области противодействия терроризму, преступлениям террористического характера и иным преступлениям, направленным на дестабилизацию общественной безопасности и общественного порядка, предложил выделить несколько групп соответствующих деяний: 1. Террористические преступления, связанные с незаконным оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ; 2. Пиратство как террористическое преступление; 3. Террористические преступления, посягающие на установленный порядок эксплуатации стационарных платформ².

Аргументация, которая приводится сторонниками идеи о дополнении УК РФ специальными нормами о преступлениях террористического характера, как правило, сводится к тому, что включение предлагаемых ими норм вызвано существенной разницей в общественной опасности «общекриминального» террористического акта и террористического акта, являющегося разновидностью проявлений специфических видов терроризма. Также приводятся доводы о необходимости учета положений международного права, которым определяется соответствующий вид терроризма. Достаточно популярным аргументом является наличие аналогичных норм в уголовных законах некоторых зарубежных государств. Эти идеи частично реализованы российским законодателем, принявшим решение о включении в УК РФ ст. 361, которой с июля 2016 года устанавливается ответственность за акт международного терроризма.

Мы не опровергаем высказанные авторами мнения, поскольку предметом их научного исследования был феномен международного терроризма, но не

¹ См.: Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2003. С. 23.

² См.: Меркурьев В.В. Террористические преступления в новой редакции Уголовного кодекса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 55.

можем согласиться с правильностью решения о подобном варианте дополнения отечественного уголовного закона. Рассматриваемое посягательство совершается, в первую очередь, на отношения защищенности мира и безопасности человечества, что и не может не быть признанным основным объектом состава террористического акта. Осложнение международных отношений, нарушение государственных интересов и т.п. являются теми целями, достижение которых возможно в долгосрочной перспективе и при стечении множества фактов, только одним из которых будет являться террористический акт. В то же время причинение вреда жизни и здоровью потерпевших, причинение материального ущерба – это неизбежные результаты совершения взрыва, поджога и иных деяний, негативно и непосредственно отражающихся на отношениях общественной безопасности. Поэтому существующий подход к содержанию родового и непосредственного объектов состава акта международного терроризма нами рассматривается как искусственная подмена действительно нарушаемых общественных отношений.

Дискуссионным является само уголовно-правовое содержание категории «международный терроризм». Как уже отмечалось, в первоначальной редакции ст. 205 УК РФ предусматривала ответственность за терроризм, как внутри государственный, так и международный. В настоящее время название преступления конкретизировано, но это решение не означает, что совершение террористического акта в целях осложнения международных отношений исключает возможность инкриминирования ст. 205 УК РФ.

Преступления террористического характера получили регламентацию не только на уровне уголовных законов отдельно взятых государств, но и на уровне норм международного права¹. Но, по нашему мнению, ошибочно признание террористического акта, равно как и иных преступлений

¹ См.: Европейская конвенция от 27.01.1977 г. о пресечении терроризма // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 135-140; Шанхайская конвенция от 15.06.2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 1. Ст. 3947; и др.

террористического характера, международным преступлением (преступлением против мира и безопасности человечества). Данный вывод мы делаем по формальным основаниям, поскольку анализируемая группа преступлений предусмотрена нормами гл. 24, а не гл. 34 российского уголовного закона. Поэтому при квалификации действий, перечисленных в диспозиции, например, ст. 205 УК, необязательно нарушение (причинение вреда) тем или иным международным отношениям, которые в определенных случаях вполне могут рассматриваться как факультативный объект террористического акта или иного преступления террористического характера.

При характеристике общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 361 УК РФ, еще раз следует обратить внимание на указанную выше законодательную непоследовательность. Изначально, в названии ст. 205 УК РФ использовалась формулировка «терроризм», но впоследствии такое название было признано некорректным и заменено на «террористический акт» (Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ). Данное решение устранило ошибку в содержании преступного деяния, поскольку терроризм, как мы уже отмечали ранее, рассматривается в гуманитарных науках, преимущественно, в качестве идеологии, пропагандирующей политическое насилие в отношении неопределенного круга лиц. Но в 2016 году (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ) законодатель повторно допускает подобную терминологическую неточность, указывая в названии ст. 361 УК РФ на «терроризм», а не «террористический акт». Это обстоятельство свидетельствует о нарушении правил законодательной унификации используемой уголовно-правовой терминологии¹, в связи с чем мы полагаем, что данное преступление в действительности характеризует «международный террористический акт».

¹ См.: Серебrenникова А.В., Лебедев М.В. Международно-правовые акты, посвященные противодействию терроризму и захвату заложников // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 42–46.

Однако, анализ содержания ст. 361 УК РФ свидетельствует о том, что предусмотренное ею деяние принципиально не отличается от деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ. На эту идентичность обоснованно указывают многие авторы, исследовавшие вопросы квалификации и отграничения от смежных составов акта международного терроризма¹. Более того, В.А. Суворов пишет, что подобная идентичность общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 205 и ст. 361 УК РФ, позволяет распространить одинаковые правила квалификации совершенных действий, а также использовать уже имеющиеся научные решения при применении ст. 361 УК РФ по аналогии с практикой реализации ст. 205 УК РФ².

Учитывая юридическую тождественность общественно опасных действий, составляющих объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 205 и 361 УК РФ, следует выделить те специфические признаки, которые указывают «международность» взрыва, поджога и иных действий, являющихся терактом. Таковыми отличительными признаками акта международного терроризма являются следующие:

- потерпевший: преступление совершается против граждан РФ или интересов России;
- место совершения преступления: за пределами российской территории;
- цель: нарушение мирного сосуществования государств и народов.

Анализ правовой сущности перечисленных специфических признаков, позволяющих выделить самостоятельных специальный состав террористического акта, позволяет усомниться в объективном существовании такой потребности. Так, статус потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, неконкретизирован. Это означает, что

¹ См.: Сидоров Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 121.

² См.: Суворов В.А. Указ. соч. С. 13.

негативные последствия совершения террористического акта могут распространяться на любых лиц, независимо от их гражданства (подданства), а также причинить вред интересам общества и (или) государства. Данный вывод не противоречит сущности родового и непосредственного объектов преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, поскольку личность, общество и государство – это субъекты правоотношений общественной безопасности¹. Таким образом, ст. 205 УК РФ обеспечила должным образом уголовно-правовую охрану и российских граждан, и интересы России, а потому потребность включения в УК РФ ст. 361 в этой части отсутствовала.

Обязательным условием инкриминирования деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 361 УК РФ, является его совершение «вне пределов территории Российской Федерации», т.е. место как признак объективной стороны состава преступления. Отсюда, если юридически аналогичное деяние совершается на территории российской юрисдикции, то ответственность за него наступает в соответствии со ст. 205 УК РФ. Мы полагаем, что формирование подобным образом уголовно-правового запрета некорректно, поскольку создает предпосылки неоправданной конкуренции с нормами Общей части УК РФ о действии уголовного закона в пространстве. По общему правилу, установленному нормами международного и внутригосударственного права, деяние квалифицируется по нормам уголовного закона того государства, на территории которого было совершено преступление. Уголовный закон иного государства может быть применен в исключительных случаях, связанных с особенностями правового статуса личности преступника, невозможности привлечения лица к ответственности по уголовному закону места совершения преступления и др. Как справедливо указал Ю.А. Зюбанов, территориальный принцип действия уголовного закона неразрывно связан с территориальным

¹ См.: Жаглин А.В. Общественная безопасность как социальное явление и элемент системы национальной безопасности // Воронежский институт МВД России. 2007. № 1. С. 33; Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 9.

суверенитетом государства, а потому является основополагающим по отношению к иным принципам определения действия уголовного закона¹

Из этого следует, что совершение террористического акта даже против граждан России, но на территории другого государства, будет квалифицировано по уголовному закону этого государства. В настоящее время уголовное законодательство всех цивилизованных стран предусматривает ответственность за преступления террористического характера, к которым в первую очередь относится террористический акт. Поэтому только гипотетически можно рассматривать возможность применения ст. 361 УК РФ за террористический акт, совершенный на территории иного государства.

О цели международного террористического акта, которая сводится к нарушению мирного сосуществования государств и народов, мы уже высказывали критические замечания. Здесь же уточним, что постановка подобной глобальной цели для одного действия в виде взрыва, поджога и проч., является заведомо недостижимой. Напротив, устрашение населения или оказание давления на органы государственной власти, представителей международных организаций – все это можно признать вполне реалистичными целями, достижение которых может быть обеспечено в результате совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Учитывая вышеизложенное, мы разделяем мнение тех авторов, которые считают включение в УК РФ ст. 361 примером избыточной криминализации деяния, ответственность за которое уже было предусмотрено действующим уголовным законом². По этим же причинам мы не видим необходимости включения в УК РФ специальной нормы об уголовной ответственности за совершение террористического акта, являющегося проявлением какого-либо выделенного в криминологии вида терроризма, в т.ч. религиозного (псевдоисламистского). Уголовно-правовая охрана общественной

¹ См.: Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве: опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 15.

² См.: Бадамшин С.К. Указ. соч. С. 12.

безопасности от посягательств террористического характера уже обеспечена ст. 205 и 206 УК РФ.

Выводы:

В современной уголовно-правовой науке высказываются предложения о дополнении УК РФ нормами, предусматривающими ответственность за совершение деяний, представляющих собой разновидности террористической деятельности. Частично эти предложения находят практическую реализацию – ст. 361 УК РФ.

При характеристике общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 361 УК РФ, еще раз следует обратить внимание на указанную выше законодательную непоследовательность. Изначально, в названии ст. 205 УК РФ использовалась формулировка «терроризм», но впоследствии такое название было признано некорректным и заменено на «террористический акт» (Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ). Данное решение устранило ошибку в содержании преступного деяния, поскольку терроризм, как мы уже отмечали ранее, рассматривается в гуманитарных науках, преимущественно, в качестве идеологии, пропагандирующей политическое насилие в отношении неопределенного круга лиц. Но в 2016 году (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ) законодатель повторно допускает подобную терминологическую неточность, указывая в названии ст. 361 УК РФ на «терроризм», а не «террористический акт». Это обстоятельство свидетельствует о нарушении правил законодательной унификации используемой уголовно-правовой терминологии, в связи с чем мы полагаем, что данное преступление в действительности характеризует «международный террористический акт».

В принципе действующее уголовное законодательство, касательно преступлений террористического характера, является сформированным и устанавливает ответственность за указанные деяния преимущественно общими уголовно-правовыми нормами. Их толкование к настоящему времени не вызывает значительных затруднений в процессе квалификации, что

подтверждается анализом материалов судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористического характера.

Учитывая данные обстоятельства, предложения о дополнении уголовного закона специальными нормами, устанавливающими уголовную ответственность за деяния, которые признаются проявлением отдельных разновидностей терроризма, в т. ч. псевдоисламистского, мы считаем необоснованными. Включение в УК РФ специальных норм о террористическом акте или захвате заложника не вызвано необходимостью устранения пробела в уголовном праве, но создаст дополнительные трудности при квалификации ввиду появления конкуренции общей и специальной уголовно-правовой нормы.

2.3. Содержание квалифицирующих признаков составов преступлений террористического характера

Рассмотрев юридически значимые признаки основных составов преступлений террористического характера, следует проанализировать те обстоятельства, установление которых свидетельствует о существенном увеличении степени общественной опасности, т.е. содержание квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов террористического акта и захвата заложника. В составах преступлений террористического характера действующий УК РФ фиксирует следующие квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки (см. таблицу 1).

Таблица 1

	<i>ст. 205 УК РФ</i>	<i>ст. 206 УК РФ</i>
<i>ч. 2</i>	группа лиц по предварительному сговору; организованная группа	группа лиц по предварительному сговору

	повлекшие по неосторожности смерть человека	применение насилия, опасного для жизни или здоровья
	повлекшие причинение значительного имущественного ущерба; повлекшие наступление иных тяжких последствий	применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия
		в отношении заведомо несовершеннолетнего
		в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности
		в отношении двух и более лиц
		из корыстных побуждений или по найму
ч. 3	сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ	организованная группа

	повлекли умышленное причинение смерти человеку	повлекли по неосторожности смерть человека
		иные тяжкие последствия
ч. 4	—	повлекли умышленное причинение смерти человеку

Обращает на себя внимание то, что законодатель не применил предложенный в современной теории уголовного права принцип «блочного использования квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков»¹ в выделенной нами группе преступлений. Один и тот же признак учтен законодателем в одном случае как квалифицирующий, в другом как особо квалифицирующий. Существенно отличающиеся по общественной опасности признаки «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» учтены в п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ как равные по общественной опасности квалифицирующие обстоятельства. Все это может свидетельствовать об отказе законодателя от учета выработанных в уголовно-правовой доктрине общих правил построения квалифицированного и особо квалифицированного состава преступления.

Игнорирование приема «блочного» построения квалифицирующих обстоятельств в преступлениях террористического характера можно воспринимать по-разному. Однако, следует принять во внимание то, что даже сторонники «блочного» использования квалифицирующих признаков в нормах Особенной части УК РФ не рекомендуют их универсальное

¹ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 287; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 208–214; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 258–259; Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 215–216.

применение в однородных составах преступлений¹. Мы считаем, что универсальное использование «связок» указанных выше признаков в составах преступлений террористического характера, должно быть ограничено по следующим причинам:

– являясь однородными по объекту и по субъективным признакам, преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205 и 206 УК РФ, различны по содержанию общественно опасного деяния: например, совершение взрыва, что уже само по себе предполагает с высокой долей вероятности причинение вреда жизни и здоровью многих людей, значительный имущественный ущерб и проч. (ст. 205 УК РФ), и лишение человека свободы перемещения в пространстве, последствием которого при определенном стечении обстоятельств может быть и освобождение этого заложника без причинения физического или имущественного вреда (ст. 206 УК РФ);

– террористический акт в отличие от захвата заложника носит неперсонифицированный характер. Вследствие этого лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ, может с большей или меньшей степенью вероятности предполагать, пострадают ли от его действий лица, которые отнесены к категориям особо охраняемым уголовным законом: несовершеннолетние, женщины, находящиеся в состоянии беременности и т.п. При захвате заложника злоумышленнику известно об указанных правовых характеристиках потерпевших (заложников). Вот почему применение насилия опасного для жизни и здоровья или совершение преступления в отношении несовершеннолетнего являются квалифицирующими признаками захвата заложника, но при совершении террористического акта они охватываются положениями основного состава преступления (ч. 1 ст. 205 УК РФ);

– несмотря на свою однородность, преступления террористического характера отличаются своей общественной опасностью, что находит свое

¹ См.: Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 108.

подтверждение в санкциях первых частей ст. 205 и 206 УК РФ. Максимальное наказание, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, составляет пятнадцать лет лишения свободы, а ч. 2 – до двадцати лет лишения свободы с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. Учитывая данное обстоятельство, целесообразность построения особо квалифицированного состава данного преступления крайне сомнительна.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что при построении квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений террористического характера универсально можно использовать только один блок обстоятельств, наличие которых существенно увеличивает степень общественной опасности деяния, предусмотренного основным составом: группа лиц по предварительному сговору (квалифицированный состав) – организованная группа (особо квалифицированный состав).

Стремление законодателя к созданию большого числа квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений террористического характера, по нашему мнению, не имеет существенной практической значимости. Конечным результатом дифференциации уголовной ответственности с использованием квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в нормах Особенной части УК РФ является повышение максимальных границ санкции, вследствие чего устанавливается возможность применения более строгого наказания к лицу, совершившему соответствующее уголовно-наказуемое деяние. Подобное повышение границ может заключаться в различных вариантах: включение более строго вида наказания, увеличение размеров наказания, которое предусмотрено за совершение неквалифицированного преступления, включение в санкцию дополнительного наказания, назначение которого является возможным или обязательным, наряду с основным уголовным наказанием. Также следует отметить, что если принято решение об отнесении основного состава к категории особо тяжкого преступления и обозначения максимального предела наказания в виде пятнадцати лет лишения свободы из двадцати возможных, то

осуществить подбор особо квалифицирующих признаков состава преступления с последующим отражением увеличения степени общественной опасности в санкции уже становится малооправданным.

Критически воспринимается решение о включении в ч. 2 ст. 205 УК РФ квалифицирующих признаков в виде «повлекшее по неосторожности смерть человека» и «причинение значительного имущественного ущерба». Совершение действий, которые признаются террористическим актом, само по себе предполагает причинение имущественного ущерба: разрушение (уничтожение или существенное повреждение) зданий, сооружений, объектов производственной инфраструктуры и т.п. Поскольку виновный стремится привлечь внимание максимального количества граждан, общества и государства в целом, то он, соответственно, старается причинить максимально возможный имущественный ущерб. Эти негативные последствия являются материальной сущностью террористического акта, его неотъемлемой частью, что также находит подтверждение в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Думается, что аналогичным образом формируется вина преступника по отношению к причинению смерти неопределенному кругу лиц: причинение смерти конкретному лицу (лицам) характеризуется, как минимум, косвенным и неопределенным умыслом. Неосторожность как форма вины, по нашему мнению, вряд ли допускается при совершении террористического акта. По этой причине было бы правильным исключить из содержания квалифицированного состава террористического акта перечисленные признаки. Квалификация по ч. 1 ст. 205 УК РФ реально совершенного террористического акта (взрыв, поджог и проч.) уже предполагает присутствие в основном составе значительного имущественного ущерба. Причинение же человеку смерти по неосторожности при совершении террористического акта вряд ли возможно. Если же причинение смерти по неосторожности произошло, к примеру, в процессе приготовления к теракту, то при наличии к тому иных обстоятельств совершенные действия целесообразно оценить по совокупности со ст. 109 УК РФ.

Перечисленные обстоятельства подтверждаются материалами судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205 и 206 УК РФ, решения по которым рассматривались выше. Поэтому мы считаем, что применительно к террористическому акту признаки, предусмотренные п. «б» и «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ: «повлекшее по неосторожности смерть человека» и «причинение значительного имущественного ущерба» соответственно, неоправданно используются в структуре состава террористического акта. Решение об их исключении не повлечет изменения общественной опасности деяния, состав которого включает в себя все перечисленные признаки, вследствие чего назначаемое наказание за террористический акт не будет вступать в конфликт с требованиями принципа справедливости.

В п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ предусматриваются два самостоятельных квалифицирующих обстоятельства. В первую очередь указывается специфический социально значимый и потенциально опасный предмет преступного посягательства: объекты использования атомной энергии. Затем законодатель дает указание на особенные средства (источники повышенной опасности) совершения террористического акта, использование которых увеличивает опасность совершаемых действий: ядерные материалы, радиоактивные вещества, источники радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Мы полагаем, что данные обстоятельства должны предусматриваться в квалифицированном составе преступления. Несмотря на опасность для населения, их содержанием не охватывается фактическая массовая гибель людей, глобальные разрушения, экологическая катастрофа, эпидемии и т.п. последствия. Они только создают предпосылки для наступления указанных последствий. По этой причине считаем, что в ч. 2 ст. 205 УК РФ должны быть включены следующие квалифицирующие обстоятельства:

- группа лиц по предварительному сговору;
- посягательство на объекты использования атомной энергии;

– использование ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Часть третья анализируемой нормы, кроме обстоятельства, характеризующего совершение преступления организованной группой, должна, по нашему мнению, содержать в себе признак, характеризующий последствия совершения террористического акта. Здесь могут быть значительный имущественный ущерб, экологический вред и, конечно же, причинение смерти одному или нескольким лицам. В современной теории уголовного права существуют и иные предложения относительно вида наиболее опасной разновидности террористического акта. Например, Е.И. Романов считает необходимым включение в ст. 205 УК РФ особо квалифицирующего признака в виде «смерть трех и более человек, массовое заболевание людей либо иные особо тяжкие последствия»¹.

Поскольку все перечисленные последствия достаточно разнородны, мы считаем целесообразным включение в состав части третьей ст. 205 УК РФ такого признака, как: «наступление тяжких последствий». В случае гибели хотя бы одного человека при совершении террористического акта будет верным вменение только указанного особо квалифицированного состава террористического акта без совокупности с ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данный вывод можно аргументировать путем сопоставления санкций ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 205 УК РФ. В первом случае предусматривается лишение свободы от восьми до двадцати лет или пожизненное лишение свободы, или смертная казнь. Во втором случае – лишение свободы от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы от одного года до двух лет или пожизненное лишение свободы.

¹ См.: Романов Е.И. Квалифицированные виды террористического акта / Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Е. Бурый. Минск, 2017. С. 231–232.

В настоящее время смертная казнь как вид наказания существует в УК РФ лишь де-юре¹. Поэтому преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 205 УК РФ является более общественно опасным в сравнении с посягательствами, предусмотренными ч. 2 ст. 105 УК РФ. Отсюда, причинение смерти одному или нескольким лицам должно полностью охватываться ч. 3 ст. 205 УК РФ и не требовать дополнительной квалификации². На это обстоятельство специально обращается внимание в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ: «если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку ..., ... дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует»³.

Признак – «умышленное причинение смерти человеку», – который отражает наивысшую степень общественной опасности совершенного террористического акта, в научной литературе вызвал обоснованную критику. Так, А.И. Рарог пишет о том, что включение данного квалифицирующего признака в норму об ответственности за террористический акт было «явно ошибочным»⁴. Далее ученый приводит комплекс аргументов, указывающих на недопустимость подобного законодательного решения: несоответствие конституционным положениям об оценке жизни человека, угроза возникновения противоречивой судебной практики, возможность назначения наказания, не отвечающего в полной мере общественной опасности совершенного деяния⁵.

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р // Российская газета. 2009. 27 ноября; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П // Российская газета. 1999. 10 февр.

² См.: О правилах квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм см.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» М., 2007. С. 125–126; Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. М., 2010. С. 62–66.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февр.

⁴ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 165.

⁵ Там же.

Мы разделяем приведенные доводы о необоснованности включения «умышленного причинения смерти человеку» в качестве особо квалифицирующего признака состава террористического акта. Причины этого видятся как в нарушении содержания уголовно-правовой терминологии, так и в создании трудноразрешимой проблемы квалификации террористического акта, вследствие которого погиб хотя бы один человек. В соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ умышленное причинение смерти другому человеку признается убийством. Приведенное официальное определение убийства неосторожную форму вины не предусматривает. Это подтверждается и содержанием ст. 109 УК РФ, в соответствии с которой причинение человеку смерти возможно только по неосторожности, равно как и официальными разъяснениями высшей судебной инстанции по вопросам квалификации убийств¹. Исходя из содержания этих норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против жизни, формулировка «умышленное причинение смерти» может признаваться явным нарушением правила единообразного унифицированного изложения нормативного материала². При этом мы полагаем, что законодатель совершенно безосновательно допустил отступление от унифицированного изложения перечисленных уголовно-правовых норм. В соответствии с современными правилами квалификации преступлений, изложенными в ст. 17 УК РФ, совершение террористического акта, по причине которого погибли люди, можно рассматривать и как совокупность террористического акта и убийства, и как единичное убийство с отягчающими (квалифицирующими) обстоятельствами. В пользу первого решения можно привести следующие доводы: теракт и убийство являются самостоятельными преступлениями с различными объектами (общественная безопасность и жизнь человека). Оба преступления обладают сравнительно равной общественной опасностью, поскольку размеры санкций ст. 205 и 105

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февр.

² Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 201.

УК РФ отличаются друг от друга незначительно. Данное обстоятельство не позволяет признать террористический акт в качестве одного из квалифицирующих обстоятельств убийства, предусмотренных в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С другой стороны, убийство одного или нескольких лиц в результате совершения террористического акта при расширительном толковании ст. 17 УК РФ, как нам представляется, может быть квалифицировано как убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Вне зависимости от размеров санкций убийство при аргументации данного решения будет признаваться преступлением с большей общественной опасностью на основании ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которой преимущественная защита прав и законных интересов принадлежит отдельно взятой личности, а не обществу в целом.

Видимо имело место стремление ликвидировать данную конкуренцию путем введения признака «повлекшее умышленное причинение смерти человеку» в содержание ст. 205 УК РФ. Поэтому в настоящее время при совершении террористического акта, влекущего гибель людей, квалификация по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ исключается. Следует учесть, что подобный подход противоречит сложившемуся общему правилу определения убийства как преступления, обладающего наибольшей общественной опасностью по сравнению с другими уголовно-наказуемыми деяниями, и сложившейся практике квалификации преступлений, сопряженных с убийством¹. Последние рассматриваются в качестве квалифицирующих обстоятельств убийства. Однако, принимая во внимание двуобъектность состава террористического акта, вследствие которого погиб хотя бы один человек, повышенную общественную опасность данного преступления даже в сравнении с убийством, суровость наказаний,

¹ См.: Бавсун М.В., Николаев К.Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, сопряженных с убийством // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 33; Рагоз А.И. Указ. соч. С. 165.

содержащихся в санкциях соответствующих частей ст. 205 УК РФ и т.д., можно признать право на существование определенного законодателем подхода к квалификации рассматриваемого преступления. Но предлагаемая формулировка: «повлекшее умышленное причинение смерти человеку» – никакой критики, по нашему мнению, не выдерживает. По этой причине требуется содержательная корректировка действующих положений ст. 205 УК РФ.

Здесь будет уместным еще раз вернуться к рассмотрению сущности изложенных в п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ оценочных признаков: «причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий». Как нам представляется, «причинение значительного имущественного ущерба» является юридически значимым признаком основного состава террористического акта. Взрыв, поджог и иные соответствующие действия не могут не причинять значительного имущественного ущерба зданиям, сооружениям, объектам производственной инфраструктуры и иным имущественным комплексам, расположенным в месте совершения преступления. Пленум Верховного Суда в п. 7 Постановления от 09.02.2012 № 1 также дает лишь общие разъяснения содержания данного признака, указывая, что при определении значительности причиненного ущерба следует учитывать общую стоимость уничтоженного или поврежденного имущества, равно как и материальные затраты на его восстановление. Дополнительно указывается на необходимость учета «значимости этого имущества для потерпевшего», что позволяет проводить некоторые аналогии с юридически значимым признаком «значительный ущерб» для составов преступлений против собственности (п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ). Но если для преступлений против собственности данный признак определяется суммой в размере не менее пяти тысяч рублей, то для состава террористического акта данный денежный ориентир законодательно не установлен.

Отсутствие стоимостной оценки причиненного таким образом имущественного ущерба, неопределенность «значительности» ущерба, затрудняет возможность разграничения ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ. Учитывая данное обстоятельство, признак «причинение значительного имущественного ущерба» целесообразно, по нашему мнению, исключить из содержания ст. 205 УК РФ.

В то же время признак «наступление иных тяжких последствий» может охватывать достаточно большой спектр последствий, наступивших в результате совершения действий, перечисленных в ч. 1 ст. 205 УК РФ. Здесь может быть причинение как имущественного ущерба, так и физического вреда неопределенному кругу лиц. Поэтому было бы целесообразно расположить признак «наступление иных тяжких последствий» в ч. 3 ст. 205 УК РФ, признав его особо квалифицирующим обстоятельством террористического акта. Ввиду оценочности тяжких последствий как признака особо квалифицированного состава преступления им будет охватываться любое причинение смерти одному или нескольким лицам, равно как и другие крайне негативные последствия террористического акта. Для окончательного снятия вопроса о конкуренции с ч. 2 ст. 105 УК РФ будет необходимо дополнить санкцию ч. 3 ст. 205 УК РФ еще одним видом наказания – смертной казнью.

Завершая анализ квалифицированных и особо квалифицированных обстоятельств, предусмотренных в ст. 205 УК РФ, следует обратить внимание на, как представляется, существующий пробел в регламентации квалифицированного состава. Речь идет об отсутствии признака, характеризующего мотивом политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Терроризм как идеология и социальное явление является выражением крайней формы экстремизма¹. В свою очередь религиозное воспитание в отличие от любой другой формы становления личности может формировать существенные мотивационные стимулы к той или иной форме поведения. Это вызвано тем, что одобряемое религией поведение не нуждается в дополнительном обосновании и аргументации: человек поступает именно так, потому что это одобряемо Верой в Бога, Правдой, Священным Писанием, т.е. – «так надо». Практический разум при совершении тех или иных действий не требуется, поскольку он является главной разрушительной силой религиозного сознания².

Религия, если она была направлена на поощрение законопослушного поведения, всегда одобрялась и поддерживалась государственной властью, а нарушение большинства церковных канонов светским законодательством признавалось преступлением. В настоящее время данное правило ничуть не утратило своей актуальности. Это позволило отдельным ученым справедливо признать религиозные ценности основой уголовного законодательства³.

Но религиозное воспитание, которое направлено на поощрение опасных для общества форм поведения, само по себе заслуживает отрицательной оценки со стороны законодателя. Здесь мы ведем речь, прежде всего, о лицах, пропагандирующих расовое, этническое, религиозное и (или) иное превосходство на уровне религиозного учения. Люди, признавшие истинность псевдоисламизма, равно как и иных ультраправых религиозных течений, способны совершать жесточайшие преступления, мало задумываясь о

¹ См.: Гаврилов Б.Я., Павлинов А.В. Некоторые вопросы законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма // Российский следователь. 2006. № 2. С. 25–26.

² Более подробно см.: Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010. С. 20–22.

³ См.: Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права. М., 1992; Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право: к 2000-летию христианства. М., 2000; Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография / под ред. А.В. Наумова. М., 2002; Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008; и др.

характере совершаемых действий и об их последствиях. Практика привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления террористического характера, свидетельствует о предварительной глубокой психологической и религиозной обработке непосредственных исполнителей этих преступлений. Террористы-смертники, осознанно решаясь на совершение преступления, почти во всех случаях были мотивированы идеями крайне правых религиозных течений о необходимости уничтожения «неверных», «несогласных» и «не своих»¹, вследствие чего в глазах своей социальной группы они возводятся в ранг «святых мучеников», совершивших акт самопожертвования².

По этой причине мотивация совершения преступления, в основу которой положена нетерпимость и агрессия в адрес представителей иных рас, национальностей, этносов и иных социальных групп, достаточно давно признается уголовным законодательством в качестве обстоятельства, увеличивающего степень общественной опасности. Вряд ли можно согласиться с отказом законодателя включить указанное квалифицирующее обстоятельство в содержание ст. 205 УК РФ. Террористическая деятельность, основанная на агрессивном религиозном учении, однозначно обладает большей степенью общественной опасности по сравнению с аналогичной деятельностью, мотивом к осуществлению которой является, например, корысть. По этой причине она представляет гораздо бóльшую угрозу для отношений общественной безопасности, охраны жизни и здоровья личности, а равно имущественных отношений. Учитывая изложенное, мы считаем необходимым предусмотреть в качестве квалифицирующего обстоятельства террористического акта его совершение «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

¹ См.: Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 620.

² См.: Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 54.

вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Данный признак своим содержанием будет охватывать и случаи совершения преступлений террористического характера по мотивам реализации псевдоисламистской идеологии, как наиболее опасного в настоящее время социального явления, распространенного во всем мире.

Учитывая изложенное, нами предлагается обновленная редакция ст. 205 УК РФ в части построения системы квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельств. К квалифицирующим обстоятельствам террористического акта следует отнести соучастие, характеризуемое группой лиц по предварительному сговору, предмет посягательства, обладающий особой социальной ценностью, а также специфические средства и мотивы преступного поведения. Как в основном, так и в квалифицированном составе террористического акта реально наступившие преступные последствия не должны учитываться в процессе квалификации.

К особо квалифицированным обстоятельствам, по нашему мнению, необходимо отнести высоко организованное соучастие – совершение преступления организованной группой и последствия совершения террористического акта, наступление которых явно свидетельствует об увеличении общественной опасности преступления по сравнению с основным и квалифицированным составами. Исходя из этого, мы предлагаем следующую систему квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельств террористического акта (см. таблицу 2).

Таблица 2

<i>ч. 2 ст. 205 УК РФ</i>	<i>ч. 3 ст. 205 УК РФ</i>
совершенные группой лиц по предварительному сговору	совершенные организованной группой
сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии	повлекли наступление тяжких последствий

<p>совершены с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ</p>	
<p>по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы</p>	

Аналогичным образом необходимо пересмотреть совокупность квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава захвата заложника как одного из преступлений террористического характера. При этом не следует забывать о содержательном различии деяний, предусмотренных ст. 205 и 206 УК РФ. Эти различия вызваны тем, что вероятность причинения смерти человеку при совершении теракта достаточно велика, а виновный относится к данному факту или безразлично, или стремится причинить смерть максимально возможному количеству лиц для обеспечения высокой степени общественного и политического резонанса совершаемым преступлением.

При захвате заложника виновный, как правило, стремится сохранить жизнь потерпевшему. Отсюда можно заключить, что причинение смерти, характеризуемое неосторожной формой вины, должно рассматриваться как особо квалифицированное обстоятельство захвата заложника. В случае же совершения умышленного причинения смерти заложнику это не должно

охватываться содержанием ст. 206 УК РФ и квалифицируется по совокупности с квалифицированным составом убийства.

В первоначальной редакции УК РФ п. «в» ч. 2 ст. 105 предусматривал в качестве квалифицирующего обстоятельства убийство, сопряженное с захватом заложника. В настоящее время данный признак исключен из ч. 2 ст. 105 УК РФ¹, что может породить проблемы практического применения уголовного закона при квалификации совершенного захвата заложника, в процессе (после) совершения которого было совершено убийство потерпевшего (потерпевших).

Учитывая изложенное, нами предлагается исключение ч. 4 ст. 206 УК РФ, по вышеуказанным причинам. Также считаем необходимым вернуться к первоначальной редакции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и включить в его состав квалифицирующее обстоятельство: «сопряженное с захватом заложника». Причины, по которым следует внести предложенные изменения, нами рассматривались выше при анализе положений квалифицированных составов, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ.

Значительное число квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2 ст. 206 УК РФ, отражают специфические обстоятельства совершаемого преступления или характерные особенности заложника-потерпевшего: применение насилия, опасного для жизни и здоровья; в отношении заведомо несовершеннолетнего и др. По этой причине невозможно их унифицированное применение и в ст. 206 УК РФ, и в ст. 205 УК РФ на том лишь основании, что оба преступления относятся к видам деяний террористического характера. Однако, захват заложника также возможен и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Установление данного факта также свидетельствует о значительном повышении степени общественной опасности совершенного

¹ См.: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 321-ФЗ // Российская газета. 2008. 31 дек.

деяния. По этой причине указанное обстоятельство также целесообразно включить в систему квалифицирующих признаков не только террористического акта, но и захвата заложника – п. «и» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Выводы:

Для обеспечения унифицированного подхода в изложении юридически значимых признаков составов преступлений террористического характера, а также для надлежащей оценки общественной опасности деяний, содержащих в себе квалифицирующие признаки, предлагается:

– изложить часть вторую статьи 205 УК РФ в следующей редакции:

«2. Те же деяния, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору;

б) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии;

в) совершены с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ;

г) совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, —

наказываются ...»;

– изложить часть третью статьи 205 УК РФ в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли тяжкие последствия, —

наказываются ...»;

– дополнить часть вторую статьи 206 УК РФ пунктом «и» следующего содержания:

«и) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, —»;

– часть четвертую статьи 206 УК РФ признать утратившей силу;

– в пункте «в» части второй ст. 105 УК РФ после слов «а равно совершенное с похищением человека» дополнить словами «или захватом заложника».

2.4. Противодействие терроризму, основанному на псевдоисламской идеологии, в процессе исполнения уголовного наказания

Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство обозначает одинаковые цели назначения и применения уголовного наказания, заключающиеся в исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Уже только на этом основании можно указать на значительную роль регламентации процесса исполнения в отношении осужденного уголовного наказания для достижения всех заявляемых в уголовном законе целей.

Анализ научной литературы по вопросам определения целей уголовного наказания свидетельствует, что ни ученые, ни практики не могут однозначно определить действительные цели уголовного наказания¹. Здесь мы только отметим, что убедительной является позиция Ч. Беккариа, М.Д. Шаргородского и иных ученых, которые указывали на предупреждение совершения новых преступлений (общая и частная превенция) как на основную цель уголовного наказания².

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография. М., 2018. С. 169.

² См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 244; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 247.

Приоритет предупреждения совершения новых преступлений перед иными заявляемыми целями уголовного наказания имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое обоснование, представленное в современной криминологической литературе. Так, упреждение совершения преступления является наилучшим вариантом охраны прав и законных интересов потенциальных жертв преступного посягательства, поскольку наказание за уже совершенное преступление никогда не обеспечит полной компенсации причиненного вреда. Предупреждение преступления предполагает воздействие на те причины и условия, которые способствуют распространению преступности определенного вида. Следовательно, превентивная деятельность, в отличие от карательной, обеспечивает положительные результаты противодействия преступности в целом. Наконец, предупреждение преступления представляет собой экономическую выгоду, поскольку отпадает необходимость, например, в материальном обеспечении деятельности следственно-оперативных, судебных и пенитенциарных органов, осуществляющих привлечение виновного к уголовной ответственности и исполнение назначенного наказания. Справедливость перечисленных утверждений не вызывает сомнений относительно преступлений террористического характера, предупреждение которых представляет первостепенную задачу деятельности правоохранительных органов.

Высокая общественная опасность преступлений террористического характера, так же как и лиц, совершающих эти преступления, сомнений не вызывает. Поэтому, за указанные деяния действующий уголовный закон предписывает назначение виновным наказания в виде лишения свободы на довольно длительные сроки, не предусматривая возможность назначения альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания. Данная позиция законодателя подтверждается результатами анкетирования, проведенного в процессе диссертационного исследования. Так, на вопрос: «Применение какого уголовного наказания является наиболее перспективным

для лиц, признанных виновными в совершении преступлений террористического характера и исповедующих радикальные идеи псевдоисламизма?», 76% респондентов указали «лишение свободы на длительный срок — свыше пяти лет» и 19% — «пожизненное лишение свободы». Примечательно, что никто из опрошенных не считает, что лица, совершившие преступления террористического характера по псевдоисламистским мотивам, могут быть подвергнуты уголовному наказанию, не связанному с изоляцией от общества (приложение 1).

Как справедливо отметил С.И. Дементьев, данный вид наказания должен применяться исключительно в отношении лиц, представляющих «физическую опасность для общества», и исправление которых требует их временной изоляции¹. К указанной группе относятся и преступники-террористы, что находит подтверждение в представленных выше криминологических и правовых научных источниках.

Но к настоящему времени многие исследователи указывают на проблему достижения превентивных (равно как и иных) целей уголовного наказания. В частности, И.А. Уваров отмечает, что практика исполнения уголовных наказаний, в том числе сопряженных с изоляцией осужденного от общества, не обеспечивает достижения ни одной из указанных в уголовном законодательстве целей наказания². На сомнительность эффективности современной пенитенциарной практики в части предупреждения совершения новых преступлений также указывали В.Н. Кудрявцев, М. Фуко и другие исследователи³. Действительно, в результате длительного содержания лица в исправительном учреждении возникает ситуация, при которой существенно ослабевают социально-полезные связи, вместо которых приобретаются

¹ См.: Дементьев С.И. Четверть века в лагерях и колониях Советского Союза: правда и вымысел. Краснодар, 2002. С. 276.

² См.: Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика: теоретическое обоснование и проблемы реализации в контексте достижения целей уголовного наказания: монография. М., 2007. С. 28.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 175; Фуко М. Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2016. С. 339.

криминальные установки на продолжение осуществления преступной деятельности. Для отдельных осужденных это является единственным вариантом продолжения жизни после отбытия наказания, поскольку выход из «криминального социума» для них невозможен¹.

Думается, что и эта проблема достаточно актуальна в отношении лиц, совершающих преступления террористического характера. Как уже отмечалось, данная личность преступника характеризуется слабыми социальными связями и подверженностью влиянию со стороны лиц, навязывающих радикальные религиозные идеи о терроре как единственном средстве достижения справедливости в обществе. При этом достаточно многими учеными указывается на повышенную опасность распространения террористической идеологии именно в условиях пенитенциарного учреждения². В местах лишения свободы выявляется деятельность организованных групп, осуществляющих вербовку отбывающих наказание в ряды террористических организаций. В одном из исправительных учреждений на территории Калмыкии была пресечена деятельность подобной ячейки, организаторы-исламисты которой завербовали более 100 осужденных в состав террористических организаций³.

Все это указывает на необходимость индивидуального подхода в воспитательной работе с представителями данной категории осужденных в процессе отбытия ими уголовного наказания. Отсюда, безусловную важность для предупреждения террористической деятельности осужденных, являющимися представителями радикальных псевдоисламистских течений, приобретает выбор вида исправительного учреждения и формирование

¹ См.: Латышева Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 4–5.

² См.: Гришко А.Я. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 30–31; и др.

³ См.: Багнычев М.Ю. Криминологическая характеристика личности террориста, отбывающего наказание в местах лишения свободы, профилактика радикализации осужденных // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2. С. 13.

комплекса специальных средств пенитенциарного воздействия на осужденного¹.

Действующее законодательство определяет несколько видов указанных пенитенциарных учреждений, отличающихся по степени интенсивности правоограничительного воздействия на совершеннолетних осужденных в процессе исполнения лишения свободы: колонии-поселения; исправительные колонии общего, строгого и особого режима; тюрьмы; лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения. Несовершеннолетние осужденные отбывают лишение свободы в специализированных учреждениях – воспитательных колониях (ст. 74 УИК РФ). В соответствии с ч. 7 ст. 74 УИК РФ лица, признанные виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 206 УК РФ и др., отбывают лишение свободы в тюрьме, т.е. исправительном учреждении, режим которого предполагает наибольшее количество правоограничений, возлагаемых на осужденных в процессе отбывания наказания, что подтверждается положениями ст. 130, 131 УИК РФ. Изменение вида исправительного учреждения в качестве меры поощрения для указанных осужденных действующим законодательством не предусматривается (п. «а» ч. 2 ст. 78 УИК РФ). Перечисленные законодательные положения являются дополнительным свидетельством официально признаваемой высокой общественной опасности лиц, совершающих преступления террористического характера².

В настоящее время установлено общее правило (ч. 1 ст. 73 УИК РФ), в соответствии с которым осужденные к лишению свободы отбывают данный вид наказания в исправительной колонии соответствующего вида, находящейся на территории того субъекта РФ, в котором лицо проживало до совершения преступления или было привлечено к уголовной ответственности

¹ См.: Давиденко М.А., Букалерева Л.А., Кондратьев Д.А. Пенитенциарные средства пресечения религиозного терроризма // Образование и право. 2019. № 7. С. 120–121.

² Там же.

(осуждено). Исключения из этого правила распространяются на некоторые категории лиц, в т.ч. осужденных за совершение преступлений террористического характера. В соответствии с ч. 3 ст. 73 УИК РФ представители некоторых категорий осужденных, включая лиц, признанных виновными в совершении преступлений террористического характера, а также являющиеся приверженцами идеологии терроризма, исповедующие, пропагандирующие или распространяющие идеи радикальных религиозных и иных учений, в т.ч. и среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных, отбывают лишение свободы в тюрьме, расположенной на территории субъекта, определяемого по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы России. Как правило, органы ФСИН России, принимая решение о месте отбытия лишения свободы осужденным за террористическую деятельность, выбирают территории субъектов РФ, максимально удаленных от постоянного места жительства или места осуждения преступника. Например, *Х., постоянно проживавший на территории Чеченской Республики, совершил преступление террористического характера на территории Республики Дагестан, за что был осужден к лишению свободы и направлен в тюрьму, расположенную в Амурской области, т.е на расстоянии около 8 тыс. км. от места жительства семьи осужденного. Решение ФСИН России о выборе места отбывания уголовного наказания обжаловалось в судах различных инстанций, однако, жалобы представителей семьи Х. были оставлены без удовлетворения*¹.

Думается, что предусмотренное ч. 4 ст. 73 УИК РФ исключение из правила об отбытии наказания в субъекте РФ места жительства и (или) места осуждения обусловлено рядом причин. Во-первых, направление представителей указанной категории осужденных за пределы субъекта РФ, в

¹ См.: Полякова и другие против Российской Федерации: жалобы в ЕСПЧ №№ 35090/09, 35845/11, 45694/13 и 59747/14 / Постановление от 7.03.2017 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8. С. 43–67.

котором они совершили преступление террористического характера, осуществляется по соображениям их личной безопасности. Это связано с исключением возможности совершения актов мести иными осужденными, близкие которых могли пострадать в результате совершения террористических актов и иных преступлений террористического характера.

Во-вторых, перевод осужденного для отбывания лишения свободы на территории иного субъекта обеспечит хотя бы частичное прерывание социально-опасных связей осужденного с лицами, придерживающимися радикальных псевдоисламистских идей о пользе террористической деятельности и оказывающими материальную и идеологическую поддержку указанному осужденному.

Но даже принятие таких мер, вряд ли может кардинально повлиять на решение проблемы распространения псевдоисламистских и иных радикальных религиозных идей в среде лиц, отбывающих уголовное наказание в условиях изоляции от общества. Напротив, как уже отмечалось при характеристике личности псевдоисламиста – представителя террористической организации, значительное количество лиц, вступающих в состав террористических организаций, вербуются в процессе отбытия лишения свободы. Авторами новейших исследований в области противодействия террористической и экстремистской деятельности, а также представителями различных исламских конфессий, отмечается, что наиболее эффективная вербовка в террористические и экстремистские образования, незаконные вооруженные формирования, создаваемые для осуществления террористической деятельности в различных государствах мирового сообщества, осуществляется в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Психологическая подавленность от применения мер уголовной ответственности, пространственная и информационная ограниченность, полная или частичная утрата социальных связей с близкими — все это является благоприятной почвой для, практически, беспрепятственного принятия осужденными радикальных идей, якобы

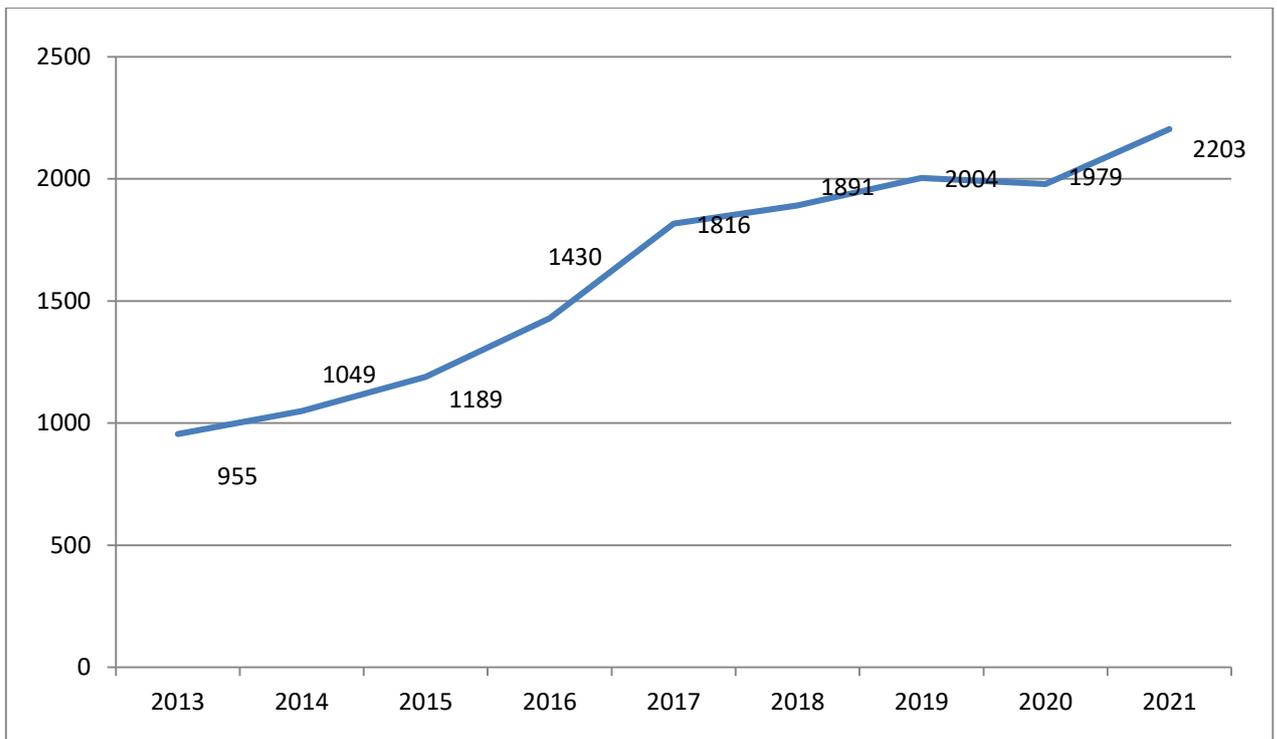
оправданных религиозными учениями о добре и справедливости. Поэтому вербовка в террористические организации лиц, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях, может приобретать массовый характер¹.

Статистические данные о количестве лиц, осужденных за преступления террористического характера, и направленных для отбывания лишения свободы в исправительные учреждения, находящиеся на территории различных субъектов РФ, свидетельствуют об устойчивой положительной динамике увеличения числа представителей указанной категории осужденных с 2013 года по настоящее время.

Диаграмма 2

Численность осужденных за преступления террористического характера, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России в 2013–2021 гг.

¹ См.: Валишин Э.Х. Исламистский терроризм и пути его предотвращения в современном мире / Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия» (Уфа, 9-10 ноября 2016 г.). Уфа, 2016. С. 384.

Представленные ФСИН России данные указывают, что в исследуемом периоде с 2013 г. по 2015 г. количество лиц, отбывающих наказание за преступления террористического характера, увеличивалось стабильно, но невысокими темпами ежегодного прироста: +9,8% в 2014 г. и +13,3% в 2015 г. Однако, начиная 2016 года, произошел резкий скачок количества осужденных за преступления террористического характера – +20,2%. А общий прирост лиц, отбывающих наказание за преступления террористического характера с 2013 г. по 2021 г. возрос более чем на 230%¹. Учитывая представленную динамику, можно указать на реальность возникновения в настоящее время угрозы распространения радикальной идеологии, основанной на псевдоисламистских религиозных учениях об оправдании терроризма, среди лиц, отбывающих лишение свободы на всей территории Российской Федерации.

Представители высшего руководства Федеральной службы исполнения наказаний уже в 2014 году обращали внимание на действительность

¹ См.: Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2013-2021 гг. Тверь, 2022.

существования указанной проблемы. В частности, начальник оперативного управления ФСИН России Е.В. Гнедов сообщил, что в структуре уголовно-исполнительной системы отсутствуют специализированные учреждения для содержания вышеуказанных лиц. Для недопущения их негативного воздействия на иных осужденных, отбывающих лишение свободы, а также на представителей администрации исправительных учреждений, в учреждениях проводится профилактическая работа, направленная на дерадикализацию осужденных с учетом имеющихся возможностей¹. Эта же позиция полностью поддерживалась в научной литературе².

Но, как свидетельствуют статистические показатели, эффективность проводимой профилактической работы оставляет желать лучшего, ввиду ежегодного увеличения числа лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера. Поэтому мы полагаем, что в сложившихся условиях увеличения числа осужденных за преступления террористического характера и угрозы радикализации лиц, отбывающих лишение свободы, возникает необходимость обсуждения вопроса о создании специализированного исправительного учреждения – тюрьмы, в которой отбывали бы уголовное наказание осужденные за преступления террористического характера³.

В этой части особый интерес представляет имеющийся американский опыт функционирования подобного учреждения, получившего наименование «тюрьма для худших из худших», созданного в Гуантанамо (Куба)⁴. Целью, ради достижения которой была создана указанная тюрьма, является исключение любого влияния на представителей американского общества лиц,

¹ См.: Гнедов Е.В. Противодействие насильственному экстремизму // Российский следователь. 2014. № 10. С. 34–36.

² См.: Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 51.

³ См.: Давиденко М.А., Букалорова Л.А., Кондратьев Д.А. Указ. соч. С. 121-122.

⁴ В юридическом смысле данные виды учреждений тюрьмами не являются, поскольку в них направлялись не только осужденные за преступления террористического характера, но и подозреваемые в совершении данных преступлений во всем мире.

осужденных за международный терроризм, т.е. предупреждение совершения новых преступлений террористического характера. Для этого тюрьма, находящаяся под юрисдикцией США (военно-морская база США), была обустроена за пределами государственной границы США.

После террористической атаки, имевшей место в США 11.09.2001 г., власти страны официально объявили войну международному терроризму, что было зафиксировано в принятом антитеррористическом законе¹. Поэтому тюрьма в Гуантанамо создавалась исключительно для содержания лиц, как осужденных за участие в деятельности международных террористических организаций, так и лиц, подозреваемых в подобной деятельности. Заключение в Гуантанамо в соответствии с законодательством США получали особый статус: «вражеский комбатант». Это создало юридический прецедент по определению всех лиц, так или иначе связанных с международными террористическими организациями, по аналогии с представителем военнослужащего вражеской армии в условиях, когда США ни одной стране мира войны не объявили. Наделение лица статусом вражеского комбатанта существенно ограничивало его права и минимизировало социально-правовые гарантии по сравнению с аналогичными составляющими правового статуса иных подозреваемых, обвиняемых и осужденных органами юстиции США. По сути, они перешли в категорию бесправных субъектов уголовного судопроизводства, к которым могли применяться любые средства и методы следственной и профилактической работы, включая физическое воздействие с целью получения информации о террористической деятельности (пытки)².

Представители высших органов государственной власти США неоднократно и небезосновательно заявляли, что многим боевикам,

¹См.: Authorization for Use Military Force, P.L. 107-40. 18.09.2001 [Электронный ресурс] // URL: <http://news.findlaw.com/wp/docs/terrorism/sjres23.es.html> (дата обращения: 11.07.2021).

² См.: Глазунова Е.Н. Гуантанамо: история с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». 2011. № 3. С. 158–159.

содержащимся в тюрьме Гуантанамо, известны планы деятельности международных террористических организаций на ближайшее время, в т.ч. о подготовке преступлений террористического характера на территории отдельных штатов. Получение этих сведений методами, определяемыми действующим законодательством, не представлялось возможным по причине отказа заключенных от сотрудничества с представителями американских властей. Поэтому для обеспечения интересов национальной безопасности и эффективности противодействия международному терроризму к заключенным применялись любые, в т.ч. запрещенные методы и средства получения информации в ходе допросов и иных мероприятий превентивного значения¹.

Итоги подобной антитеррористической деятельности в Гуантанамо известны: факты нарушения международно-правовых норм *jus cogens* представителями властей стали в США предметом многочисленных судебных разбирательств, решения по которым выносились, преимущественно, в пользу бывших заключенных. Однозначная негативная оценка деятельности тюрьмы в Гуантанамо дана специальной комиссией ООН, указавшей в докладе 2006 года на необходимость немедленного прекращения функционирования данного учреждения². Аналогичную оценку деятельности американских властей в Гуантанамо дал избранный в 2008 году Президент США Б. Обама, однако, до настоящего времени деятельность настоящего учреждения не прекращается³.

Результаты превентивной работы, осуществляемой «специфическими» методами в тюрьме для террористов, тоже оказались не столь значительными. По оценкам спецслужб США после освобождения не менее 100 человек из 603 заключенных тюрьмы Гуантанамо осуществляют террористическую

¹ Там же. С. 159–160.

² См.: Комиссия ООН требует закрыть тюрьму в Гуантанамо [Электронный ресурс] // URL: <https://www.svoboda.org/a/131618.html> (дата обращения: 11.07.2021).

³ См.: Вавилов А. Ближний Восток: тяжкое наследие для Барака Обамы // Обозреватель–Observer. 2009. № 7. С. 110.

деятельность, а еще 74 человека подозреваются в данной деятельности¹. Негативная оценка данной деятельности дается и представителями руководства стран — союзниц США по антитеррористическому альянсу. Например, министр иностранных дел Соединенного Королевства Д. Милибэнд указал, что допущенные в тюрьме Гуантанамо нарушения международного права, прав человека и приоритет позиции силы в решении проблемы противодействия международному терроризму привели к противоположным результатам. Вместо сворачивания под давлением Запада деятельности радикальных исламистских групп, пропагандирующих насилие во имя справедливости, последние получили дополнительную поддержку и сторонников во всем мусульманском мире, особенно среди молодежи².

Но, несмотря на все перечисленные негативные последствия неправовых методов борьбы с терроризмом, в настоящее время значительная часть американского общества (66% респондентов) выступает против закрытия тюрьмы для террористов в Гуантанамо, так как видит в этом средство защиты от террористической угрозы и недопущения повторения трагедии 11 сентября 2001 года. Еще 5% опрошенных не настаивают на закрытии указанного учреждения³.

Приняв во внимание имеющиеся результаты превентивной деятельности и данные социологических исследований, американский опыт пенитенциарного предупреждения террористической деятельности позволяет заключить, что необходимость в специализированном исправительном учреждении для лиц, совершивших преступления террористического характера, все же существует. Функционирование специализированного

¹ См.: At least 100 of the 603 freed Guantanamo Bay prisoners have returned to terrorism, U.S. intelligence report reveals [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2417226/Guantanamo-Bay-One-ex-Gitmo-inmates-return-terrorism.html> (дата обращения: 11.07.2021).

² См.: Вавилов А. Указ. соч. С. 118-119.

³ Опрос проведен Американским институтом общественного мнения (Институтом Гэллапа). Более подробно см.: Опрос: 66% жителей США против закрытия Гуантанамо [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2014/06/14/n_6228465.shtml (дата обращения: 11.07.2021).

учреждения облегчит решение ряда достаточно сложных задач по предупреждению совершения преступлений террористического характера и обеспечению интересов безопасности Российской Федерации от террористической угрозы. Речь идет об осуществлении изоляции осужденных, являющихся представителями террористических организаций, не только от общества, но и от иных осужденных для исключения возможности распространения радикальных псевдоисламистских догм о социальной пользе терроризма. В рамках же функционирования специализированного исправительного учреждения для осужденных-террористов можно обеспечить установление режима исполнения лишения свободы, условия которого в наибольшей степени будут соответствовать общественной опасности личности осужденных и позволят реализовать комплекс специальных средств исправительного воздействия¹.

Необходимо обратить внимание и на те обстоятельства, которые не позволили представителям пенитенциарной службы США достичь желаемых результатов по предупреждению совершения новых преступлений лицами, содержащимися в тюрьме Гуантанамо. Тяжесть совершаемого преступления, значительное количество жертв террористических атак и существенные материальные потери порождают массовый страх населения перед террористической угрозой. Естественной реакцией общества в таких условиях является адресованное власти требование об ужесточении мер воздействия, применяемых к представителям террористических организаций. Отдельные исследователи отмечают, что у населения под воздействием страха и осознания собственной незащищенности формируется коллективное убеждение в возможности сокращения преступности только путем реализации

¹ См.: Давиденко М.А., Букалорова Л.А., Кондратьев Д.А. Указ. соч. С. 121–122; Меркурьев В.В., Тисен О.Н. Проблемы противодействия экстремистско-террористической идеологии в местах лишения свободы в свете борьбы с международным терроризмом / Сборник материалов IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». В 10-ти томах. Рязань, 2019. С. 219–220.

предельно строгих видов уголовных наказаний и создания крайне тяжелых условий их отбывания осужденными¹.

Американский опыт свидетельствует об обратном: чрезмерная строгость применения мер воздействия к осужденным, которая перерастает в жестокость, не обеспечивает предупреждение новых преступлений и даже может вызывать сочувствие среди населения. Более того, нарушение требований законодательства при исполнении наказания укрепляет веру осужденного в истинность радикальных религиозных установок о необходимости террористической деятельности в отношении представителей власти и лояльного к ней населения. Поэтому деятельность данного учреждения, специализирующегося на исполнении лишения свободы лиц, совершивших преступления террористического характера, должна осуществляться строго в рамках правового поля, включая международные нормативные акты о гарантиях соблюдения прав и законных интересов осужденных, правил их содержания в исправительном учреждении и др.

Нами обращалось внимание на то, что лишение свободы является одним из наиболее строгих видов современной системы уголовных наказаний, а исполнение данного наказания в тюрьме предполагает создание специальных условий содержания осужденных. Это позволяет утверждать, что ответственность за преступления террористического характера определяется как наиболее суровая из всех возможных вариантов, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, т.е. предполагающая максимальный объем реализации лишений и правоограничений, представляющих собой сущность уголовной ответственности. Дополнительное повышение степени строгости правоограничительного воздействия на осужденных, как это имело место в тюрьме Гуантанамо, недопустимо. В противном случае это уже приведет к осуществлению сугубо карательной деятельности, исключая достижение

¹ См.: Уваров И.А. Указ. соч. С. 32.

превентивной цели уголовного наказания, так как осужденный будет ограничен в своих «естественных правах»¹, которые ни при каких обстоятельствах не должны затрагиваться при назначении наказания и в процессе его исполнения².

В соответствии с действующей Концепцией развития уголовно-исполнительной системы России одним из основных средств сокращения рецидивной преступности является высокоэффективная социальная и психологическая работа, осуществляемая с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Для достижения данных целей Концепция называет комплекс задач, которыми, в т.ч. признаются:

- социализация осужденных;
- сокращение численности осужденных, содержащихся в одном жилом помещении исправительного учреждения;
- раздельное содержание осужденных с учетом общественной опасности и совершенного преступления, и личности преступника;
- усиление психолого-педагогической работы с осужденными³.

С учетом перечисленных целей и задач, поставленных перед современной уголовно-исполнительной системой, в условиях предлагаемой нами специализированной тюрьмы одним из главных средств превентивного воздействия на осужденных должно стать религиозное просвещение с целью изучения ими основ исламской религии и культуры. Истинное значение духовных ценностей ислама создаст предпосылки для добровольного

¹ Отдельные виды данных прав в настоящее определяются и гарантируются Основным законом РФ. См.: ст. 2 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 25 дек.

² См.: Упоров И.В. Правовое регулирование прав человека в местах лишения свободы / под ред. М.П. Мелентьева. Рязань, 1998. С. 38.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. 25 окт.; Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 30.04.2020) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 – 2026 годы)» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» — URL: [https:// http://www.consultant.ru/](https://http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 31.07.2021).

самостоятельного осознания осужденными ошибочность их представлений о якобы существующем религиозном одобрении и поощрении терроризма. В случае признания осужденными своих религиозных заблуждений повышается вероятность их отказа от продолжения террористической деятельности, пропаганды радикальных псевдоисламистских идей и стремления вовлечь в состав террористических организаций новых членов, в т.ч. из числа лиц, отбывающих назначенный срок уголовного наказания¹. Для обеспечения эффективности религиозно-воспитательной работы необходимо привлечение высококвалифицированных преподавателей исламских вузов, поскольку непрофессиональное некачественное проведение занятий с осужденными, неподготовленность преподавателя и его неспособность убеждения, выстраиваемого на основе постулатов Корана, может привести к негативным последствиям в виде укрепления веры осужденного в истинности радикальных псевдоисламистских идей о социальной пользе терроризма. В этом случае результаты превентивной деятельности специализированного исправительного учреждения будут сравнимы с результатами деятельности американских властей в Гуантанамо.

Еще одним аргументом в пользу необходимости создания специализированного исправительного учреждения для лиц, осужденных за преступления террористического характера, является фактическое отсутствие возможности обеспечить индивидуальный подход к обеспечению исправительного процесса данных осужденных в условиях современной тюрьмы. По оценкам специалистов, несмотря на существование в составе уголовно-исполнительной системе различных видов исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в процессе исполнения наказания, используемые средства и методы воздействия на осужденных в каждом из этих учреждений мало отличаются друг от друга. Это приводит к однотипности исправительного воздействия и его слабой эффективности по

¹ См.: Давиденко М.А., Букалерова Л.А., Кондратьев Д.А. Указ. соч. С. 121–122.

причине игнорирования учета криминогенных особенностей личности осужденного¹. В то же время психологический портрет личности террориста, включая представителя исламистских террористических и экстремистских объединений, характеризуется специалистами как крайне сложный и противоречивый с позиции оказания влияния на нейтрализацию негативных установок в сознании².

Д.В. Сочивко, Е.Е. Гаврина, А.К. Боковиков и Г.И. Белокуров указывают, что для осужденных за осуществление террористической деятельности требуются особенные приемы и методы как социально-психологического обследования, так и приемы психолого-воспитательной работы³. Реализация подобных социально-педагогических и воспитательно-профилактических решений крайне затруднительна в условиях исправительного учреждения, в котором отбывают уголовное наказание лица, не разделяемые по видовым признакам осуществляемой ранее преступной деятельности.

В этой связи создание специализированного исправительного учреждения — тюрьмы для осужденных за преступления террористического характера, обеспечит:

– физическое ограничение осужденного возможности осуществлять террористическую деятельность в течение длительного срока изоляции от общества;

– исключение негативного влияния на других осужденных и распространения среди них радикальных псевдоисламистских идей, оправдывающих терроризм и насилие;

¹ См.: Кабидуллинов Е.А. Теоретические и прикладные аспекты предупреждения преступлений в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... канд юрид. наук. Костанай, 2012. С. 13, 22; Нуждин А.А. Теоретические аспекты предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 104; Уваров И.А. Указ. соч. С. 162.

² См.: Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 141–157.

³ См.: Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста: монография. М., 2019. 192 с.

– дифференцированный подход к выбору средств и методов исправительного воздействия, применяемого к представителям различных групп осужденных: 1) организаторам и координаторам террористической деятельности, руководителям террористических организаций, вербующих в их состав новых участников; 2) рядовым участникам террористических организаций, вовлеченных в их состав в силу стечения различных, в т.ч. тяжелых жизненных обстоятельств;

– специфическое психологическое воздействие на осужденных в процессе осуществления групповой и индивидуальной воспитательно-профилактической работы¹.

В данном случае предполагается обязательное вовлечение в исправительный процесс представителей исламских религиозных школ и иных духовных образовательных учреждений, которые способны обеспечить квалифицированное преподавание осужденным истинных постулатов ислама, раскрывающих содержание добра и справедливости в обществе и отвергающих терроризм в любом его проявлении.

Решение перечисленных задач повысит эффективность исправительного воздействия на осужденных за преступления террористического характера, что в свою очередь положительно отразится на достижении превентивной цели уголовного наказания. Наши предположения подтвердились в результате проведенного анкетирования: 86% опрошенных, у которых общий трудовой стаж по юридической специальности составляет более пяти лет, подтвердили необходимость создания специализированного исправительного учреждения для отбывания лишения свободы лицами, признанными виновными в совершении преступлений террористического характера и (или) исповедующих радикальные идеи псевдоисламизма.

Выводы:

¹ См.: Давиденко М.А., Букалерева Л.А., Кондратьев Д.А. Указ. соч. С. 122–123.

Обосновано предложение о создании специализированного вида исправительного учреждения для лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, а также исповедующих и пропагандирующих идеи псевдоисламизма и иных радикальных религиозных вероучений. С учетом особенностей личности псевдоисламиста – представителя террористической организации доказана необходимость привлечения профессиональных преподавателей исламских вузов для воспитательной работы с представителями данной категории осужденных в целях разъяснения истинных ценностей ислама как вероучения и этнокультуры.

Создание специализированного исправительного учреждения — тюрьмы для осужденных за преступления террористического характера, обеспечит:

- физическое ограничение осужденного возможности осуществлять террористическую деятельность в течение длительного срока изоляции от общества;

- исключение негативного влияния на других осужденных и распространения среди них радикальных псевдоисламистских идей, оправдывающих терроризм и насилие;

- дифференцированный подход к выбору средств и методов исправительного воздействия, применяемого к представителям различных групп осужденных: 1) организаторам и координаторам террористической деятельности, руководителям террористических организаций, вербующих в их состав новых участников; 2) рядовым участникам террористических организаций, вовлеченных в их состав в силу стечения различных, в т.ч. тяжелых жизненных обстоятельств;

- специфическое психологическое воздействие на осужденных в процессе осуществления групповой и индивидуальной воспитательно-профилактической работы, —

что в итоге приведет к существенному сокращению числа совершаемых преступлений террористического характера, а также количества приверженцев идеологии псевдоисламизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование различных проблем социально-правового предупреждения терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, позволило сформулировать следующие выводы и предложения научного и правоприменительного характера:

1. Предложено определение терроризма, основанного на псевдоисламской идеологии, — вид терроризма, идеологическую основу которого составляет псевдоисламское учение о социальных ценностях, поощряющее совершение насильственных и иных уголовно-наказуемых действий с целью формирования среди населения в целом или в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие решений органами власти в интересах ультраправых фундаменталистских организаций.

2. 1. Изучая современную трактовку термина «терроризм», следует отметить, что его общеэнциклопедическое значение сводится к следующим содержательным вариациям: «Терроризм (terror (лат.) — ужас, страх):

- политика и практика террора, вид насильственной преступности;
- насилие в отношении физических лиц или организаций, или угроза его применения, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей либо значительного имущественного ущерба, а также наступления иных общественно-опасных последствий, если перечисленные действия осуществляются с целью нарушить общественную безопасность, устрашить население, или оказать воздействие на принятие органами власти решений, выгодных террориста, или удовлетворить их неправомерные имущественные и (или) иные интересы; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное с целью прекратить его деятельность либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной

организации, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений ;

– в уголовном праве РФ — преступления против общественной безопасности, предусмотренное ст. 205 УК РФ».

3. Характерными признаками псевдоисламского терроризма, на основании которых он выделяется в самостоятельный вид, являются:

– осуществление террористической деятельности представителями одной этнонациональной и (или) конфессиональной группы;

– насилие и иные противоправные действия осуществляются для провозглашения своих политических идей и требований, которые основываются на утверждении превосходства представителей одной национальной или религиозной группы над представителями иных национальностей или религиозных объединений.

4. Терроризм, основанный на псевдоисламской идеологии, — вид терроризма, идеологическую основу которого составляет псевдоисламское учение о социальных ценностях, поощряющее совершение насильственных и иных уголовно-наказуемых действий с целью формирования среди населения в целом или в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие решений органами власти в интересах ультраправых фундаменталистских организаций.

Обоснована необходимость учета в качестве детерминант псевдоисламского терроризма следующих групп факторов:

– псевдорелигиозных (чрезмерно широкое толкование, явно искажающее истинный смысл постулатов из священных книг об основах ислама, в результате чего насилие становится одобряемым средством разрешения социальных конфликтов, приоритетным способом осуществления политической деятельности и выстраивания тоталитарного государственного объединения);

– социально-экономических (существенные различия в экономическом развитии различных регионов и стран, критические показатели социального расслоения, диспропорции благосостояния незначительной части общества и чрезвычайной бедности большей части населения, высокий уровень безработицы, рост маргинализации населения);

– политико-правовых (столкновение интересов многих государств мирового сообщества на территории стран Ближнего Востока: Ирак, Сирия и др. Это приводит к ослаблению легитимных органов власти и активизации деятельности псевдоисламистских преступных объединений по созданию государствовподобного образования — халифата);

– идеологических (кризис западноевропейский гуманитарных идеологий, гарантия социальных благ всем представителям мусульманского мира, защита от экспансии западноевропейской и североамериканской культуры, объединение всех мусульман под защитой единого государства — халифата, достижение политических и иных целей сугубо насильственными методами, пропаганда превосходства приверженцев псевдоисламистской идеологии).

5. В современной криминологии представлено достаточно большое количество видов классификаций типов личности преступника, включая личность террориста и экстремиста. Приведенные классификации строятся на различных основаниях, характеризуя социальные, психологические, экономические, правовые и иные качества личности. Общность характерных черт, присущих одной из обозначенных выше групп, позволяет определять авторам соответствующие типы личности преступника.

Предложенная нами классификация сформирована на основании предшествующих научных исследований типов личности этнорелигиозного террориста, а также на основании приговоров, вынесенных в отношении лиц, которые были признаны виновными в совершении различных преступлений террористического характера. Так, предлагается выделять следующие типы изучаемой личности в зависимости от:

– целей осуществления террористической деятельности: 1) идейный тип — осуществляет террористическую деятельность, руководствуясь неверными представлениями о справедливости и истинных общественных ценностях; 2) меркантильный (корыстный) тип — стремится получить материальную выгоду, что является доминирующим мотивом при осуществлении террористической деятельности.

– морально-волевых качеств: 1) лидерский — формирует террористическую организацию, руководит всей организацией или отдельным ее подразделением; 2) утверждающийся — испытывает потребность в признании собственных заслуг и значимости в террористической организации; 3) зависимый — принимает участие в осуществлении террористической деятельности ввиду прямой или опосредованной зависимости от иных участников террористической организации.

Наиболее распространенными типами участников террористических организаций являются меркантильный (корыстный) и зависимый. Для всех типов личности псевдоисламистов, осуществляющих террористическую деятельность, характерно использование религиозных постулатов в качестве средства оправдания вреда, который они причиняют обществу (идейный, меркантильный, утверждающийся и зависимый типы), а также в качестве средства вербовки кандидатов для вступления в террористические организации (лидерский тип).

Учет причин и условий терроризма, основу которого составляет псевдоисламская идеология, а также особенностей типов личности псевдоисламиста, осуществляющего террористическую деятельность, служит гарантией для выработки наиболее эффективных мер предупреждения указанного вида терроризма.

6. Все меры, направленные на борьбу с терроризмом, основу которого составляет псевдоисламская идеология, условно классифицируются на две большие группы:

1. Силовые меры;

2. Меры социально-правового характера.

Силовые меры реализуются в условиях активизации деятельности террористических организаций, осуществляющих подготовку и совершение преступлений террористического характера. Субъектами пресечения могут быть исключительно милитаризованные органы государственной власти. Меры, реализуемые в рамках силового пресечения, сводятся к решению, преимущественно, двух задач: физическое уничтожение террористов или их задержание для долгосрочной изоляции от общества.

Силовые меры и методы предупреждения псевдоисламистского терроризма эффективны только в краткосрочной перспективе и при условии их индивидуальной направленности на конкретных представителей псевдоисламистских террористических организаций. В среднесрочной перспективе политика силового противодействия псевдоисламистскому терроризму становится малоэффективной, а в долгосрочной – социально опасной, поскольку укрепляет в общественном сознании идею о приоритете применения силовых насильственных методов для разрешения социальных конфликтов и противоречий. Пропаганда силовых методов воздействия на представителей псевдоисламистских террористических организаций влечет за собой восприятие в обществе всех мусульман в качестве источника террористической опасности, что впоследствии может привести к очередным крупномасштабным социальным конфликтам.

Меры социально-правового характера обеспечивают достижение эффективных результатов предупреждения и профилактики данного вида терроризма в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Они многочисленны, носят комплексный характер и, формируясь на основании данных о детерминантах и личности представителя терроризма, являющегося приверженцем псевдоисламской идеологии, подразделяются на две подгруппы:

- 2.1. Общие меры: экономические, политические, социально-культурные;
- 2.2. Специальные: уголовно-правовые, пенитенциарные и др.

7. Представлено теоретическое обоснование выделения группы преступлений террористического характера. К ним относятся те виды общественно опасных деяний, которые непосредственно нарушают общественную безопасность и содержат в себе признаки террористической деятельности, т.е характеризуются совершением насильственных действий для обеспечения устрашения населения в целом, создания среди представителей отдельных социальных групп атмосферы страха и паники, что в итоге будет способствовать принятию органами власти соответствующих решений в интересах террористов. Таковыми преступлениями является террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Иные общественно опасные деяния, перечисленные в п. 2 примечания к ст. 205² УК РФ, по своей сущности создают условия для осуществления преступлений террористического характера или могут быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности.

8. Классификацию преступлений, представляющих собой проявления террористической деятельности или создающих предпосылки для ее осуществления, следует формировать на основании формального и материального критериев, т.е – положений действующего уголовного законодательства (ст. 205² УК РФ) и сущностных признаков терроризма. Отсюда выделяются следующие группы преступлений, являющиеся проявлением террористической деятельности:

1. Преступления террористического характера — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно связанные с применением насилия или угрозой его применения для устрашения населения в целом, формирования в отдельных социальных группах атмосферы страха и паники, оказания воздействия на принятие органами власти решений для обеспечения интересов террористических организаций и объединений;

2. Преступления террористической направленности — предусмотренные нормами гл. 24 УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно не содержащие в себе признаков терроризма, но создающие условия для осуществления террористической деятельности и (или) иным образом способствующие ее осуществлению;

3. Преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности – предусмотренные нормами различных глав Особенной части УК РФ общественно опасные деяния, которые не являются террористическими, но могут совершаться по мотивам и (или) ради достижения целей террористической деятельности.

4. Преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности. В данную группу предлагается объединить преступления, предусмотренные ст. с 222 по 223.1, 226 и 226.1 УК РФ.

К первой группе следует отнести те виды общественно опасных деяний, которые непосредственно нарушают общественную безопасность и содержат в себе признаки террористической деятельности, т.е характеризуются совершением насильственных действий для обеспечения устрашения населения в целом, создания среди представителей отдельных социальных групп атмосферы страха и паники, что в итоге будет способствовать принятию органами власти соответствующих решений в интересах террористов. Таковыми преступлениями является террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Ко второй группе преступлений относятся деяния, которые непосредственно не сопряжены с применением насилия и не предполагают выдвижение каких-либо требований в адрес должностных лиц органов власти и управления. Но, будучи посягательствами на общественную безопасность, данные деяния создают условия для совершения преступлений террористического характера и (или) позволяют оправдать уже совершенные

террористические посягательства, и (или) избежать ответственности за совершение виновными указанных преступлений. Эти деяния предусмотрены ст. 205¹ – 205⁶ УК РФ.

К третьей группе относятся преступления, которые в отдельных случаях могут быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности. Данный факт выявляется в процессе квалификации преимущественно при оценке мотивов и целей общественно опасного поведения. Поэтому законодательно определяемый их родовой объект для предложенной классификации не имеет существенного юридического значения. В данную группу мы предлагаем включить преступления, предусмотренные ст. 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ.

К четвертой группе можно отнести преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанного с осуществлением террористической деятельности. В данную группу предлагается объединить преступления, предусмотренные ст. с 222 по 223.1, 226 и 226.1 УК РФ.

9. В современной уголовно-правовой науке высказываются предложения о дополнении УК РФ нормами, предусматривающими ответственность за совершение деяний, представляющих собой разновидности террористической деятельности. Частично эти предложения находят практическую реализацию – ст. 361 УК РФ.

В принципе действующее уголовное законодательство, касательно преступлений террористического характера, является сформированным и устанавливает ответственность за указанные деяния преимущественно общими уголовно-правовыми нормами. Их толкование к настоящему времени не вызывает значительных затруднений в процессе квалификации, что подтверждается анализом материалов судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористического характера.

Учитывая данные обстоятельства, предложения о дополнении уголовного закона специальными нормами, устанавливающими уголовную ответственность за деяния, которые признаются проявлением отдельных

разновидностей терроризма, в т.ч. псевдоисламистского, мы считаем необоснованными. Включение в УК РФ специальных норм о террористическом акте или захвате заложника не вызвано необходимостью устранения пробела в уголовном праве, но создаст дополнительные трудности при квалификации ввиду появления конкуренции общей и специальной уголовно-правовой нормы.

10. Для обеспечения унифицированного подхода в изложении юридически значимых признаков составов преступлений террористического характера, а также для надлежащей оценки общественной опасности деяний, содержащих в себе квалифицирующие признаки, предлагается:

– изложить часть вторую статьи 205 УК РФ в следующей редакции:

«2. Те же деяния, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору;

б) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии;

в) совершены с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ;

г) совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, —

наказываются ...»;

– изложить часть третью статьи 205 УК РФ в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли тяжкие последствия, —

наказываются ...»;

– -дополнить часть вторую статьи 206 УК РФ пунктом «и» следующего содержания:

«и) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, —»;

– часть четвертую статьи 206 УК РФ признать утратившей силу;

– в пункте «в» части второй ст. 105 УК РФ после слов «а равно совершенное с похищением человека» дополнить словами «или захватом заложника».

11. Обосновано предложение о создании специализированного вида исправительного учреждения для лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, а также исповедующих и пропагандирующих псевдорелигиозные идеологии, включая идеи псевдоисламизма. С учетом особенностей личности псевдоисламиста — представителя террористической организации доказана необходимость привлечения профессиональных преподавателей исламских вузов для воспитательной работы с представителями данной категории осужденных в целях разъяснения истинных ценностей ислама как вероучения и этнокультуры.

Создание специализированного исправительного учреждения — тюрьмы для осужденных за преступления террористического характера, обеспечит:

– физическое ограничение осужденного возможности осуществлять террористическую деятельность в течение длительного срока изоляции от общества;

– исключение негативного влияния на других осужденных и распространения среди них радикальных псевдоисламистских идей, оправдывающих терроризм и насилие;

– дифференцированный подход к выбору средств и методов исправительного воздействия, применяемого к представителям различных групп осужденных: 1) организаторам и координаторам террористической деятельности, руководителям террористических организаций, вербующих в их состав новых участников; 2) рядовым участникам террористических

организаций, вовлеченных в их состав в силу стечения различных, в т.ч. тяжелых жизненных обстоятельств;

– специфическое психологическое воздействие на осужденных в процессе осуществления групповой и индивидуальной воспитательно-профилактической работы, —

что в итоге приведет к существенному сокращению числа совершаемых преступлений террористического характера, а также количества приверженцев псевдорелигиозных идеологий, оправдывающих и поощряющих насилие и иные формы противоправных действий в отношении неопределенного круга граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. 25 дек.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 5 янв.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
5. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М.: Госполитиздат, 1956. С. 14-47.
6. Шанхайская конвенция от 15.06.2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 1. Ст. 3947.
7. Европейская конвенция от 27.01.1977 г. о пресечении терроризма // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 135-140.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
9. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта.
10. Указ Президента РФ от 2.07.2021. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

11. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.10.2009 г. // Российская газета. 2009. 20 окт.
12. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. 25 окт.
13. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (в ред. от 28.09.2018 № 4) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; <http://www.pravo.gov.ru> – 21.04.2020).
14. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2013 год. Тверь, 2014.
15. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2014 год. Тверь, 2015.
16. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2015 год. Тверь, 2016.
17. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2016 год. Тверь, 2017.
18. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2017 год. Тверь, 2018.
19. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2018 год. Тверь, 2019.
20. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2019 год. Тверь, 2020.
21. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2020 год. Тверь, 2021.
22. Форма: 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за 2021 год. Тверь, 2022.

23. Полный текст обращения Владимира Путина о начале спецоперации в Донбассе / Москва. 24 февраля 2022 года / INTERFAX.RU [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/824020> (дата обращения: 20.04.2022).

Монографии, книги, комментарии к законодательству

24. Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе «Город — территория безопасности»: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Розенко. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2018. 292 с.

25. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.

26. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2010. 248 с.

27. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2006. 858 с.

28. Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма: монография. М.: Юрайт, 2008. 160 с.

29. Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный: ГУ «Книжное издательство, 2004. 174 с.

30. Горбунов К.Г. Терроризм: социально-психологическое исследование: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 384 с.

31. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Том 3. М.: Цитадель, 1998. 4472 с.

32. Дементьев С.И. Четверть века в лагерях и колониях Советского Союза: правда и вымысел. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2002. 451 с.

33. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2016. 400 с.

34. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 604 с.
35. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 495 с.
36. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М.: Норма, 2003. 142 с.
37. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества. М.: Кросна-Лекс, 1997. 159 с.
38. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Части Первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Инфра-М, 2005. 1062 с.
39. Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2004. 448 с.
40. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2005. 171 с.
41. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.
42. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 312 с.
43. Крупнов А. «Исламское государство». Пропаганда группировки и механизмы ее распространения: Аналитический доклад. М.: Центр изучения новых коммуникаций, 2017. 123 с.
44. Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. 352 с.
45. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» М.: Городец, 2007. 336 с.
46. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография / под ред. А.В. Наумова. М.: Юрист, 2002. 288 с.

47. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 400 с.
48. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. 408 с.
49. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
50. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. 149 с.
51. Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права. М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992. 71 с.
52. Новый энциклопедический словарь. М.: Рипол классик, 2004. 1455 с.
53. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. М.: Инфра-М, 2007. 408 с.
54. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2020. 1376 с.
55. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
56. Панов В.П. Международное уголовное право. М.: Инфра-М, 1997. 320 с.
57. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
58. Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект, 2019. 120 с.
59. Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. 364 с.
60. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. В 2-х томах. Т. II. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 365 с.

61. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: ИД Томского государственного университета, 2017. 284 с.
62. Рамаданов Т. Салафия: взгляд изнутри. М.: НПЦ «Аль-Васатыя – умеренность», 2017. 32 с.
63. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. 600 с.
64. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста: монография. М.: Пер Сэ, 2012. 192 с.
65. Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 114 с.
66. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 318 с.
67. Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право: к 2000-летию христианства. М.: МНЭПУ, 2000. 100 с.
68. Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика: теоретическое обоснование и проблемы реализации в контексте достижения целей уголовного наказания: монография. М.: Илекса, 2007. 172 с.
69. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 408 с.
70. Уголовное преследование терроризма: монография / Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. и др. М.: Юрайт, 2008. 160 с.
71. Упоров И.В. Правовое регулирование прав человека в местах лишения свободы / под ред. М.П. Мелентьева. Рязань: Рязанский институт права и экономики, 1998. 95 с.

72. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М.: Юрлитинформ, 2002. 560 с.
73. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 416 с.
74. Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск: Тесей. 2000. 336 с.
75. Фуко М. Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
76. Хмелевский С.В. Захват заложника: уголовно-правовой, виктимологический, частноправовой аспекты. Научное издание. М.: ПЕР СЭ, 2008. 114 с.
77. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы: Учебное пособие. Казань: Хузур-Спокойствие, 2015. 336 с.
78. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 434 с.
79. Энциклопедия уголовного права. Т. 21. Преступления против общественной безопасности общественного порядка — Издание профессора Манинина. СПб.: СПб ГКА, 2013. 1072 с.
80. Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боровиков и др. / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.

Научные статьи

81. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 18–23.
82. Аксенов С.Г. Российское законодательство, предусматривающее наказание за поджоги в XVIII веке // История государства и права. 2007. № 4. С. 27–28.

83. Антонян Ю.М. Криминология и аналитическая психология // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 130–138.
84. Бавсун М.В., Николаев К.Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, сопряженных с убийством // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 31–34.
85. Багнычев М.Ю. Криминологическая характеристика личности террориста, отбывающего наказание в местах лишения свободы, профилактика радикализации осужденных // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2. С. 12–14.
86. Барановский Н.А. Социальная профилактика антиобщественных явлений в системе антидевиантной политики // Logos et Praxis. 2019. Т. 19. № 2. С. 87–97.
87. Бельский А.Е. Объект преступления «Захват заложника» (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации) // NovaUm.ru. 2018. № 14. С. 236–239.
88. Богатова Е.В., Кочеткова Н.В. Роль и социальная ценность предупреждения преступности в жизни общества // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 229–237.
89. Вавилов А. Ближний Восток: тяжкое наследие для Барака Обамы // Обозреватель–Observer. 2009. № 7. С. 109–119.
90. Валишин Э.Х. Исламистский терроризм и пути его предотвращения в современном мире / Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия» (Уфа, 9-10 ноября 2016 г.). Уфа: Мир печати, 2016. С. 382–384.
91. Варзина Т.А. О некоторых аспектах предупреждения преступности // Закон. Право. Государство. 2018. № 2. С. 243–246.

92. Васильев Д.И., Колесниченко В.И. Терроризм и его общая стратегия / Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Ч. 2. / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2017. С. 223–228.

93. Векленко В.В. Значение объекта преступления / Учение об объекте преступления. Тенденции и перспективы развития: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П.Н. Путилов. Омск: Омская академия МВД России, 2005. 138 с.

94. Вороной В.В. Система преступлений, связанных с неисполнением судебных актов по гражданским делам // Общество и право. 2009. № 1. С. 153–155.

95. Гааль Е.А. Цели и интересы США в сирийском конфликте в 2011–2018 // Вестник современных исследований. 2018. № 9.3. С. 121–123.

96. Габдрахманов Р.Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. № 4. С. 16–20.

97. Гаврилов Б.Я., Павлинов А.В. Некоторые вопросы законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма // Российский следователь. 2006. № 2. С. 21–26.

98. Газизулин А.И. Криминологическая характеристика личности террориста нашего времени // NOVAINFO.RU. 2018. Т. 1. № 84. С. 161–165.

99. Гедиев М.Ш. Незаконный оборот оружия массового поражения в системе преступлений против мира и безопасности человечества // Общество и право. 2010. № 4. С. 171–173.

100. Гишинский, Я. И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2005. № 1. С. 17–21.

101. Глазунова Е.Н. Гуантанамо: история с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». 2011. № 3. С. 153–183.

102. Гнедов Е.В. Противодействие насильственному экстремизму // Российский следователь. 2014. № 10. С. 34–36.
103. Говоров И.Г. Похищение человека и захват заложника: проблема разграничения // Уголовное право. 2019. № 4. С. 28–35.
104. Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. Проблемные вопросы противодействия механизмам финансирования терроризма // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 158–160.
105. Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31–40.
106. Гришко А.Я. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 29–35.
107. Гуринская А.Л. Принудительные превентивные меры в системе предупреждения преступлений в США и Великобритании: понятие и классификация // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2018. № 1. С. 14–19.
108. Давиденко М.А. Конкуренция отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 89–96
109. Давиденко М.А. Криминологические характеристики современного исламистского терроризма / Современное состояние и пути развития уголовной политики: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.Ю. Скрипченко, Я.А. Корнеевой. Архангельск: САФУ, 2019. С. 18–24.
110. Давиденко М.А. Определение детерминационного комплекса террористической деятельности в современном российском обществе // Современный юрист. 2018. № 4. С. 125–130.

111. Давиденко М.А., Букалерева Л.А., Кондратьев Д.А. Пенитенциарные средства пресечения религиозного терроризма // Образование и право. 2019. № 7. С. 120–123.

112. Давиденко М.А. Конкуренция отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 89–96.

113. Давиденко М.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству США и Великобритании // Образование и право. 2018. № 12. С. 304–307.

114. Давиденко М.А. Противодействие распространению террористической идеологии на постсоветском пространстве // Образование и право. 2018. № 11. С. 333–335.

115. Давиденко М.А. Общественная опасность создания преступного сообщества, специализирующегося на осуществлении террористической и экстремистской деятельности // Евразийская адвокатура. 2018. № 6. С. 98–101.

116. Давиденко М.А. О юридически значимых признаках категории «преступление террористического характера» / Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов / под ред. О.Н. Дядькина, Т.А. Ткачук, А.И. Неряхина. Вып. 10. Владимир: изд-во «Шерлок-пресс», 2020. С. 125–129.

117. Давиденко М.А. Особенности правовой регламентации действий террористического характера в уголовном законодательстве стран англосаксонской и романо-германской правовой системы / Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2019. С. 221–231.

118. Давиденко М.А. Религиозный терроризм: понятие и содержание / Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов

VII-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: Северо-Западный филиал РГУП, 2019. С. 544–548.

119. Давиденко М.А. Криминологические характеристики современного исламистского терроризма / Современное состояние и пути развития уголовной политики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Архангельск: САФУ, 2019. С. 18–24.

120. Давиденко М.А. О юридически значимых признаках категории «преступление террористического характера» / Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов / под ред. О.Н. Дядькина, Т.А. Ткачук, А.И. Неряхина. Вып. 10. Владимир: изд-во «Шерлок-пресс», 2020. С. 125–129.

121. Давиденко М.А. Особенности правовой регламентации действий террористического характера в уголовном законодательстве стран англосаксонской и романо-германской правовой системы / Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2019. С. 221–231.

122. Давиденко М.А. Религиозный терроризм: понятие и содержание / Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: Северо-Западный филиал РГУП, 2019. С. 544–548.

123. Давиденко М.А. Криминологические характеристики современного исламистского терроризма / Современное состояние и пути развития уголовной политики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Архангельск: САФУ, 2019. С. 18–24.

124. Davidenko Marina. Social, enlightenment and penal measures to prevent Islamist terrorism // All issues Volume 135 (2019) E3S Web Conf., 135 (2019) 04064 // <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201913504064> / 04.12.2019.

125. Дамаскин О.В. Россия в XXI веке: цивилизационный подход к укреплению суверенитета и национальной безопасности современного государства // Военное право. 2019. № 6. С. 10–18.

126. Дашаев Р.Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2007. № 6. С. 226–228.

127. Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. 2018. № 9. С. 75–90.

128. Емельянец А.Г. Терроризм как один из видов деятельности организованной преступности // Российский следователь. 2009. № 24. С. 16–22.

129. Жаглин А.В. Общественная безопасность как социальное явление и элемент системы национальной безопасности // Воронежский институт МВД России. 2007. № 1. С. 31–34.

130. Захаров К.П. Идея исламского халифата как постоянный фактор исламофобии в современных условиях // Философия права. 2018. № 3. С. 111–116.

131. Иванов П.И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 45–50.

132. Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 98–104.

133. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 141–157.

134. Капитонова Е.А. Новые подходы к определению транспортного терроризма и борьбе с ним / Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Иркутск, 27 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. С. 90–98.

135. Касьяненко М.А., Роцин А.С. О некоторых криминологических особенностях личности преступника, совершившего преступление на почве ксенофобии // Российский следователь. 2013. № 15. С. 37–40.

136. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628.

137. Кобец П.Н. Противодействие терроризму в авиационной сфере: положительный опыт и проблемы // Российский следователь. 2018. № 9. С. 53–56.

138. Койбаев Б.Г., Зассеева А.М. Классификация преступлений экстремистской направленности / Экстремизму – отпор: Материалы VII Международного молодежного юридического форума (Владикавказ, 22–24 ноября 2018 года) / под ред. Л.Т. Кокоевой, А.М. Цалиева. Владикавказ: СКГМИ (ГТУ), 2019. С. 169–175.

139. Кругликов Л.Л. к вопросу о классификации объектов преступлений / Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи 1982 – 1999 гг. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. С. 5–15.

140. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Идрисов К.Р. Классификация преступлений против правосудия // Российский судья. 2007. № 1. С. 7–10.

141. Курсаев А.В. Критерий риска в понятийно-категориальной классификации составов преступлений в уголовном праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 498–506.

142. Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Абашина Л.А. Система мер предупредительного воздействия на преступность террористической направленности // Российский следователь. 2019. № 8. С. 66–69.

143. Леготин М.П., Голубых Н.В., Алимбиев С.А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 161–167.

144. Литвинова Т.Н. Новый поворот идеологии «джихада» на Северном Кавказе: информационное противодействие угрозам // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 124–141.

145. Лобанов К.Н. Феномен паники как объект научного анализа политико-социальной теории // Среднерусский вестник общественных наук. 2006. № 1. С. 82–88.

146. Макарян Т.А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 1. С. 113–117.

147. Максимов С.В. Цель терроризма – уголовно-правовые аспекты // Российский следователь. 2007. № 21. С. 13–15.

148. Малахов Ю.И. Исламофобия и другие факторы радикализации образа мусульманина в российском обществе // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. С. 42–46.

149. Мальков С.М. Модель противодействия терроризму в Российской Федерации: современное состояние, недостатки, пути совершенствования // Современное право. 2018. № 9. С. 111–115.

150. Маршакова Н.Н. Дефиниция терроризма в доктринальных и законодательных источниках // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 232–239.

151. Маршакова Н.Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Безопасность бизнеса. 2007. № 4. 5–8.

152. Махлина С.Т. Семиотика терроризма // Клио. 2017. № 9. С. 27–39.

153. Меркурьев В.В. Террористические преступления в новой редакции Уголовного кодекса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 47–55.

154. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 47–51.

155. Меркурьев В.В., Тисен О.Н. Проблемы противодействия экстремистско-террористической идеологии в местах лишения свободы в свете борьбы с международным терроризмом / Сборник материалов IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». В 10-ти томах. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 213–221.

156. Меркурьев В.В., Ульянов М.В., Горшечникова Е.П. Уровень террористической угрозы в контексте моделирования влияния макроэкономических показателей // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 676–686.

157. Милюков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 107–116.

158. Миронова О.А. Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 29–31.

159. Митрофанова А.В. Политическая религия и фундаментализм // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2004. № 1. С. 55–71.

160. Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 56–64.

161. Нуждин А.А. Теоретические аспекты предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 103–106.

162. Павлов А.А. Преступления террористического характера: правовое содержание и место в системе посягательств на общественную безопасность // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2. С. 13–16.

163. Паненков А.А. Проблемы оптимизации реагирования на организованную преступность, в том числе на преступления террористического и экстремистского характера в Южном федеральном округе в 2011 году // Военно-юридический журнал. 2012. № 5. С. 2–10.

164. Пролетенкова С.Е. Исламский фундаментализм: сущность, тенденции, особенности // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 51–53.

165. Пфаннер Т. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // Военно-юридический журнал. 2014. № 5. С. 12–28.

166. Рарог А.И. Уголовный кодекс против терроризма // *Lex russica*. 2017. № 4. С. 155–178.

167. Речь Каляева // Революционная Россия. 1905. № 66. 5 мая. С. 1–2.

168. Романов Е.И. Квалифицированные виды террористического акта / Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Е. Бурый. Минск: Могилевский институт МВД РБ, 2017. С. 228–232.

169. Селезнев И.А. Идеология исламского экстремизма в делинквентной среде России, СНГ и Западной Европы: причины распространения, вызовы и риски // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 2. С. 95–100.

170. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 133–140.

171. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Международно-правовые акты, посвященные противодействию терроризму и захвату заложников // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 42–46.
172. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Уголовная ответственность за захват заложника (уголовно-правовые аспекты квалификации) // Знание. 2019. № 9-1. С. 89–94.
173. Сидоров Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 115–122.
174. Соколов Р.В. К вопросу о видах современного терроризма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: «Общественные науки». 2008. № 4. С. 106–108.
175. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 52–55.
176. Соснин В.А., Ковалева Ю.В. Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Политическая психология. 2017. Том 2. № 2. С. 116–151.
177. Сысоев А.М. Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 126–128.
178. Сыч К., Литвинов И. Классификация преступлений против правосудия по признакам субъекта // Уголовное право. 2008. № 1. С. 69–71.
179. Таможник Е. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления // Законность. 2006. № 3. С. 30–32.
180. Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 101–106.

181. Тенгизова Ж.А. Межконфессиональное взаимодействие в противодействии экстремизму и терроризму // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-2. С. 144–147.
182. Федорченко, Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Международные отношения и мировая политика // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 174–183.
183. Хлебущкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82–87.
184. Хлопов О.А. Внешняя политика США на Ближнем Востоке: традиции и возможные изменения // Наука без границ. 2019. № 10. С. 55–63.
185. Шерникова Д.А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 28–32.
186. Шестаков Д.А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии (политико-криминологическое эссе) // Следователь. 2003. № 2. С. 43–46.
187. Шихов А.Л. Классификация видов терроризма // Отечественная юриспруденция. 2019. № 4. С. 45–49.
188. Шободоева А.В. Террор и терроризм: проблема понятийного аппарата // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 20–28.
189. Шумилина И.В. Современный исламизм: что это значит для Ближнего Востока и остального мира // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5. С. 86–93.
190. Юрьева А.Д. Роль и место Российской Федерации в международной системе противодействия отмыванию нелегальных доходов и

финансированию терроризма // Финансовые исследования. 2019. № 3. С. 46–51.

Диссертации, авторефераты диссертаций

191. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 476 с.

192. Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2003. 36 с.

193. Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 25 с.

194. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 56 с.

195. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 219 с.

196. Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Новочеркасск, 2011. 58 с.

197. Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. 46 с.

198. Дашаев Р.Х. Религиозные аспекты современного исламистского терроризма (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

199. Демиров К.К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма (По материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 162 с.

200. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 345 с.

201. Допилка С.О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. 24 с.

202. Дьячковский С.А. Теоретические основы противодействия преступности в условиях новых тенденций криминальной ситуации в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. 54 с.

203. Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве: опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

204. Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 28 с.

205. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.

206. Кабидуллинов Е.А. Теоретические и прикладные аспекты предупреждения преступлений в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Костанай, 2012. 31 с.

207. Казаков Р.Ю. Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.

208. Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 35 с.

209. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 302 с.

210. Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2019. 42 с.
211. Кузьменко В.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2009. 256 с.
212. Латышева Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 269 с.
213. Лебедев И.В. Личность осужденного террориста: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 32 с.
214. Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 24 с.
215. Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 222 с.
216. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. 24 с.
217. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. 229 с.
218. Моисеенко А.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 192 с.
219. Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2017. 633 с.
220. Никитин А.В. Терроризм как форма девиантного поведения. Криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 155 с.

221. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 501 с.
222. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.
223. Сердюков Д.Е. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: разработка, реализация, общественное восприятие: 1991 – 2008 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 257 с.
224. Сипки М.В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 177 с.
225. Сопов Д.В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 32 с.
226. Суворов В.А. Уголовная ответственность за акт международного терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 25 с.
227. Таджиханов Б.У. Терроризм: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2004. 22 с.
228. Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
229. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.
230. Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 25 с.

231. Филиппов Р.А. Личность осужденного и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 25 с.

232. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 43 с.

233. Хассимиу Б. Международный терроризм и проблема региональной безопасности в Западной Африке и начале XXI века (на примере Мали и Нигерии): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 36 с.

234. Чернядьева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 540 с.

235. Шарипов А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 35 с.

236. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2012. 26 с.

Материалы судебной практики

237. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р // Российская газета. 2009. 27 ноября.

238. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2.02.1999 г. № 3-П // Российская газета. 1999. 10 февр.

239. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февр.

240. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февр.

241. Полякова и другие против Российской Федерации: жалобы в ЕСПЧ №№ 35090/09, 35845/11, 45694/13 и 59747/14 / Постановление от 7.03.2017 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8. С. 43–67.

Иностраные источники информации

242. Daskal J. Pre-Crime Restarints: The Explosion of Targeted, Non-Custodial Prevention // Cornell Law Review. 2014. Vol. 99. № 2. P. 327–386.

243. Ibrahim R. The Al Queda Reader. NY: BrodwayBooks, 2007. 318 p.

244. Ogg J. Preventive Justice and the Power of Policy Transfer. Springer, 2015. 253 p.

Интернет-ресурсы

245. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12.12.2017 № 201-АПУ17-45 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12122017-n-201-apu17-45/> (дата обращения: 31.07.2021).

246. Асад в письме попросил Путина о военной поддержке / Газета.ru. 2015. 30 сент. [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2015/09/30/n_7651301.shtml (дата обращения: 28.01.2022).

247. Бирюков Е. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2016. № 11.

— URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765> (дата обращения: 31.03.2022).

248. В британских тюрьмах испугались доминирования исламистов [Электронный ресурс] // URL: https://lenta.ru/news/2019/06/07/muslim_gangs/ (дата обращения: 20.03.2020); Количество заключенных по странам: ICPR [Электронный ресурс] // URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/prison-population> (дата обращения: 20.03.2022).

249. Вершинин М.В. Психологические особенности членов деструктивных и террористических (радикальных) групп. [Электронный ресурс] // URL: <https://bookap.info/sociopsy/verhinin/> (дата обращения: 15.04.2022).

250. Доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике с 8 июля 2017 года по 15 января 2018 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/CoISyria/A-HRC-37-72_RU.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

251. Как устроено «Исламское государство»: истоки, цели, финансы [Электронный ресурс] // URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion (дата обращения: 20.03.2022).

252. Комиссия ООН требует закрыть тюрьму в Гуантанамо [Электронный ресурс] // URL: <https://www.svoboda.org/a/131618.html> (дата обращения: 11.07.2021).

253. Косенок А., Чернышева Е., Шкуренко О. Три года удару в спину. Обстоятельства и последствия турецкой атаки на российский Су-24 [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 24 нояб. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3811096> (дата обращения: 31.03.2022).

254. Куликов А.С. Исламизм и национальная безопасность Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт социальных и политических

исследований РАН — URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

255. Определение № 2-0122/99 / Обзор кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за 2000 год [Электронный ресурс] // URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_8435.htm (дата обращения: 21.07.2018).

256. Опрос: 66% жителей США против закрытия Гуантанамо [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2014/06/14/n_6228465.shtml (дата обращения: 11.07.2021).

257. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

258. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

259. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

260. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

261. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

262. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

263. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

264. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

265. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

266. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.03.2023).

267. Официальный сайт ФСБ России [Электронный ресурс] // Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 21 февраля 2023 г.) — URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 01.03.2023).

268. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.11.2007 г. № 754-ПО6 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 18.07.2019).

269. Приговор от 13.06.2019 г. по уголовному делу № 1-59/2019, вынесенный Заводским районным судом г. Грозного Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

270. Приговор от 24.05.2018 г. по уголовному делу № 2-6/2018, вынесенный Верховным Судом Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

271. Приговор от 20.02.2017 г. по уголовному делу № 1-19/2017, вынесенный Шатойским районным судом Чеченской Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

272. Приговор от 24.07.2015 г. по уголовному делу № 1-20/2015, вынесенный Северо-Кавказским окружным военным судом [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

273. Приговор от 21.04.2015 г. по уголовному делу № 2-8/2015, вынесенный Верховным Судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

274. Приговор от 12.12.2014 г. по уголовному делу № 2-8/2014, вынесенный Верховным Судом Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

275. Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 27.11.2013 № 2-17/2013; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.04.2014 № 20-АПУ14-7 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 31.07.2021).

276. Приговор от 25.04.2012 г. по уголовному делу № 1-34/2012, вынесенный Кизлярским районным судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022)

277. Приговор от 23.04.2012 г., вынесенный Дербентским районным судом Республики Дагестан [Электронный ресурс] // URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/491089936?text=исламский+терроризм&type=669300003&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number= (дата обращения: 15.04.2022).

278. Приговор от 28.10.2009 г. по уголовному делу № 2-13/2009, вынесенный Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

279. Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 30.04.2020) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 – 2026 годы)»» [Электронный ресурс] //

Справочно-правовая система «Консультант Плюс» — URL: <https://http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.07.2021).

280. Радикальный псевдоислам рвется в бой [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sb.by/articles/radikalnyy-psevdoislam-rvetsya-v-boy.html?ysclid=lfjgf644xt251841829> (дата обращения: 01.03.2023).

281. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13.04.2005 г. № 59/290 о принятии Международной конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций — URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/290> (дата обращения: 31.03.2022).

282. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1997 г. № 52/164 о принятии Международной конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 31.03.2022).

283. Религия по странам 2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country> (дата обращения: 01.03.2023).

284. Решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. №АКПИ14-1424С [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2015/09/30/n_7651301.shtml (дата обращения: 28.01.2022).

285. РИА Новости [Электронный ресурс] // ФСБ ликвидировала в Волгоградской области ячейку исламистов — URL: <https://ria.ru/20200731/1575199779.html> (дата обращения: 31.07.2021).

286. Российский Генеральный штаб заявил о полном освобождении Сирии от террористов ИГИЛ / Официальный сайт Минобороны России [Электронный ресурс] // URL:

https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12153928@egNews (дата обращения: 28.01.2022).

287. Теракты 2022 года, список и краткое описание [Электронный ресурс] // URL: <https://posredi.ru/terakty-2022-goda-spisok-i-kratkoe-opisanie.html> (дата обращения: 01.03.2023).

288. Тульский М. Истинные причины войны в Чечне [Электронный ресурс] // ГолосИслама.ru — URL: <https://golosislama.com/news.php?id=3587> (дата обращения: 31.03.2022).

289. Указ Президента РФ от 28.11.2014 г. №Пр-2753 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

290. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» — URL: [https:// http://www.consultant.ru/](https://http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 31.03.2022).

291. Чаликов И. Терроризм. Террористические преступления / История и политика. 23.11.2014 [Электронный ресурс] // URL: <https://proza.ru/2014/11/23/209> (дата обращения: 31.03.2022).

292. Шведов Г. «Сафари по-сирийски». Рассказ бывшего боевика, сбежавшего из ИГИЛ [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. 2017. 26 июля. — URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/Safari_Siria_rasskaz_boevika (дата обращения: 31.03.2022).

293. At least 100 of the 603 freed Guantanamo Bay prisoners have returned to terrorism, U.S. intelligence report reveals [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2417226/Guantanamo-Bay-One-ex-Gitmo-inmates-return-terrorism.html> (дата обращения: 11.07.2021).

294. Authorization for Use Military Force, P.L. 107-40. 18.09.2001
[Электронный ресурс] // URL:
<http://news.findlaw.com/wp/docs/terrorism/sjres23.es.html> (дата обращения:
11.07.2021).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО В ПРОЦЕССЕ
ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос № 1. Каков Ваш общий трудовой стаж по юридической специальности?

- 1) до 5 лет
- 2) до 10 лет
- 3) до 15 лет
- 4) свыше 15 лет

Ответ № 1.

- 1) 0 (анкеты, полученные от респондентов, не учитывались)
- 2) 78 чел. / 49%
- 3) 49 чел. / 31%
- 4) 33 чел. / 20%

Вопрос № 2. Является ли современный псевдоисламистский терроризм более опасным социальным явлением по сравнению с традиционным терроризмом?

- 1) является более опасным
- 2) является менее опасным
- 3) принципиально не отличается

Ответ № 2.

- 1) 104 чел / 65%
- 2) 9 чел. / 6%
- 3) 47 чел. / 29%

Вопрос № 3. Какие меры противодействия псевдоисламистскому терроризму являются наиболее эффективными ?

- 1) силовые, вплоть до физического уничтожения
- 2) общие меры социально-правового характера: обеспечение материальных потребностей, трудовая занятость, социальные гарантии, просвещение, воспитание и т.п.
- 3) меры уголовно-процессуального пресечения, уголовное наказание и иные меры уголовно-правового и пенитенциарного воздействия

Ответ № 3.

- 1) 23 чел. / 14%
- 2) 111 чел. / 69%
- 3) 26 чел. / 16%

Вопрос № 4. Есть ли необходимость включения в Особенную часть УК РФ отдельной главы «Преступления террористического характера»?

- 1) необходимость имеется
- 2) необходимость отсутствует
- 3) затрудняюсь ответить

Ответ № 4.

- 1) 8 чел. / 5%
- 2) 147 чел. / 92%
- 3) 5 чел. / 3%

Вопрос № 5. Применение какого уголовного наказания является наиболее перспективным для лиц, признанных виновными в совершении преступлений террористического характера и исповедующих радикальные идеи псевдоисламизма?

- 1) наказания, не связанные с изоляцией от общества
- 2) лишение свободы на незначительный срок — до пяти лет
- 3) лишение свободы на длительный срок — свыше пяти лет
- 4) пожизненное лишение свободы
- 5) смертная казнь

б) затрудняюсь ответить

Ответ № 5.

1) 0 чел.

2) 6 чел. / 4%

3) 121 чел. / 76%

4) 31 чел. / 19%

5) 2 чел. / 1%

б) 0 чел.

Вопрос № 6. Имеется ли необходимость в создании специализированного исправительного учреждения для отбывания лишения свободы лицами, признанными виновными в совершении преступлений террористического характера и (или) исповедующих радикальные идеи псевдоисламизма?

1) необходимость имеется

2) необходимость отсутствует

3) затрудняюсь ответить

Ответ № 6.

1) 138 чел. / 86%

2) 11 чел. / 7%

3) 11 чел. / 7%

**ЕДИНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ,
ПРИЗНАННЫХ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ**

№ п/п	Наименование организации	Суд, вынесший решение (приговор), дата вынесения решения (приговора) и номер дела (при наличии), дата вступления решения (приговора) в законную силу
1	«Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
2	«Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
3	«База» («Аль-Каида»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
4	«Асбат аль-Ансар»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
5	«Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
6	«Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003

7	«Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
8	«Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
9	«Лашкар-И-Тайба»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
10	«Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
11	«Движение Талибан»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
12	«Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
13	«Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
14	«Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003

15	«Дом двух святых» («Аль-Харамейн»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003
16	«Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии)	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.06.2006 № ГКПИ 06-531, вступило в силу 16.06.2006
17	«Исламский джихад – Джамаат моджахедов»	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.06.2006 № ГКПИ 06-531, вступило в силу 16.06.2006
18	«Аль-Каида в странах исламского Магриба»	Верховный Суд Российской Федерации, от 13.11.2008 № ГКПИ 08-1956, вступило в силу 27.11.2008
19	«Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715, вступило в силу 24.02.2010
20	«Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБТО)»	Московский городской суд, от 28.06.2013 № 3-67/2013, вступило в силу 27.11.2013
21	Террористическое сообщество – структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым	Московский городской суд, от 17.12.2014 б/н, вступил в силу 30.12.2014
22	«Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015
23	Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) (другие названия: «Джабха аль-	Верховный Суд Российской Федерации,

	Нусра ли-Ахль аш-Шам» (Фронт поддержки Великой Сирии)	от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015
24	Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского»	Московский городской суд, от 18.02.2015 № 3-15/2015, вступило в силу 12.08.2015
25	«Аджр от Аллаха Субхану уа Тагьяля SHAM» (Благословение от Аллаха милоственного и милосердного СИРИЯ)	Московский окружной военный суд, от 28.12.2015 № 2-69/2015, вступил в силу 05.04.2016
26	Международное религиозное объединение «АУМ Синрике» (AumShinrikyo, AUM, Aleph)	Верховный Суд Российской Федерации, от 20.09.2016 № АКПИ 16-915С, вступило в силу 25.10.2016
27	«Муджахеды джамаата Ат-Тавхида Валь-Джихад»	Московский областной суд, от 28.04.2017 № 3а-453/17, вступило в силу 02.06.2017
28	«Чистопольский Джамаат»	Приволжский окружной военный суд, от 23.03.2017 № 1-2/2017, вступил в силу 31.08.2017
29	«Рохнамо ба суи давлати исломи» («Путеводитель в исламское государство»)	Московский окружной военный суд, от 22.02.2018 № 2-1/2018, вступил в силу 24.07.2018
30	Террористическое сообщество «Сеть»	Московский окружной военный суд, от 17.01.2019 № 2-132/2018, вступил в силу 14.03.2019
31	«Катиба Таухид валь-Джихад»	Московский окружной военный суд, от 05.06.2019 № 2-63/2019,

		вступил в силу 05.07.2019
32	«Хайят Тахрир аш-Шам» («Организация освобождения Леванта», «Хайят Тахрир аш-Шам», «Хейят Тахрир аш-Шам», «Хейят Тахрир Аш-Шам», «Хайят Тахри аш-Шам», «Тахрир аш-Шам»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 04.06.2020 № АКПИ20-275С, вступило в силу 20.07.2020
33	«Ахлю Сунна Валь Джамаа» («Красноярский джамаат»)	Дальневосточный окружной военный суд от 30.09.2019 № 1-21/2019, вступил в силу 05.07.2020
34	«National Socialism/White Power» («NS/WP, NS/WP Crew, Sparrows Crew/White Power, Национал-социализм/Белая сила, власть»)	Верховный суд Российской Федерации от 21.05.2021 № АКПИ21-343С, вступил в силу 25.06.2021
35	Террористическое сообщество, созданное Мальцевым В.В. из числа участников Межрегионального общественного движения «Артподготовка»	2-й Западный окружной военный суд от 18.06.2020 № 2-7/2020, вступил в силу 07.06.2021
36	Религиозная группа «Джамаат «Красный пахарь»	Красноглинский районный суд г. Самары от 16.07.2021 № 2а-1667/2021, вступило в силу 31.08.2021
37	Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С, вступило в силу 11.03.2022
38	Хатлонский джамаат	2-й Западный окружной военный суд от 03.11.2021 № 2-165/2021, вступил в силу 24.01.2022
39	Мусульманская религиозная группа п. Кушкуль г. Оренбург	Оренбургский областной суд от 04.03.2022 № 3а-206/2022 (3а-2113/2021), вступило в силу 22.04.2022
40	«Крымско-татарский добровольческий батальон имени Номана Челебиджихана»	Верховный Суд Российской Федерации, от 01.06.2022 № АКПИ22-303С, вступило в силу 05.07.2022

41	Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 02.08.2022 № АКПИ22-411С, вступило в силу 10.09.2022
42	Партия исламского возрождения Таджикистана (Республика Таджикистан)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.09.2022 № АКПИ22-680С, вступило в силу 18.10.2022
43	Межрегиональное леворадикальное анархистское движение «Народная самооборона»	Челябинский областной суд, от 12.09.2022 № За-237/2022, вступило в силу 18.10.2022
44	Террористическое сообщество «Дуббайский джамаат»	2-й Западный окружной военный суд, от 12.07.2022 № 2-121/2022, вступил в силу 26.09.2022
45	Террористическое сообщество – «московская ячейка» МТО «ИГ»	2-й Западный окружной военный суд, от 17.05.2022 № 2-41/2022, вступил в силу 21.12.2022
46	Боевое крыло группы (вирда) последователей (мюидов, мурдов) религиозного течения Батал-Хаджи Белхороева (Батал-Хаджи, баталхаджинцев, белхороевцев, тариката шейха овлия (устаза) Батал-Хаджи Белхороева)	Южный окружной военный суд, от 28.11.2022 № 1-215/2022 вступил в силу 16.12.2022
47	Международное движение «Маньяки Культ Убийц» (другие используемые наименования «Маньяки Культ Убийств», «Молодежь Которая Улыбается», М.К.У.)	Верховный Суд Российской Федерации, от 16.01.2023 № АКПИ22-1227С, вступило в силу 21.02.2023

**НОРМЫ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Уголовный кодекс Российской Федерации				
ст. 205¹	ст. 205²	ст. 205³	ст. 205⁴	ст. 205⁶
финансирование терроризма – финансирование организации, подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных:	террористическая деятельность – совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных:	осуществление террористической деятельности либо совершение одного из преступлений, предусмотренных:	осуществление террористической деятельности или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных:	несообщение о преступлении, о лице (лицах), которое готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных:
205	205	—	—	205
205 ¹	205¹	205 ¹	205 ¹	205 ¹
205 ²	205²	—	205 ²	205 ²
205 ³	205³	—	—	205 ³
205 ⁴	205⁴	—	—	205 ⁴
205 ⁵	205⁵	—	—	205 ⁵

—	205⁶	—	—	—
206	206	206	206	206
208	208	208	208	208
211	211	211	211	211
220	220	—	220	220
221	221	—	221	221
277	277	277	277	277
278	278	278	278	278
279	279	279	279	279
360	360	360	360	360
—	361	361	361	361